

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средствам массовой коммуникации

Свидетельство о регистрации

Эл № ФС77-64254 от 25 декабря 2015 года

Над выпуском работали

Паршина Ю.С.

Пирогова Е.В

Адрес редакции:

141070, Королев,

Ул. Октябрьская, 10а

Тел. (495)543-34-31

e-mail: sgtjournal@mail.ru

www.sgtjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

В.И. Антоненко, Н.В. Гайдабрус
РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ЯЗЫКЕ В ИСТОРИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....3

В.И. Антоненко, Т.Ю. Кирилина, В.А. Смирнов
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ.....11

Т.Ю. Кирилина, Е.Н. Горбанева, Е.Е. Григорьева
АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНАНТ ЗДОРОВОГО ДОЛГОЛЕТИЯ.....18

А.В. Ивашенко
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ УВОЛЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....32

А.Э. Ларионов, А.В. Новичков
ФАКТОРЫ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ (сравнительно-исторический анализ).....41

К.О. Магомедов
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАДРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ.....55

А.А. Мороз
ФАКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНО ИНТЕГРИРОВАННЫХ И МАРГИНАЛЬНЫХ НАРКОПОТРЕБИТЕЛЕЙ.....62

В.М. Флоря, Т.И. Бузмакова, К.В. Лапшинова
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ.....71

ПЕДАГОГИКА

В.И. Антоненко, Н.В. Гайдабрус
СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ. АНАЛИТИКА ТЕМЫ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ БАКАЛАВРОВ НЕГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....77

В.Г. Ковалев
СЕТЕВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА В СФЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....85

У.А. Когтева, Т.В. Черняк
ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ КАФЕДРЫ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ВУЗОМ НА ПРИМЕРЕ КАФЕДРЫ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА».....91

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Кирилина Татьяна Юрьевна,

доктор соц.н., доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин «МГОТУ»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. Басманова Нина Ивановна, к.псих.н.доцент
2. Бузмакова Тамара Ивановна, к.пед.н., доцент
3. Гайдабрус Наталья Викторовна, к.фс.н.
4. Долгорукова Ирина Владимировна, д.соц.н., доцент
5. Капранова Марина Валерьевна, к.псих.н.
6. Ковалев Вячеслав Григорьевич, к.пед.н.
7. Красикова Тамара Ивановна, к. филол. н., доцент
8. Лапшинова Кира Викторовна, к.соц.н.
9. Ларионов Алексей Эдиславович, к.и.н.
10. Магомедов Керем Османович, д.соц.н., профессор
11. Морозюк Светлана Николаевна, д.псих.н., доцент
12. Морозюк Юрий Витальевич, д.псих.н., профессор
13. Романов Петр Сергеевич, д. пед.н., доцент
14. Старцева Татьяна Евгеньевна, д.пед.н., профессор
15. Флоря Василий Михайлович, д.соц.н., профессор

Т.И. Красикова

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....98

П.С. Романов

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВОЗЗРЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ БИБЛИОТЕКОВЕДОВ В ТЕОРИИ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ.....102

ПСИХОЛОГИЯ

Т.С. Вотинцева, Н.И. Басманова

РОЛЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ.....119

С.С. Костыря

ПСИХОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В РАЗРАБОТКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ....125

Ю.В. Морозюк, С.Н. Морозюк

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПОРТРЕТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЛОЯЛЬНОСТИ.....130

Ю.В. Морозюк, В.А. Попова

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РАБОТЫ С ПЕРСОНАЛОМ.....135

Т.О. Смолева, С.Н. Морозюк

СТАТУС РЕФЛЕКСИИ В СИТУАЦИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....140

УДК 1:378

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ЯЗЫКЕ В ИСТОРИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В.И. Антоненко, к.ф.н, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Н.В. Гайдабрус к.ф.н, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
 Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

Статья посвящена теоретическому анализу процесса развития учения о языке с момента его возникновения в Древнем мире. В ней последовательно рассматриваются те элементы языка, которые становились предметом изучения на различных этапах развития человеческой культуры. Внимание мыслителей постоянно привлекали такие понятия, как слово, понимание, объяснение, автор, авторитет, текст, язык, замысел, смысл, диалог, закон, точка зрения, мировоззрение и т.п., применяемые в психологии, педагогике и социологии. В статье акцентируется внимание на том, что сознание, мышление, язык и образование лежат в основе общественного прогресса, поэтому развитие теории языка в условиях реформирования образования приобретает особое значение в педагогической деятельности.

Слово, язык, текст, автор, понимание, объяснение.

THE DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF LANGUAGE IN HISTORY SPIRITUAL CULTURE OF MANKIND

V.I. Antonenko, PhD, associate Professor of the Department of humanitarian and social disciplines,
N.V. Gaidabrus, PhD, assistant Professor of the Department of Humanities and social Sciences, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

The article is devoted to theoretical analysis of the development of the doctrine of the language since its emergence in the Ancient world. It deals successively with the elements of the language, which became the subject of study at various stages of development of human culture. The attention of thinkers has attracted such thing as the word, understanding, explanation, author, authority, text, language, intent, meaning, dialogue, law, viewpoint, worldview, etc., used in psychology, pedagogy and sociology. The article focuses on the fact that consciousness, thinking, language and education are the basis of social progress, so the development of the theory of language in the context of educational reform is of particular importance in teaching.

Word, language, text, author, understanding, explanation.

Сегодняшнее положение человечества является результатом трех предшествующих промышленных революций, каждая из которых привела к качественным изменениям в технике, технологиях, способах соединения человека со средствами труда. Механизация, конвейерное производство, автоматизация осуществлялись благодаря постоянному совершенствованию сознания, образования и языка. В настоящее время человечество стоит на пороге

четвертой промышленной революции, которая полностью изменит не только бытие человека, но и его духовно-интеллектуальные качества, связанные со знанием, образованием и языком.

С одной стороны открываются колоссальные возможности по преобразованию образа жизни и переходу людей на более высокую ступень развития, с другой - существует опасность ослабления креативности, падения творческого потенциала человечества в результате непродуманного использования информационных технологий. В итоге человек может уступить свое место им же созданному коллективному интеллекту, гиперразуму. Как отмечает Ж. Аттали «На этом закончится история Homo sapiens sapiens как типа» [3, с. 262]. Под разрушительными волнами будущего он преодолет сам себя.

Все происходящее в мире людей органически связано с его главным атрибутом - сознанием, свидетельством наличия которого является язык. Сознание и язык образуют единство, предполагают друг друга. Сознание не только выявляется, но и формируется с помощью языка. Благодаря языку мы в данной статье судим о развитии духовной культуры человечества, важнейшим элементом которой и является язык. Но что такое язык? Ответ на этот вопрос пытались дать еще мудрецы Древнего мира. В связи с тем, что основной языковой единицей является слово, именно оно стало первым предметом осмысления. Мудрецы пытались понять, что оно собой представляет и какую роль выполняет в языке.

От религиозно-мифологического мировоззрения остались представления о магических возможностях слова: способности с его помощью наводить порчу, воздействовать на здоровье и судьбу, исцелять и т.п. Однако в новых условиях возникла потребность осознать возможности слова, связанные с преодолением непонимания между людьми, установление контакта с другими народами, усвоением смысла текстов в процессе образования, убеждения своих оппонентов в ходе диалогов. Решение этих и других вопросов языка осуществлялось в рамках натурфилософии. В ней огромное значение придавалось логосу, под которым античные мудрецы понимали объективно существующий в мире разум.

На основе данного подхода сложились две основных концепции слова (имени). Одна непосредственно базировалась на понятии «логос», означавший объективно существующую мысль, разум, закономерность, слово. Представитель этой концепции Гераклит считал, что общий космический логос в один и тот же момент времени пронизывает вещи и их имена (слова). Именно это обуславливает возможность разумной речи о происходящем. Но поскольку мир постоянно меняется, для постижения истины необходима особая причастность логосу, которую имеют только мудрецы. Отсюда лейтмотив данной концепции заключался в том, что постижение слова и способность вести разумную речь зависит от понимания гармонии мира в целом. Данный подход был характерен для Сократа, Платона и других представителей сократических школ.

Для представителей рассматриваемой концепции характерным было также свободное изложение материала в процессе педагогической деятельности. От своих учеников Сократ, Платон и другие не требовали заучивания текста наизусть, использования точных выражений. Можно было излагать материал свободно. Пересказ текста своими словами был допустим и приемлем. Поэтому в текстах Платона, Аристотеля и других нет точных цитат, нет ссылок на других авторов.

Если в первой концепции акцент делался на взаимосвязь вещи и обозначающего её слова, то представители другой концепции исходили из того, что слова, лишь имена, не имеющие никакого отношения к сути вещей. На основании данного подхода софисты (учителя мудрости) полагали, что словами можно доказать как правоту истинных высказываний, так и противоположных им заблуждений. Протагор и другие мыслители, отстаивавшие данный подход, подвергались критике. Убедительным аргументом в споре против софистов

было положение Аристотеля о том, что истина есть соответствие нашей мысли предмету. Это означало, что отношение слова и вещи не случайно. Отсюда следовало, что софисты заблуждались.

С идеями Аристотеля связано и происхождение термина «понимание», имеющего большое значение в педагогической практике. Благодаря словам мы понимаем, постигаем суть вещей. Понимание мыслилось как постижение логоса, порядка божественного ума. Поскольку душа человека изначально причастна к божественному логосу, постольку она также обладает способностью схватывания сущности вещей. Рассмотрение термина «понимание» предполагало осознание понятия «смысл». В учении стоиков о лектоне, как человеческом смысле мира, обосновывалась несводимость языка ни к вечным истинам, ни к вещам. Стоики лишили слово статуса представителя вещи, они заменили понятие «имя» на понятие «знак». Началось развитие грамматики как отражения в человеческом восприятии смыслов мира.

В латинской грамматике сложились школы аномалистов и аналогистов. Аномалисты, подобно софистам, считали связь слова и сущности вещи случайной. Они отрицали взаимосвязь смысла текста и его слов. Аналогисты, напротив, полагали возможным отождествить логосы предметов и речи. На этой основе выстраивались различные варианты толкований, например, аллегорические, буквальные и т.д. [1, с. 359-367].

Анализ литературы показывает, что в античности нет представления о границах текста, о контексте, отсутствует понятие «автор» в его современном значении. Античное мышление называет автором того, кто причастен к божеству. Здесь, как видно, под авторством понимается авторитет. Это тот, кто устанавливает традицию, дает наименование определенному содержанию. Пишущие в рамках традиции авторами не признаются.

В античности существовала практика свободного переписывания и исправления текстов. С.С. Аверинцев убедительно показал это на примере Псалтыря и Притчей Соломоновых. Из текстов Библии видно, что песни сочиняли Агур, Лемуил и др. Но все они приписываются Соломону как единственно действительному автору [2, с. 284-289]. По мере развития теории языка осуществляется осмысление особенностей видения мира выдающимися людьми. Одновременно с развитием авторского сознания происходит изъятие слова из сакрального и житейского обихода и использование его как инструмента взгляда на мир. Возможной становится речевая характеристика авторов, участвующих в диалоге.

Заметный вклад в учение о языке внесла герменевтика. Как искусство интерпретации текстов она существовала уже в Древнем мире. К ней обращались мыслители, занимавшиеся истолкованием мифов, символов, иносказаний, философских текстов и афоризмов. Неоплатоники Плотин, Порфирий, Прокл и Ямвлих стремились разьяснить произведения Гомера, Платона, Аристотеля и других мыслителей.

Видные представители Средневековой культуры Аврелий Августин, Пьер Абеляр, Фома Аквинский, Дунс Скот, Уильям Оккам пытались дать адекватное толкование Библии. В споре между реалистами и номиналистами об универсалиях все ее ключевые вопросы решались с позиции Священного Писания. Постепенно происходит переосмысление термина «понимание» с позиций теологии. Поскольку сущность Бога непостижима и его деяния недоступны человеческому разуму, то понимание не распространяется на сверхъестественное, божественное. В Бога следует верить, а не понимать. Но наряду с утверждением «верую потому, что абсурдно» существовало и суждение «верую, чтобы понимать». Примером стремления понять Бога с помощью разума являются доказательства бытия Бога, сформулированные Ф. Аквинским.

В средневековом сознании невозможность понимания божественного бытия преодолевается возможностью его истолкования (интерпретацией). Истолкование рассматривается как другой тип понимания, отличный от непосредственного схватывания сути. В истолковании суть воспроизводится постепенно, в процессе размышления. Складывается ряд школ, в которых учение о понимании смыслов Библии является определяющим. Августин Блаженный, создавший свод правил толкования Священного Писания, дает классификацию ее смыслов. Он выделяет буквальный, аллегорический, аналитический, пророческий смыслы. В трактатах Августина четко просматривается историческое толкование, благодаря которому человечество представлено в его развитии от прошлого к настоящему.

В эпоху Возрождения на передний край художественно-эстетических размышлений выдвигается человек. Их антропоцентрический характер четко просматривается и в осмыслении вопросов языка. Учение о языке обогащается понятием «текст». Под ним понимается определенная последовательность слов, построенная согласно правилам данного языка. Сам язык начинает рассматриваться не как набор независимых друг от друга слов, а как целостное сочетание, выражающее душу автора, а через него и душу народа.

Для представителей гуманизма XV-XVI веков чрезвычайно важной является способность выражать с помощью речи общие всему человеческому роду идеи. При этом предпочтение отдается доброте и справедливости. Свидетельством этому являются произведения таких гуманистов как Лоренцо Валла, Мишель Монтень, Джованни Боккаччо. В текстах этих и других авторов поступки людей рассматриваются с позиций нравственности. Становится важным то, кто и как излагает содержание текста. Отсюда начинается формирование идеи авторства и разграничения авторства и авторитета.

Автор рассматривается как гарант целостности текста. Возникает идея герменевтического круга, как такого понимания целостности текста, при котором смысл целого определяется смыслом частей. В свою очередь смысл части зависит от смысла целого. Расширяется содержание термина понимания. Теперь важным его моментом становится толкование. Понимание текста возможно только в том случае, если в нем имеется общепринятый смысл. Отсюда в европейской культуре начинается формирование идеи замысла произведения.

Значение этой идеи особо ярко проявилось в ходе революции в науке в эпоху Нового времени. В замыслах научных трудов в концентрированном виде отражалась суть сделанных открытий в области естествознания. Так, в труде Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» замысел выражен в основных законах механики. Замысел научных трудов Рене Декарта и Готфрида Лейбница по математике, механике, физике и физиологии также очевиден. Это же можно сказать и о теории естественного права в общественных науках Томаса Гоббса в Англии и Гуго Гроция в Голландии. Четко выраженный замысел научных трудов имел большое значение в ходе их освоения студентами университетов.

Для педагогической деятельности важно также, что языковедение превратилось в языкознание. Х.Г. Гадамер отмечал, что появляется «наука о языке, а не о языке говоримом». Это означает, что герменевтику, литературоведение, педагогическую практику и другие направления гуманитарной мысли интересует не столько сообщаемая в текстах информация, а то как можно вообще что-либо сообщать.

Языкознание насыщается содержанием, обогащая педагогическую мысль. Важнейшим его элементом становится понятие «точка зрения», введенная школой Г. Лейбница. Под ним понималось то состояние человека, которое позволяло ему воспроизводить окружающий мир с достигнутого уровня развития. Вслед за этим понятием И. Кант вводит в

научный оборот категорию «мировоззрение». Эта категория обозначала систему взглядов на мир в целом, место и роль человека в нем.

В языкознании текст с позиций данной категории рассматривается как закрепленное в знаках мировоззрение, как знаково-символическая система, выраженная с помощью языка. В XX веке утвердилось два значения термина «текст». В одном случае текст понимается как равный самому себе. Его называют статическим. В другом, рассматривается как система, из которой можно постоянно получать новые идеи. Такой текст получил название избыточного.

Поскольку в мировоззрении человек рассматривается в его соотношении с миром, постольку понимание текста как зафиксированного в языке мировоззрения предполагает расшифровку текста с учетом наличия в нем точки зрения автора. Так в языкознании формируется психологическая модель автора как уникального субъекта, отражающего окружающую реальность с позиций его жизненного опыта. Автор текста соотносится с той личностью, которая этот текст пытается понять.

Термин «понимание» утвердился благодаря Ф. Шлейермахеру. Он полагал, что существует индивидуальная связь человека с Богом. Поэтому понимание принципиально возможно. Запечатленный в тексте смысл будет понят после того, как человек реконструирует авторский способ видения мира и попадет в круг его души. Сложившееся в Новое время понимание текста как мировоззрения позволило распространить его на всю культуру. Все творения человеческого духа стали пониматься как видение мира человеком, как «сетка», накинутая на мир. Идея «сетки», помещенной между человеком и миром, отождествляется с языком.

Эта общая сетка представлялась Г. Лейбницу универсальным исчислением мира, а Т. Гоббсу представлением отдельных предметов в речи. Сложилось понимание того, что язык в качестве сетки, накинутой на мир, может быть предметом изучения. Отсюда, признавалась возможность не только «видения языка», но и его знания. Дальнейшее размышление приводило к заключению о том, что знание языка есть знание законов устройства сетки, помещенной между человеком и миром. Отсюда, главное в понимании заключалось в реконструкции исходной точки зрения автора. «Увидеть и понять автора произведения - значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, т.е. другой субъект» [4, с.311].

Понимание текста как мировоззрения предполагает диалог между автором текста и тем человеком, который стремится проникнуть в его суть. Термин «диалог», известный из трудов Платона как искусство вести эффективный спор между собеседниками, претерпел второе рождение. Постигающий текст человек теперь ведет диалог с автором, который может быть жил очень давно, в прошлом.

Взаимодействие мировоззрений через текст рассматривалось с двух позиций. Представители немецкого романтизма считали, что для понимания мировоззрения автора необходимо полностью в нем раствориться. Но текст при этом лишается претензии на истину, а стремящийся понять автора выводится из сферы понимания. Сторонники «исторического объективизма» исходили из того, что накопленный человеком исторический опыт будет способствовать пониманию существенных признаков в мировоззрении автора. Как отмечал Г. Гадамер, его методы «лишают почвы произвол и случайность актуализирующего панибратства с прошлым, однако, при этом он создает себе возможность со спокойной совестью отрицать произвольные и случайные, но основополагающие для целого предпосылки, направляющие его собственное понимание» [5, с.356].

Отождествление языка с общей сеткой, наброшенной на мир, явилось импульсом для его исследования. Возникают различные естественные теории языка. Этапами его изу-

чения стали первоначальные сигналы животных, создание абстрактных имен в ходе постоянного усложнения языка и т.д. В конечном итоге язык стал мыслиться как продукт и одновременное условие развития культуры. Весьма продуктивной стала энергичная теория языка В. фон Гумбольта. В ней язык рассматривался как целенаправленная работа духа с целью приспособить членораздельные звуки к выражению мысли.

Язык есть непосредственная деятельность сознания, мысли. В то же время сознание проявляется и формируется с помощью языка. Эти положения вошли в содержание социологической и психологической школ языкознания XIX века. В них язык понимался как выражение специфической позиции человека в мире, как процесс моделирования действительности. отождествляя язык с сеткой, помещенной между миром и человеком, сторонники этих теорий основное внимание уделяли решению проблемы устройства этой сетки. В процессе решения данной проблемы созрело понимание того, что язык является необходимым компонентом мышления. Дискуссии о природе слова позволили обратить внимание на историю языка - новую предметную сферу языкознания.

В XIX века происходит разделение наук о природе и наук о духе, окончательно оформляется дихотомия понимания и объяснения. Дж.Ст.Милль в своем труде «Логика индуктивных наук» вводит в оборот термин «науки о духе». В отличие от естественных наук они не достигли степени зрелости, позволяющей путем индуктивных обобщений опытных данных формулировать законы и на основе количественных методов устанавливать причинно-следственные связи, раскрывать сущность.

Изучение наук о духе, под которыми понимались гуманитарные науки, позволило установить и другие признаки, отличающие их от наук о природе. В частности то, что они обладают не чистым и свободным от наблюдателя опытом, что в них нет той повторяемости и правильности, которая свойственна процессам природы. Поэтому в отличие от наук о природе, где доминирует объяснение, здесь необходимо понимание, предполагающее вхождение в содержание интуитивно схватываемой целостности.

Бурное развитие естествознания в Новое время дало импульс достаточно глубокому обоснованию природы и роли объяснения в ходе познания. Ф.Бэкон, Р.Декарт и другие мыслители считали, что познание природных предметов требует не столько понимания, сколько правильного объяснения с помощью таких методов как индукция, дедукция, наблюдение, сравнение и т.д.

Создавая методологию опытного естествознания Ф.Бэкон считал необходимым разделение и разложение тел с помощью индукции, сравнения и опытов, сведение сложного к простому. Примерно так же мыслил и Р. Декарт, разрабатывая свои правила для руководства ума. Основоположники науки Нового времени Р. Гук, Г. Галилей, И. Ньютон рассматривали познание как процесс разложения на составляющие части. При этом они исходили из того, что субъект познания находится на удалении от предмета изучения. Они считали познаваемым только то, что можно сконструировать и воспроизвести. Предметный мир постигается математически путем методического исследования [6, p.47].

Новое представление о познаваемых вещах стали следствием ускорения темпов исследования. До этого Вселенная рассматривалась как система совершенных творений, законом функционирования которых является божественное предназначение. Ф.Аквинский выделял два ряда законов. Одним из них был «естественный закон», который Бог вложил в умы и сердца людей. В XVII веке в арсенал научного языка он входит переосмысленным, формируется новая интерпретация понятия закона. Теперь он рассматривается как естественная взаимосвязь, определяющая развитие и функционирование вещей. Состояние научного познания XIX века позволило осознать закон как устойчивую, необходимую, повторяющуюся, существенную связь предметов и явлений. Открытие законов становится

главной целью научного познания. На основе законов делаются предсказания, создаются теории, адекватно описывающие предметный мир.

Закон позволяет объяснить множество предметов, имеющих одинаковые признаки. Но он бессилён в тех сферах, где вещи представлены в их уникальности. Речь, прежде всего, идет о человеке. На это обратили внимание представители герменевтики. В. Дильтей и Ф. Шлейермахер зафиксировали это в положении: «Природу мы объясняем, а человека понимаем». Методологическое значение данного положения в педагогической деятельности невозможно переоценить.

Операция объяснения представляет собой логическое подведение определенных предметов и явлений под закон. Законам подчиняются только те предметы и явления, которые обладают одинаковыми или сходными признаками. Имеющие другие признаки подчиняются другим законам. Люди при их общем внешнем сходстве сильно различаются своими духовно-интеллектуальными и нравственными качествами. Поэтому подвести индивидуальные качества людей под закон невозможно. Следовательно, для их познания объяснения недостаточно. Необходимо понимание, заключающееся во вживании в ту эпоху, в которой обитал изучаемый человек.

Развитие языкознания свидетельствовало о том, что в отличие от естественных наук, где все сводилось к объяснению и закону, в области гуманитарных наук на рубеже XIX-XX веков эту роль выполняло понимание и идея текста как мировоззрения. Считалось, что с их помощью можно проникнуть в самые сокровенные области человеческой психики и культуры в целом. Однако, были и сомнения, связанные с тем, что далеко не все люди, читая тексты, стремятся реконструировать заложенное в них мировоззрение и вступить в диалог с автором текста. Явно просматривалась недостаточность понимания диалога, основанного на отождествлении текста и мировоззрения.

Понимание текста как мировоззрения предполагало его «встречу» с мировоззрением того субъекта, который стремится его постичь. Для этого необходимо погрузиться в духовный мир автора текста, обладать некоторым превосходством и иметь единое смысловое поле культуры. Поскольку соблюсти все это невозможно, постольку понимание текста как закрепленного в языке мировоззрения недостаточно.

Исследование текста на философском уровне, рассмотрение категорий понимание, интерпретация, герметический круг и др. позволило представить его уже не сеткой смыслов, которые надо расшифровывать путем обращения к вне текстовым реалиям культуры, а аспектом, моментом процесса понимания. В изучении текста можно выделить ряд этапов. Одним из них является понимание текста как некоторой целостности, обладающей устойчивым смыслом. В начале речь шла о связности текста на уровне фразы. В XV веке Матиус Флациус сформировал правило «сначала прочти текст от начала до конца», т.е. требование целостности применяется ко всему произведению. Ф. Шлейермахер считал необходимым применять целостность не к одному, а ко всем произведениям автора данного текста. В. Дильтей, М. Бахтин и др. пошли еще дальше, т.е. считали принцип целостности применимым к культурной эпохе и культуре в целом.

Из рассуждений о связности текста становится понятно, что центральное место в нем занимает смысл. Связность текста помогает обнаружить смысл. Текст открывается только благодаря смыслу, который не вплетен непосредственно в текст, но и не свободен от него. Смысл как бы вырастает из текста, формируется при его чтении. В зависимости от господствующего мировоззрения основой смысла считается либо божественное откровение, либо мировой дух, либо материя. Понимание текста как мировоззрения дало возможность определить место смысла в языковых структурах.

Категория «связность произведения» позволяет, в конечном итоге, осознать органическую связь автора и текста. Эта мысль в аппарате гуманитарных наук утвердилась в эпоху Возрождения. Поскольку творцом текста является человек, постольку понять замысел текста можно только проникнув в замысел автора. С усложнением общественного бытия в XX - XXI веке осуществить это становится труднее. Преодолению возникающих трудностей способствует развитие языкознания. В XX веке его центральной проблемой стала проблема языка, как опыта мира, и реализация человека в этом мире.

Возникли представления о слове как архетипе культуры, о языке как системе, где отношения доминируют над элементами, где при различных преобразованиях сохраняется определенная устойчивость. Язык стал относиться к полю над индивидуальными смыслами и пониматься не только моделью мира, но и опытом мира. Человек с помощью суждения не только понимает смысл, но и ощущает свою причастность к нему.

Реалии информационной эпохи обострили вопрос подлинного значения высказываний другого человека. Так в средствах массовой информации тексты не имеют смысловой завершенности. Они являются лишь звеном в информационной сети. Каждый текст является лишь элементом целой серии взаимосвязанных между собой текстов. Причем многие из них созданы не одним человеком, а коллективным трудом некоторой группы людей. В условиях постоянной информационной войны происходит намеренное манипулирование информацией. Все это необходимо учитывать в педагогической деятельности.

Обобщая вышеизложенное необходимо отметить, что учение о языке, возникнув в Древнем мире, прошло ряд этапов в своем развитии. Важные его звенья запечатлены в таких терминах, как «слово», «понимание», «истолкование», «текст», «автор», «авторитет». Переход от языковедения к языкознанию означал переосмысление старых понятий и возникновение новых, таких как «точка зрения», «мировоззрение», «сетка, накинутая на мир», «диалог», «понимание», «объяснение», «закон», «текст как встреча мировоззрений» и т.д.

Литература

1. Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. . 359-367.
2. Античные теории языка и стиля // Под ред. О.М.Фрейденберг. СПб., Алетейя. 1996. С. 284-289.
3. Аттали Ж. Краткая история будущего/Жак Аттали: [перевод с франц.] - СПб.: Питер, 2014.- С.262
4. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 311.
5. Гадамер Х.Г. Истина и метод. М., 1988. С. 356.
6. Gadamer H.G. Die griechische Philosophie und das moderne Denken // Die Moderne und die Grenzen der Gegenstaendlichkeit. Muenchen. 1996. S. 47.

УДК 1:378

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

В.И. Антоненко, к.ф.н, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Т.Ю. Кирилина, д.с.н., зав. кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин,
В.А. Смирнов, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
 Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

В статье рассматриваются социокультурные аспекты цивилизационного развития, связанные с ролью сознания, мышления, познания в формировании рыночной экономики и демократии. Отмечается значение техники и технологии в движении общества к более высокому уровню развития. Раскрывается процесс перехода от техники, обеспечивающей комфортные материальные условия жизни людей, к технике, усиливающей возможности сознания человека. Опираясь на анализ материалов четвертой промышленной революции, авторы обращают внимание на тенденцию развития искусственного интеллекта, формирование коллективного интеллекта и возможность создания в будущем гиперразума.

Цивилизация, рыночная экономика, демократия, сознание.

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF CIVILIZATION DEVELOPMENT

V.I. Antonenko, PhD, associate Professor of the Department of humanitarian and social disciplines,
T.Yu. Kirilina, Doctor of sociological sciences, the head of the Department of Humanities and social Sciences,
V.A. Smirnov, PhD, associate Professor of the Department of Humanities and social Sciences,
 State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

The article discusses socio-cultural aspects of civilization development associated with the role of consciousness, of thinking, of cognition in the formation of a market economy and democracy. It notes the importance of engineering and technology in the movement of society to a higher level of development. Reveals the transition from technology for a comfortable material conditions of people's lives, to the technique that increase the possibility of human consciousness. Based on the analysis of materials of the fourth industrial revolution, the authors draw attention to the trend of development of artificial intelligence, the formation of collective intelligence and the possibility of a future of hyperraum.

Civilization, market economy, democracy, consciousness.

Актуальность данной темы обусловлена следующими обстоятельствами:

а) Современные цивилизации являются итогом исторически длительного развития человечества [8]. Исследование пройденного человечеством пути позволяет более глубоко

и всесторонне осмыслить состояние, противоречия и тенденции развития социума в условиях четвертой промышленной революции [6];

б) Цивилизационное развитие человечества вышло на уровень, с одной стороны, связанный с необходимостью более тесного взаимодействия народов [3], с другой стороны - этому процессу препятствуют США и некоторые страны Западной Европы, у власти которых находятся лидеры, мыслящие с позиций однополюсного мира;

в) Господствовавший длительное время в нашей стране подход к изучению общественного развития позволял детально исследовать роль материальных факторов как источников и движущих сил перехода от одной общественно-экономической формации к другой. Однако, роль сознания, мышления человека в возникновении инноваций в области техники и технологии явно недооценивалась.

Происшедшая трансформация традиционных русских ценностей в постсоветской России в процессе глобализации [4; 11] сделала возможным рассмотрение цивилизационного развития с позиции доминирующей роли сознания в создании инноваций в области техники и технологии. Реализация этого подхода осуществляется в данной статье. Сознание, мышление человека здесь представлено как важнейший фактор инновационного развития в области техники и технологии в возникновении, становлении и развитии рыночного уклада и демократии. Эволюция сознания и мышления в процессе перехода от одного уровня цивилизационного развития к другому происходит в направлении искусственного и коллективного интеллекта и в перспективе, возможно, к гиперразуму.

Развитие мировых цивилизаций осуществляется под влиянием технических, технологических, научных и иных факторов. Источником этих факторов является сознание человека. Возникнув на заре человеческой истории, оно реализуется в виде различного рода практической и теоретической деятельности. Результатом этой деятельности являются экономическая, политическая, социальная и духовная сферы общества [5; 8].

В фундаментальном труде О. Конта «Курс позитивной философии» содержится ценная для нашего исследования идея взаимосвязи сознания и социально-экономического развития общества. Конт выделяет три стадии интеллектуального (умственного) развития человечества: теологическую, метафизическую и позитивную, т.е. научную [7]. Этим стадиям соответствует три периода технического развития человечества: традиционное, доиндустриальное и индустриальное общество. В процессе развития традиционного общества был достигнут тот уровень сознания, который позволил осуществить переход от первобытности к цивилизации [10].

Началось более динамичное и продуктивное развитие человечества. Ремесло отделилось от сельского хозяйства, стали создаваться ирригационные сооружения. Прогресс развивался стремительными темпами в различных областях общественной жизни. Поселения и племена объединялись в царства. Шел процесс формирования государств [9], зарождалось искусство управления, возникли зачатки письменности. Разумеется, сознание участвует во всех этих процессах не напрямую, а опосредованно, через инновации, в которых воплощается ядро сознания – знание.

С появлением письменности процесс передачи знаний от одного поколения другому, от более осведомленных людей к менее знающим облегчается. Так возникает записанная в хрониках история. Благодаря письменности мы имеем представление о царских законах, например, о своде законов царя Хаммурапи. А также о том, как шло формирование основ бухгалтерского и финансового учета.

С появлением письменности возникает новое рациональное отношение к миру. Владение письмом развивало логическое мышление. Письменность позволяла сохранять

и передавать следующим поколениям большие объемы информации. Прогресс знаний создавал интеллектуальную основу общего прогресса цивилизации. Ростки рационального сознания воплощены в элементах математики, астрономии, медицины, технических изобретениях.

Образованные, владеющие знаниями люди, сосредоточенные в городах и храмах, создавали письменную культуру. Необходимой предпосылкой ее распространения было то, что для пополнения административного государственного аппарата постоянно требовался приток грамотных людей [9]. Круг людей, владеющих знаниями и способных эти знания развивать, постоянно расширялся и по причинам, не связанным с политико-правовой сферы. В экономической, социальной и духовной областях ценность образованных людей была очень велика.

История мировых цивилизаций свидетельствует, что наибольших успехов достигали те народы, которые предпочитали перемены. В Древнем мире пионерами прогресса были греки и евреи. Созданный ими идеал на первый план выдвигал свободу, права человека, соблюдение морального принципа, конкуренцию, индивидуализм, т.е. все то, что необходимо для рынка и демократии. Первые островки рынка и демократии, возникнув на берегу Средиземного моря, начали постепенно расширять пространство своего существования. Афины превратились в один из наиболее развитых центров Древнего мира, в котором процветали торговля, демократия, философия, поэзия, театр, скульптура.

После того, как Рим покорил Грецию, вобрал в себя ее культуру, произошло обогащение достигнутого за счет успехов в технике, прикладных науках, законодательстве, государственности. Во II-I вв. до н.э. Рим стал мировой державой, охватывающей все средиземноморье. Благодаря активной торговле и завоеваниям все новых владений в Риме стали целенаправленно развиваться товарно-денежные отношения. Христианство с его догматом о том, что материальные блага не являются дорогой к счастью, не привели к ослаблению рыночного строя.

Напротив, в христианской Европе обладающая знаниями и деньгами торговая элита, свободно передвигаясь по странам, создает в них основу для утверждения рыночного уклада. И там, где сложились необходимые предпосылки, формируются центры креативного класса, состоящие из торговцев, финансистов, промышленников, судовладельцев, инженеров и т.д. Жесткая конкуренция постоянно требовала инноваций, которые превращались в промышленную продукцию, продаваемую с выгодой.

В отличие от пассивных феодалов новый креативный класс – буржуазия был заинтересован в передовых технологиях, позволяющих извлекать максимальную прибыль и экономить усилия. В итоге уже на первых порах появляется трехпольный севооборот, конский хомут, водяные мельницы, ткацкие станки, механизмуется процесс валяния, происходит индустриализация продовольственного производства, развивается разделение труда, возникает потребность в кредитовании.

В центрах рыночного уклада господствует дух свободы и творчества, высокий уровень потребления, тяга к удовольствиям и полноценной жизни. При этом постоянно идет процесс усовершенствования рынка и демократии. Ярким примером является Венеция XIII-XV вв. В этом городе появились мастерские и финансовые учреждения, первые биржи, торговые дома, банки, страховые и акционерные общества.

Достигнутые в Венеции успехи получили дальнейшее развитие в Антверпене. Умение управлять финансовыми рынками позволило антверпенской бирже стать финансовым центром Европы. В этом городе с XV до середины XVI вв. развивались страхование, использовались разные ставки, проводились лотереи, действовала сложная банковская сеть.

Следует отметить, что при дефиците собственных инноваций успешно используются и копируются чужие идеи. Так изобретенные в Китае наборные печатные шрифты были использованы в книгопечатании. Книга стала мощным катализатором цивилизационного развития.

К 1650 г. ведущим финансовым рынком Европы становится Генуя. Ее власть над рынком обеспечивалась новой стратегической инновацией - бухгалтерским учетом, который реализовался в деятельности креативного класса, т.е. предпринимателей и банкиров. Они обеспечивали постепенный торговый рост, развитие промышленности, финансов и технологий.

В последующем это было характерно и для Амстердама, в котором располагалось производство нового типа водного судна – флейта, изобретенного в 1570 г. Поскольку флейта была востребована, постольку ее стали производить серийно. Поэтому Амстердам в начале XVII в. становится основным местом производства, продажи и ремонта кораблей. В корабельных мастерских используют подъемные краны и пилы, приводимые в движение силой ветра. Наемным рабочим предоставляется больше свобод и прав.

Значительную роль в развитии рыночной экономики сыграл протестантизм. На это обратил внимание М. Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма». Протестантизм освободил людей от чувства вины за свое богатство. Предпринимательская деятельность провозглашалась угодной Богу. Ослабление церковной монополии создавало определенные предпосылки для более насыщенной интеллектуальной и общественной жизни, свободного обмена идеями в научных сообществах и университетах [2].

Развитие рынка и демократии оказывало благоприятное влияние на практику материального производства. В свою очередь потребности мореходства, кораблестроения, военного дела, градостроительства обусловили успехи в математике и механике. Начиная с XVII в. бурно стало развиваться естествознание. Появляются более совершенные технические изобретения, облегчающие труд людей. Совершенствуются орудия труда в угольной и металлургической промышленности, создаются машины для текстильной промышленности. Развивается механизированное производство хлопка. Наиболее важные изменения не только в науке и технике осуществляются в Англии.

Значительную роль в развитии демократии сыграло решение английских правителей Марии II Стюарт и Вильгельма Оранского наделить парламент, избираемый буржуазией, правом контролировать ведение государственных дел. После этого события процесс формирования демократии в Англии заметно ускорился. Полномочия парламента расширились. Он имел право принимать законы, гарантировать соблюдение прав граждан, разрешать королю собирать армию и вступать в войну. Д. Локк в своем труде «Трактат о правлении» писал о демократическом правительстве, обеспечивающем человеку его естественные и неотчуждаемые права.

Демократические преобразования в Англии влекут за собой перемены в рыночном укладе. Состояние финансов позволяет модернизацию промышленности, изобретается новый прядильный станок, работающий на энергии падающей воды, создается паровая машина, устанавливается паровой двигатель на корабле и на локомотиве. В 1821 году в пригороде Лондона строят первую ветку железной дороги. Происходят изменения и в социальной сфере. Все больший вес приобретают буржуазный и рабочий классы. К 1855 г. рабочий класс становится в Англии третьим по численности после крестьян и прислуги. Растет число граждан, имеющих право голоса.

Анализ развития рыночного уклада свидетельствует о том, что важнейшую роль в его утверждении играет определенная инновация. По развиваемой технологии в Европе с

момента возникновения рыночной экономики это кормовой руль, каравелла, книгопечатание, бухгалтерия, флейта, паровой двигатель. В связи с тем, что в конце XIX – начале XX вв. в центр рыночного уклада сместился в Америку: сначала в Бостон, затем в Нью-Йорк, а в настоящее время в Лос-Анджелес. Рассмотрим, благодаря каким инновациям осуществлялся этот процесс.

Первым центром американского капитализма стал город Бостон, креативный класс которого сделал ставку на новый источник энергии – нефть, на новую движущую силу (двигатель внутреннего сгорания) и новый промышленный товар (автомобиль). Именно в Бостоне автомобиль превращается в продукт массового потребления, начинается его серийное производство. Автомобильная индустрия развивается быстрыми темпами благодаря притоку инноваций из Европы. Масштабное переселение людей в Америку, обладающих значительным интеллектуальным потенциалом, способствует развитию ее промышленной сферы. В отличие от Европы, в США нет ремесленной традиции, и поэтому в автомобильную индустрию легче было ввести необходимый для массового производства конвейер.

Автомобиль, как новый инновационный продукт, является катализатором развития многих сфер экономики. На удовлетворение потребностей автомобильной промышленности работают металлургическая, угольная, нефтяная и химическая отрасли. Прокладываются дороги, пригодные для передвижения автомобилей, развивается торговая и банковская сети. Креативный класс Америки в центре своего внимания постоянно держит инновации, эффективно превращая их в продукты промышленного производства.

Ярким свидетельством этого стало использование электричества в создании продукции массового потребления: стиральных машин, холодильников, вентиляторов, радиоприемников, телевизоров. Благодаря изобретенному в 1889 г. Николой Тесла электродвигателю Нью-Йорк за период с 1945 по 1965 гг. превращается в самую большую мировую метрополию с развитой сетью банков, страховых компаний, рекламных, маркетинговых и медиа агентств.

В последние годы произошло резкое обострение отношений между Россией и США. В связи с этим особый интерес представляет процесс превращения Америки в самую развитую экономику мира. Как удастся креативному классу этой страны превращать новейшие технологические достижения в продукцию серийного производства? Чтобы понять это, необходимо проанализировать развитие рыночной экономики в Калифорнии, то есть там, где после второй мировой войны развернулся новый технологический бум. Важнейшим его признаком является автоматизация административных процессов крупных предприятий. Автоматический процесс обработки данных привел к увеличению производительности не в проценты, а в разы.

На рынке появились устройства, вмещающие в себе миллиарды единиц информации. Предметами повседневной жизни стали мобильные устройства, позволяющие на очень малых площадях хранить, обрабатывать и передавать большие объемы информации. Рынок последовательно завоевывают компьютер, мобильный телефон и интернет. Разрабатывается технология, позволяющая соединять компьютеры между собой с помощью телефона. Формируется информационная сеть, к которой к 2009 году было подключено до 1 миллиарда компьютеров.

В настоящее время США стремятся сохранить лидерство в сфере оборонных технологий, микроэлектроники, передачи данных, энергетики, телекоммуникаций, производства двигателей, систем наведения, новых материалов, авиационной и космической промышленности. Осознавая этот факт руководство нашей страны в последние годы стремится исправить просчеты, допущенные предыдущим руководством в области экономики.

Анализ цивилизационного развития человечества позволяет утверждать, что с возникновением рыночной экономики и демократии в развитии человечества произошли существенные перемены. В данном материале речь идет об изменениях в сфере материального производства. Сила воды и пара позволила осуществить механизацию производства. Использование электричества дало возможность наладить конвейерное производство. С помощью электроники и информационных технологий произошла его автоматизация. Все эти перемены были связаны с увеличением физических возможностей человека и с обеспечением его более комфортного существования в природной и социальной среде.

То, что происходит в последние десятилетия, свидетельствует о качественно новом этапе цивилизационного развития. Это четко зафиксировано в материалах Всемирного экономического форума в Давосе (2016 г.). Креативный класс осознает, что человечество стоит на пороге технической революции, которая полностью изменит жизнь, трансформирует не только среду обитания, но и самого человека. В отличие от прошлых промышленных революций, развивающихся линейно, масштаб четвертой увеличивается по экспоненте.

Но самое главное заключается в том, что в колоссальной степени возрастают интеллектуальные возможности человечества. Свидетельством этого являются прорывы в таких областях как искусственный интеллект, квантовые компьютеры, робототехника, интернет вещей, нанотехнологии, 3D-печать, автономный транспорт, материаловедение, новые батареи. Особую роль может сыграть искусственный интеллект, признаки которого уже реализуются в новом витке технологической революции. Это программы переводчики, программы советники, виртуальные ассистенты, дроны и т.п.

Обладающие огромной мощностью и памятью мобильные устройства соединяют миллиарды людей планеты, обеспечивая им возможность постоянно увеличивать свой интеллектуальный потенциал и коллективный интеллект всего человечества. О том, что человечество в ходе эволюционного развития формирует коллективный разум, говорил замечательный ученый Н.Н. Моисеев. Об этом же говорит и французский ученый Жак Аттали: «Человечество рождает коллективный разум, отличный от совокупности умственных способностей каждой личности, от группового и национального сознания». [1, с. 261]. По его мнению универсальный коллективный разум породит со временем гиперразум, который продолжит цивилизационное развитие уже без человечества.

Таким образом, цивилизационное развитие осуществляется посредством разума. Исходным моментом движения человечества по восходящей линии является то состояние психики гоминида, в котором обозначились элементы сознания. Достигнув своего наивысшего уровня, сознание может породить новое качественное состояние. Может быть, в этом и заключается смысл цивилизационного процесса.

Литература

1. Аттали Ж. Краткая история будущего / Жак Аттали: [перевод с франц.] – СПб.: Питер, 2014. С.261.
2. Вебер М. Протестанская этика и дух капитализма / Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. - М.: Прогресс, 1990. – 808 с.– (Социологич. мысль Запада). С.69-97.
3. Гайдабрус Н.В., Смирнов В.А., Чернышова А.Г., Флоря В.М. Концепция взаимодействия локальных цивилизаций Яковца / Развитие современной цивилизации: ответы на вызовы времени: сборник трудов по материалам международной научно-практической конференции 26 ноября 2015 года, г.о. Королёв, «МГОТУ» / Под общ. научн. ред. Смирнова В.А. - М.: «Научный консультант», 2016. С.514–519

4. Кирилина Т.Ю. Качество духовной жизни россиян в условиях глобализации. В сборнике: Качество жизни человека в нестабильном мире Материалы выступлений XV Международного социального конгресса. 2016. С. 59-63.
5. Кирилина Т.Ю., Антоненко В.И., Бузмакова Т.И., Лапшинова К.В. Эволюция развития социальной политики, основанной на социальной сплоченности. В сборнике: Русский космизм: история и современность // Сборник трудов по материалам научной конференции 22 апреля 2015 г. / Под общ. Научн. ред. Смирнова В. А.. – М.: Издательство «Научный консультант» 2015. С. 155-183.
6. Кирилина Т.Ю., Лапшинова К.В., Татарова С.Ю. Цивилизационное развитие России в оценках современной студенческой молодежи // В мире научных открытий. 2015. № 9.3 (69). С. 1070-1079.
7. Конт О. Курс позитивной философии / Антология мировой философии. – М., 1971. Т. 3. С. 553–556.
8. Мумладзе Р.Г., Антоненко В.И., Кирилина Т.Ю., Смирнов В.А // История мировых цивилизаций : учебник для бакалавров / Р.Г. Мумладзе, В.И. Антоненко, Т.Ю. Кирилина, В.А. Смирнов ; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Р.Г. Мумладзе. – М.: Издательство «Русайнс», 2016. – С.323–326.
9. Мумладзе Р.Г., Афонин А.И., Смирнов В.А. // История государственного управления : учебник / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Р. Г. Мумладзе; Р. Г. ; Мумладзе, А.И. Афонин, В.А. Смирнов. — М.: Издательство «Русайнс», 2015. — 328 с.
10. Мумладзе Р.Г., Кирилина Т.Ю., Смирнов В.А. История зарубежной и отечественной социологии (Рекомендован УМО по образованию в области социологии в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 39.03.01 «Социология»).– М.: Издательство «Русайнс», 2015. 332 с.
11. Kirilina T.Y., Antonenko V.I., Buzmakova T.I., Smirnov V.A.. Transformation of traditional Russians Values in post-Soviet Russia in the Course of Globalization/ Oxford Journal of Scientific Research No.1. (9), January-June, 2015. VOLUME III. «Oxford University Press», 2015. 889 с.

УДК 316

АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНАНТ ЗДОРОВОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

Т.Ю. Кирилина, д.с.н., зав. кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин,
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Москов-
ской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия,
Е.Н. Горбанева, бакалавр 4 курса обучения,
Е.Е. Григорьева, бакалавр 4 курса обучения,
ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «высшая школа
экономики»

В статье приводятся результаты исследования основных направлений формирования детерминант здорового долголетия. Авторы отмечают, что в последнее время демографические процессы в развитых и развивающихся странах обуславливаются старением населения. Подобные тенденции определяют основные направления в развитии здравоохранения и социальной политики в соответствии с детерминантами здорового долголетия. В работе использовались методы научного обобщения, сравнения, системного и сравнительного анализ, эконометрические методы.

Здоровое долголетие, долгожитель, потенциал общественного здоровья, индивидуальное здоровье, общественное здоровье, индекс общественного здоровья.

ANALYSIS DETERMINANT OF HEALTHY LONGEVITY

T.Yu. Kirilina, Doctor of sociological sciences, the head of the Department of Humanities and social Sciences,
State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region,
E.N. Gorbaneva, bachelor 4 training course,
E.E. Grigoreva, bachelor 4 training course,
Higher school of economics national research university

The article presents the results of the research of the main areas of healthy longevity determinants. The authors note that recent demographic trends in developed and developing countries are caused by the aging of the population. Such tendencies determine the main directions in the development of public health and social policy in accordance with the determinants of healthy longevity. The methods of scientific generalization, comparison, systematic and comparative analysis, econometric methods are used

Healthy longevity, long-liver, potential of public health, individual health, public health, index of public health.

Последние десятилетия демографические процессы, как в развитых, так и развивающихся странах характеризуются старением населения. Сдвиги в демографической структуре определяют основные направления развития здравоохранения и социальной защиты

на основе детерминант здорового долголетия, в качестве основных из которых рассматриваются социальный статус пожилых людей, состояние их здоровья, уровень работоспособности и психическое состояние [2; 13].

Особую практическую значимость на современном этапе представляет серия ежегодных общенациональных репрезентативных опросов на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки, разработанной при участии ведущих мировых экспертов в этой области, которая представляет собой международный исследовательский проект, осуществляемый Национальным исследовательским университетом - Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университете Северной Каролины в Чапел Хилле (США) и Института социологии РАН. Начиная с 2010 года, проект получил новое имя «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ» (RLMS-HSE) [14]. Результаты данных исследований послужили основой для работы М. Колосницыной, Н. Хоркиной и Х. Доржиева «What Happens To Happiness When People Get Older? Socio-Economic Determinants Of Life Satisfaction In Later Life», в которой исследуется удовлетворенность пожилых людей жизнью и, как следствие, определение основных факторов здорового долголетия. Одновременно с этим анализ современной отечественной литературы отражает неполноту научных исследований, посвященных исследованию взаимосвязи факторов здорового долголетия с макро- и микроэкономическими показателями [10].

Здоровый образ жизни и благоприятные условия окружающей среды определяют возможность достижения долголетия [4]. Долголетие, или долгожительство, – социально-биологическое явление, характеризующееся доживаемостью человека до высоких возрастных рубежей, значительно превышающих среднюю продолжительность жизни [12].

Рыбаковский Л. Л. в демографическом понятийном словаре формулирует понятия «долгожитель» и «долголетие» следующим образом: долгожителем считается человек старше 90 лет; долголетие – дожитие до возраста 75-80 лет и старше [3, с. 48].

Кроме того, в словаре определяется значимость исследования причин и факторов долгожительства с целью увеличения средней продолжительности жизни населения. Среди факторов, определяющих долголетие, выделяются: природные условия и экологическая ситуация; биологические факторы, соотносящиеся с наследственностью человека; социально-экономическая обстановка: материальные условия, культурный уровень, медицинское обслуживание, характер труда, условия жизни, психологический климат в ближайшем окружении. [1]

Особое место в исследовании факторов и причин долгожительства отводится здоровому долголетию. Теоретическую и идеологическую основу исследования здорового долголетия, как и любого интегрированного понятия, составляет понятийный аппарат. В данном случае рассматриваются вполне самостоятельные понятийные структуры, которые отдельно друг от друга наполнены системой, структурой и классификацией. Указанные особенности предполагают, как исследование каждого понятия в отдельности, так и особенности их формирования в сочетании.

Здоровье населения рассматривается в нескольких аспектах: в качестве общественного здоровья (здоровья населения) и индивидуального здоровья (здоровье индивида).

Под индивидуальным здоровьем понимают здоровье отдельного человека. В качестве его оценки выступает наличие или отсутствие заболеваний, персональное самочувствие, физическое состояние и т. д.

Групповое здоровье – это здоровье отдельных групп людей. Например, возрастных, профессиональных и т. д.

Общественное здоровье – здоровье индивидуумов, из которых состоит общество, но не является суммой здоровья индивидуумов. На современном этапе даже Всемирная организация здравоохранения (далее - ВОЗ) не дала полного определения данному понятию.

Приведем понятие общественного здоровья, сформулированное Лисициным Ю.П. «Общественное здоровье – такое состояние общества, которое обеспечивает условия для активного продуктивного образа жизни, не стесненного физическими и психическими заболеваниями, т. е. это то, без чего общество не может создавать материальные и духовные ценности, это и есть богатство общества» [5, с. 102].

Потенциал общественного здоровья – критерий количественной и качественной оценки показателей здоровья людей. Индекс общественного здоровья – показатель отношения нездорового к здоровому образу жизни [5, с. 102].

Ученые ВОЗ согласно разработке стратегии «Здоровье для всех в XXI столетии» определили наиболее значимые критерии общественного здоровья:

- процентная доля ВВП (здравоохранение);
- доступность медико-санитарной помощи;
- безопасное водоснабжение для населения;
- Процент лиц, которые подвергнуты иммунизации (прививки) от характерных для местности инфекционных заболеваний;
- детское питание, в частности, процент детей, которые родились с низкой массой тела (меньше 2,5 кг);
- детская смертность; средняя продолжительности жизни;
- грамотность взрослого населения;
- доля ВВП на душу населения.

Традиционно, для описания уровня общественного здоровья используют:

1. Демографические показатели, а именно: рождаемость, среднюю продолжительность жизни, смертность
2. Показатели, характеризующие заболеваемость
3. Показатели, характеризующие инвалидность
4. Уровень физического развития.

Уровень здоровья населения характеризуется как здоровье людей, которые проживают на определенной территории.

Далее рассмотрим методы изучения показателей здоровья населения:

- медико-статистический;
- социологический, который включает в себя анкетирование, интервьюирование и т.д.
- экспертный;
- организованного эксперимента.

Для того, чтобы оценить состояние здоровья обычно используют три группы показателей:

1. Медицинские показатели (заболеваемости, распространение болезней, инвалидность и т.д.)
2. Показатели социального благополучия (демографическая ситуация, образ жизни и т.д.)
3. Показатели психического здоровья (наличие психических расстройств, невротических состояний, психопатий и т.д.)

Стоит заметить, что вышеуказанные группы показателей способны составить достаточно полную систему показателей для проведения нами эконометрического исследования.

Долголетие - достижение человеком возраста, который значительно превышает среднюю продолжительность жизни в стране. В Российской Федерации долгожителем считается человек от 80-летнего возраста и старше.

Многочисленные исследования, основанные, в основном, на фактических примерах долголетия, говорят о том, что предельная продолжительность жизни человека может достигать 100 – 120 лет. Следует отметить, что данный предел тяжело установить со стопроцентной вероятностью [3, с. 21].

До сегодняшнего дня у долголетия нет точного обоснования с точки зрения теории. Наиболее острым вопросом проблемы долголетия является соотношение влияния наследственности и факторов среды. Большинство геронтологов уверено, что долголетие обусловлено на уровне генетики [12]. Кроме того, долголетие во многом зависит от социально-экономических факторов, таких как материальное благополучие, уровень жизни, культуры и медицинского обслуживания населения, характер труда, психологический климат в обществе. Также, одним из важнейших аспектов долголетия является образ жизни человека. Такие факторы, как алкоголизм, наркомания, курение, неправильное питание, плохие бытовые условия снижают возможность дожить до преклонного возраста [8]. По геронтологическим исследованиям, для долгожителей свойственны спокойный, упорядоченный образ жизни без вредных привычек, семейное благополучие. Около 50%- это жители сельской местности, половина из которых продолжает трудиться до преклонного возраста.

За последние годы увеличилось воздействие загрязнения окружающей среды на физическое и моральное здоровье населения и следовательно вероятность достижения долголетия [7; 9; 11].

С возрастом у человека меняются доходы, ценности, наличие свободного времени, мировоззрение, информированность и отношение к различным сферам жизни, в том числе и здравоохранению. Возрастные изменения, не редко приводят к ухудшению здоровья, что заставляет пересмотреть отношение к потреблению медицинских услуг. На фоне указанных особенностей актуальным является вопрос исследования изменения поведения индивида на рынке медицинских услуг в зависимости от возраста.

В качестве исходных данных для исследования в работе используется база RLMS–HSE (21 волна). В базе представлен широкий набор данных по факторам потребления медицинских услуг населением в зависимости от возраста.

На основании анализа основных показателей сформулируем гипотезы исследования:

- Возраст оказывает влияние на частоту обращения за медицинской помощью.
- Статус и материальное благосостояние оказывают существенное влияние на возможность оплаты медицинских услуг.
- Существуют различия в выборе стратегии поведения при обращении за медицинской помощью мужчин и женщин.

Для проверки указанных гипотез был проведен эконометрический анализ по регрессионной модели по всей выборке. Предположение о различии стратегии поведения при обращении за медицинской помощью среди мужчин и женщин обусловили деление выборки на две части.

Для исследования фактов обращения за медицинской помощью выполнен анализ ответов респондентов о фактах посещения врача за последний год и фактах обращения за скорой медицинской помощью. Анализ проведен на основании сравнения данных по гендерному признаку, по величине дохода, типу населенного пункта и т.д.

В опросе приняли участие 17090 человек. На основании определения долголетия в качестве основы исследования используем данные по группе людей в возрасте старше 80 лет. Выборка составляет 2371 человек, из которых 1674 женщины и 697 мужчин.

Анализ показывает, что большая часть респондентов женского пола, проживает в областном центре или городе (46,8 и 23,4% соответственно), 60,8% из них являются вдовами, а 24,1% до сих пор состоят в браке. Среди опрошенных мужчин старше 80 лет в браке состоит 71,8, а вдовцами являются 16,3% (Рис. 1.).

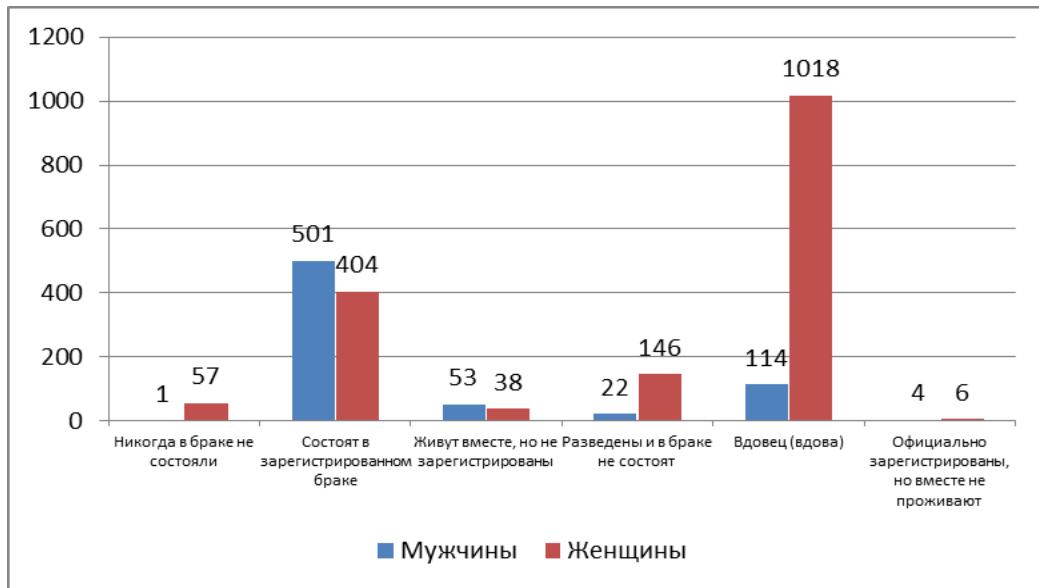

Рисунок 1. Распределение мужчин и женщин старше 80 лет по семейному положению, чел.

Источник: [http://www.gks.ru]

Как показывает анализ частота показатели периодичности посещения врача по группам мужчин и женщин пожилого возраста отличается незначительно

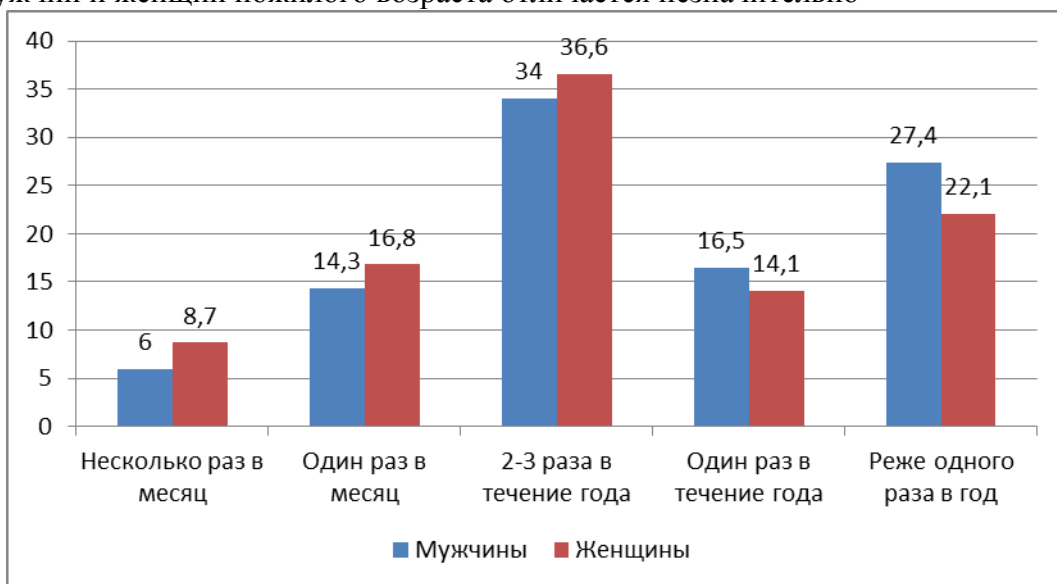

Рисунок 2. Периодичность посещения врача в течение года, %

Источник: [http://www.gks.ru]

Более трети мужчин и женщин (35%) в возрасте старше 80 лет по данным опроса посещают врача лишь 2-3 раза в год, реже одного раза в год – 21 и 23% мужчин и женщин соответственно (Рис.2.).

Аналогичная ситуация с фактами вызова скорой помощи. Сравнительный анализ показывает, что более 60% мужчин и женщин пожилого возраста за последний год ни разу не обращались за скорой медицинской помощью (Рис.3.).

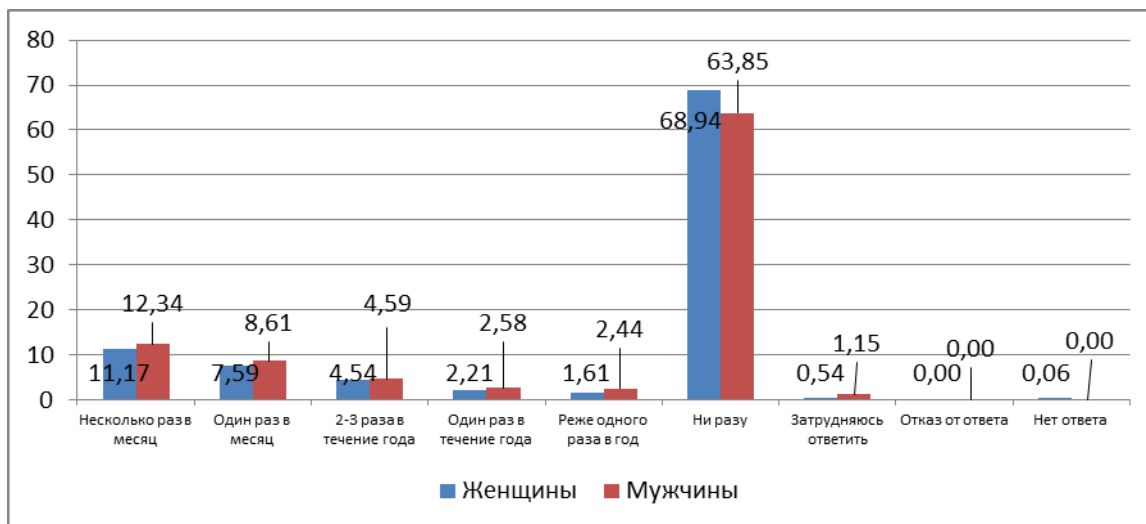

Рисунок 3. Факты обращения за скорой медицинской помощью
 Источник: [http://www.gks.ru]

При этом мужчины и женщины старше 80 лет чаще обращаются за помощью в поликлинику и меньше всего к частному врачу (Рис.4.)

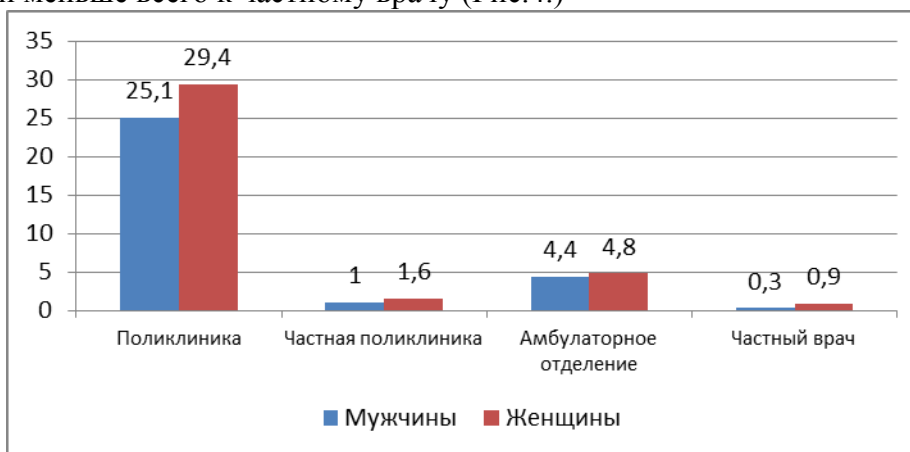

Рисунок 4. Распределение пожилых людей по фактам обращения за медицинской помощью
 Источник: [http://www.gks.ru]

Исследуем влияние разных факторов на обращение за медицинской помощью. В этом случае задачей исследования является проведение корреляционно-регрессионного анализа с целью определения тесноты и направления связи между показателями.

Корреляционный анализ тесно связан с регрессионным анализом, с его помощью определяют необходимость включения тех или иных факторов в уравнение множественной

регрессии, а также оценивают полученное уравнение регрессии на соответствие выявленным связям.

В качестве зависимой переменной выберем частоту обращения за медицинской помощью.

Проверим данную переменную на нормальность распределения. Гистограмма показывает, что распределение зависимой переменной напоминает нормальное.

Кроме того, среднее арифметическое, мода и медиана частоты обращения за медицинской помощью близки между собой, а коэффициенты асимметрии и эксцесса близки к нулю. Таким образом, можем предположить, что распределение объясняемой переменной является нормальным [8, с.58].

Проверим нулевую гипотезу о нормальности распределения зависимой переменной, а именно: частота обращения за медицинской помощью (табл. 1).

Получим следующие результаты:

Таблица 1

Критерий нормальности зависимой переменной

	Колмогоров-Смирнов ^а			Шапиро-Уилк		
	Статистика	ст. св.	Значимость	Статистика	ст. св.	Значимость
Frequency	,345	21	,300*	,868	21	,467
*. Это нижняя граница для истинной значимости.						
а. Поправка значимости Лильефорса						

Оба теста не отвергают нулевую гипотезу о нормальном распределении зависимой на уровне значимости 0,05. Таким образом, мы можем проводить дальнейший регрессионный анализ.

В качестве факторных переменных определим следующую систему показателей:

- X1 – тип населенного пункта;
- X2 – семейное положение;
- X3 – пол (1-мужчина, 2 – женщина);
- X4 – удовлетворенность материальным положением;
- X5 – курение;
- X6 – употребление алкоголя;
- X7 – регулярное питание;
- X8 – прием витаминов;
- X9-X19 – занятие спортом (по видам);
- X20-X39 – наличие заболевания;
- X40 – наличие инвалидности;
- X41 – хирургические операции в течении последних 12 месяцев.

На основе корреляционного анализа можно определить взаимосвязь заданных величин. При этом изменения значений величин сопутствуют систематическому изменению значений других величин.

Высокая корреляция между двумя случайными величинами – свидетельство наличия некоторой статистической связи в данной выборке, однако эта связь не обязательно должна наблюдаться для другой выборки и иметь причинно-следственный характер. Одновременно с этим, отсутствие корреляции между двумя величинами ещё не говорит об отсутствии никакой связи между объектами. Факт корреляционной зависимости не может быть основанием для того, чтобы одну переменную определить как причину, а другую как следствие,

или то, что переменные причинно связаны между собой, а не наблюдается действие третьего фактора.

В сочетании с данной интерпретацией, простота применения коэффициента привела к его широкому распространению в сфере анализа статистических данных.

Частота обращения за медицинской помощью значимо коррелирует с переменными, отвечающими за наличие заболевания (за исключением гинекологических заболеваний, заболеваний желудочно-кишечного тракта, варикозного расширения вен, аллергии), а также за наличие группы инвалидности.

Таким образом, из модели следует исключить факторы, незначимо коррелирующие с зависимой переменной, а также коррелирующие между собой признаки.

Проведем факторный анализ, целью которого является выявление скрытых закономерностей и снижение признакового пространства. Проанализировав матрицу собственных значений компонентов, можно предположить, что будет выделено пять главных компонент, описывающих различные характеристики. Как видно из таблицы, только у пяти компонент собственные значения превышают 1. Кумулятивный процент объясненной дисперсии равен 58,328%, что является достаточным уровнем.

Применим критерий «каменистая осыпь». Для этого рассмотрим график собственных значений и найдем такое место на графике, где убывание собственных значений слева направо максимально замедляется. Справа от этой точки находится «факториальная осыпь» (Рис.5.)

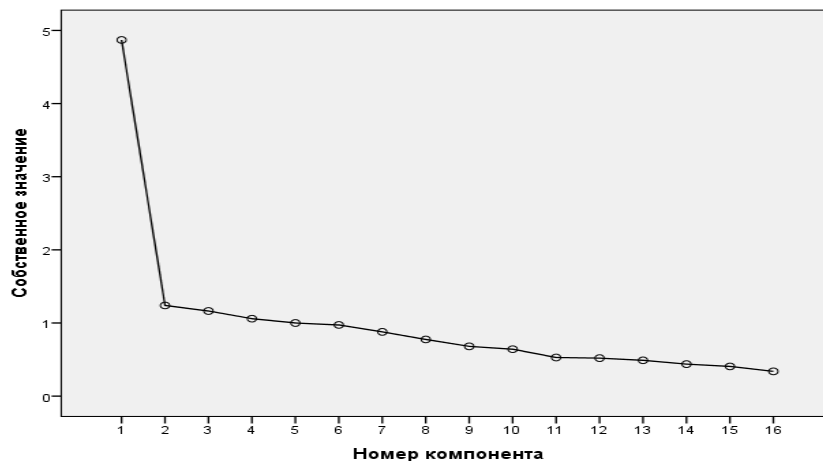

Рисунок 5. График собственных значений

Таким образом, на основании пяти критериев выделены пять главных компонент. Для построения уравнения регрессии на главных компонентах, необходимо оценить его коэффициенты

Уравнение в целом значимо на уровне значимости 0,05 и объясняет 78.45 % вариации зависимой переменной. При этом первый и четвертый факторы – незначимы, их необходимо исключить из модели регрессии на главные компоненты по t-критерию.

Таблица 2

Матрица компонент факторных переменных

	Компонента		
	z2	z3	z5
Есть ли у Вас заболевания почек	0,128	0,038	00,001

Есть ли у Вас заболевания легких	0,185	0,188	00,016
Есть ли у Вас заболевания ЛОР-органов	0,042	0,087	00,002
Есть ли у Вас заболевания глаз	0,085	0,098	00,029
Есть ли у Вас заболевания позвоночника	0,398	0,095	00,006
Есть ли у Вас заболевания печени	0,145	0,065	00,002
Есть ли у Вас заболевания суставов	0,322	0,204	00,015
Есть ли у Вас неврологические заболевания	0,456	0,102	00,016
Есть ли у Вас заболевания желудочно-кишечного тракта?	0,239	0,195	00,029
Есть ли у Вас заболевания эндокринной системы, диабет или повышенный сахар крови?	0,025	0,604	00,027
Есть ли у Вас онкологические заболевания?	0,145	0,104	00,873
Есть ли у Вас заболевания сердца?	0,069	0,567	00,020
Есть ли у Вас заболевания кожного покрова?	0,036	0,094	00,025
Есть ли у Вас гипертоническая болезнь, повышенное артериальное давление?	0,123	0,421	00,023
Есть ли у Вас другие хронические заболевания?	0,228	0,178	00,018
Назначена ли Вам какая-нибудь группа по инвалидности?	0,003	0,007	00,136

Проинтерпретируем компоненты в наилучшей модели (табл.10). Компонент Z2 отвечает за заболевания опорно-двигательной системы, компонент Z3 – за заболевания эндокринной системы и сердца, компонент Z5 – за онкологические заболевания. Получим следующую модель (Таблица 3).

Таблица 3

Оценка коэффициентов регрессионной модели на компоненты

Модель	B	Стандартная ошибка	T	Значимость
Константа	12765,825	198677,427	4,174	0,000
Z2	3,9	0,01	-2,056	0,000
Z3	2,5	0,005	3,562	0,000
Z5	7,3	0,007	7,005	0,000
<i>F_{набл}</i> =598,7 (<i>P-value</i> =0,0001)			<i>R</i> ² =0,7453	

Уравнение регрессии примет следующий вид:
(0,01) (0,005) (0,007)

Данная модель значима и обладает высокой предсказательной силой.

Согласно модели, люди с проблемами опорно-двигательной системы обращаются к врачу в среднем в 3,9 раз чаще чем, люди, не имеющие подобных заболеваний. Люди, у которых сердечно-сосудистые заболевания и проблемы с эндокринной системой обращаются к врачу в среднем в 2,5 раза чаще, чем люди, не имеющие данных заболеваний. И, наконец, наличие онкологических заболеваний заставляет людей обращаться к врачу в 7,3 раза чаще, чем здоровые люди.

В программу Российского мониторинга социально-экономического положения и состояния здоровья населения Российской Федерации включены индикаторы поведения относительно здорового образа жизни. Респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов, которые отражают:

1. Отношение к курению и алкоголю.
2. Отношение к физической активности.
3. Характер питания и следование диете.
4. Частота посещения врача и действий при проблемах со здоровьем [14].

Данные 21-й волны RLMS-HSE были проанализированы с использованием инструментов статистического анализа в программе SPSS.

Анализ гендерных особенностей отношения пожилых людей к здоровью показал следующие результаты:

- курящими себя в настоящее время считают 51,8% мужчин и 4% женщин из числа отвечавших на вопросы анкеты;
- отрицательно на вопрос «Курите ли Вы в настоящее время» ответили 41% мужчин и 92% женщин;
- употребляют алкоголь каждый день 2,6% мужчин и 0,6% женщин;
- употребляют алкоголь 2-3 раза в неделю – 13,8% мужчин и 2% женщин (от количества тех, кто употребляет алкоголь хотя бы иногда, в данной группе);
- почти 3 % опрошенных женщин выпивали алкогольные напитки один раз в последние 30 дней, тогда так среди мужчин этот показатель равен 15,3%.

Особую значимость в поддержании здоровья имеют занятия физической культурой. Результаты опроса показывают низкий уровень распространения физической активности среди пожилого населения в целом и среди мужчин и женщин в частности.

В небольшой доле пожилых людей, занимающихся какими-то видами физической активности, 8% мужчин и 7,4% женщин выполняет ежедневные занятия физкультурой, по меньшей мере, 30 мин в день. При этом 13,1% женщин предпочитают легкие физкультурные упражнения для отдыха менее трех раз в неделю, среди мужчин большая доля тех, кто выбирает физкультурные упражнения средней или высокой тяжести.

Во всех моделях бинарного выбора результирующий показатель является качественной переменной. Она отражает одно из двух вероятных состояний характеризуемого ею объекта. Другими словами, объясняемая переменная может принимать только два значения: 0 и 1.

На основе бинарных моделей (логит, пробит, гомпит) определим факторы, которые влияют на здоровье людей старше 80 лет, в частности исследуем влияние факторов здорового образа жизни на состояние здоровья [7, с. 64].

Для реализации бинарных моделей определим переменные:

- Y – проблемы со здоровьем в течение последних 30 дней (0 – не было, 1 – были);
- X1 – тип населенного пункта (0 – деревня; 1 – город);
- X2 – семейное положение (0 – не в браке; 1 – в браке);
- X3 – пол (0 – мужчина, 1 – женщина);

X4 – удовлетворенность материальным положением (0 – не удовлетворен; 1 – удовлетворен);

X5 – курение (0 – не курит; 1 – курит);

X6 – употребление алкоголя (0 – не употребляет алкоголь; 1 – употребляет алкоголь);

X7 – регулярное питание (0 – не регулярное питание; 1 – регулярное питание);

X8 – прием витаминов (0 – не принимает витамины; 1 – принимает витамины);

X9 – занятие спортом (0 – не занимается спортом; 1 – занимается спортом).

Модели бинарного выбора: логит, пробит и гомпит.

Логит-модель наилучшим образом описывает исходные данные, так как её показатели качества выше, чем у остальных, а информационные критерии – ниже (табл.4).

Таблица 4

Логит-модель

Модель: binary logit					
Зависимая переменная: проблемы со здоровьем в течение последних 30 дней					
Независимая переменная	Обозначение	Оценка коэффициента	Стандартная ошибка	Предельный эффект	Значимость
Константа	C	-172.3672	12.91975		0,0436
Тип населенного пункта	X1	0.356229	0.004562	0.241	0,0264
Семейное положение	X2	0.5366212	0.000234	0.526	0,0250
Пол	X3	0.3287730	0.000125	0.223	0,0145
Удовлетворенность материальным положением	X4	0.188392	0.000023	0.175	0,0342
Курение	X5	0.423566	0.006506	0.416	0,0153
Употребление алкоголя	X6	0.345226	0.107019	0.393	0,0076
Регулярное питание	X7	-0.673772	0.042371	-0.539	0,0196
Прием витаминов	X8	-0.763339	0.085819	-0.746	0,0211
Занятие спортом	X9	-0.096331	0.003148	-0.054	0,0422
McFadden R-squared=0.8734; Prob(LR statistic)=0.000					

Воздействие отдельных факторов на наличие проблем со здоровьем, возможно, описать следующим образом (рис. 6).

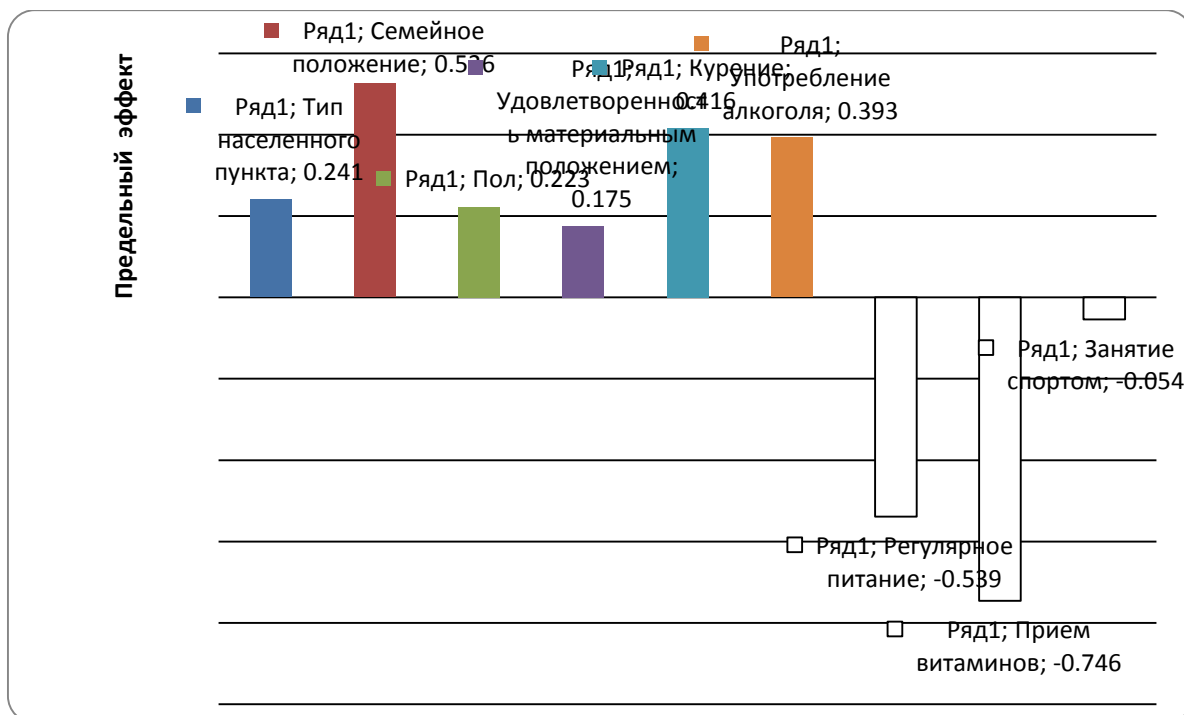

Рисунок 6. Предельные эффекты факторов, влияющих на появление проблем со здоровьем

- У жителей города вероятность наличия проблем со здоровьем незначительно выше в среднем, чем у жителей села – на 0.241%.
- У людей, которые состоят в браке вероятность наличия проблем со здоровьем в среднем незначительно выше, чем у людей, не имеющих брачных отношений – на 0.526%.
- У людей с регулярным питанием вероятность наличия проблем со здоровьем в среднем на -0.539% ниже, чем у тех, кто питается нерегулярно.
- Люди, которые удовлетворены своим материальным положением, имеют незначительно большую вероятность иметь проблемы со здоровьем, чем те, которые не удовлетворены, в среднем на 0.175%.

По мере приближения России к перспективе старения и сокращения численности работоспособного населения, наиболее актуальным является вопрос пропаганды активной старости, которая предполагает сохранение работниками продуктивной занятости в течение более длительного времени.

При этом наиболее важным фактором является состояние здоровья. Что касается женщин, то плохое состояние здоровья значимо влияет на принятие таких решений. Исследования организации здравоохранения показывают, что плохое состояние здоровья мужчин не влияет на принятие таких решений.

Согласно данным проведенного Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) исследования проблем глобального старения и здоровья взрослых людей у российских работников старшего возраста по сравнению с неработающими сверстниками отмечаются более высокие объективные показатели функциональной диагностики [15; 16].

Настоящее исследование направлено на изучение влияния детерминант здорового долголетия на качество жизни и деятельность граждан пожилого возраста, а также оценку различных подходов в формировании здорового долголетия.

В рамках исследования были построены эконометрические модели, которые позволили выявить особенности факторов, оказывающих влияние на обращение за медицинской

помощью пожилых граждан, а также изучить влияние здорового образа жизни на продолжительность жизни пожилых людей.

Литература

1. Бузмакова Т.И., Калинина И.Ф., Татарова С.Ю., Джумаева А.А. Отношение молодежи к здоровому образу жизни. В сборнике: Русский космизм: история и современность // Сборник трудов по материалам научной конференции 22 апреля 2015 г. / Под общ. Научн. ред. Смирнова В. А.. – М.: Издательство «Научный консультант» 2015. С. 223-230
2. Владимиров Д.Г. Старшее поколение как фактор экономического развития /Д.Г. Владимиров // Социологические исследования. – 2004.- № 4. – С. 57-59.
3. Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003. – 352 с.
4. Кирилина Т.Ю., Омельницкая Н.В. Демографическая ситуация и ценностные ориентаций молодежи в современной России// Вопросы региональной экономики. – №1 (14). 2013. – с. 24-29.
5. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение / Ю. П. Лисицын. – М.: ГЭОТАР – МЕД, 2012. –512 с.
6. Медик В.А. Общественное здоровье и здравоохранение: медикосоциологический анализ / В. А. Медик, А. М. Осипов. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 358 с.
7. Медков В.М. Демография: Учебное пособие / В. М. Медков. – Ростов-на-Дону: "Феникс", 2002. – 448 с.
8. Русинова Н.Л. Здоровье и социальный капитал: (опыт исследования в Санкт-Петербурге) / Н.Л. Русинова, Л.В. Панова, В.В. Сафронов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 87 – 100.
9. Спасибенко С.Г. Проблема социализации пожилых и старых людей/С.Г. Спасибенко // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 2. – С.129 – 149.
10. Стеценко С.Г. Демографическая статистика / С. Г. Стеценко, И. В. Козаченко. – Киев: Вища школа, 2011. – 407 с.
11. Ясин Е.Г. Уровень и образ жизни населения России в 1989 – 2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. НИУ ВШЭ, 2011.
12. Яцемирская Р.С. Социальная геронтология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / Р.С. Яцемирская, И. Г. Беленькая. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 224 с.
13. [<http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>]
14. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом "Высшая школа экономики" и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE)
15. Всемирные банк. Государственные расходы на здравоохранение в Российской Федерации: проблемы и пути их решения, 2013. [http://siteresources.worldbank.org/INTRUSSIANFEDERATION/Resources/Public_Spending_report_ru.pdf]
16. Kolosnitsyna M. What happens to happiness when people get older? Socio-economic determinants of life satisfaction in later life / M. Kolosnitsyna, N. Khorkina, K. Dorzhiev. Working papers by NRU Higher School of Economics. Series WP BRP "Economics/EC". 2014. – 46 с.

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ УВОЛЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.В. Иващенко, научный сотрудник НИИ научно-исследовательского центра филиала Военной академии РВСН имени Петра Великого (г. Серпухов), аспирант Российского государственного социального университета

В статье приводится сравнительный анализ социальных практик адаптации и интеграции уволенных военнослужащих в России и за рубежом. Автор анализирует социальные права военнослужащих, юридические гарантии уволенных в запас солдат и офицеров в США, ФРГ и Великобритании. Отмечается, что целесообразно использовать в отечественной практике некоторые аспекты зарубежного опыта для совершенствования методологии и методики в области военно-социальной работы.

Социальная интеграция, уволенные военнослужащие, военно-социальная работа.

SOCIAL PRACTICES OF ADAPTATION AND INTEGRATION OF DISCHARGED MILITARY PERSONNEL IN RUSSIA AND ABROAD: COMPARATIVE ANALYSIS

A.V. Ivashchenko, scientific researcher of the laboratory of research center of branch of Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great (Serpukhov), post-graduate student of Russian state social University.

In article the comparative analysis of social practices of adaptation and integration of discharged military personnel in Russia and abroad. The author analyzes the social rights of servicemen, the legal guarantees of retired soldiers and officers in the United States, Germany and the UK. It is noted that it is appropriate to use in domestic practice some aspects of foreign experience for improving the methodology and techniques in the field of military social work. Social practices of adaptation and integration of discharged military personnel in Russia and abroad: comparative analysis.

Social integration, the dismissed soldiers, military social work.

Система социальной адаптации и интеграции бывших военнослужащих за рубежом динамично развивается и характеризуется рядом направлений, анализ которых имеет большое значение для организации аналогичной деятельности в России. С одной стороны, она представляет собой систему государственных и общественных институтов, которые через законы обеспечивают уволенным правовые гарантии, а с другой стороны, это процесс обеспечения их экономических, социальных и других прав и интересов [5]. В настоящее время порядок и механизмы реализации социальных гарантий для бывших военных за рубежом четко предстают как отдельный социально-политический институт, и его работа в первую очередь сосредоточена на возмещении ограничений и тягот военной службы.

Социально-правовое положение военнослужащих иностранных армий регулируется как обычным общегражданским, так и военным законодательством: различными законами

о военной службе, указами по вооруженным силам, воинскими уставами и регулярно обновляемыми инструкциями для каждого вида ВС [3; 4; 9]. Социальные права военнослужащих, юридические гарантии уволенных в запас солдат и офицеров освещаются в армейских СМИ и специальной литературе.

Существенным моментом является то, что финансирование мероприятий по социальной защите, социальной адаптации и интеграции в гражданскую жизнь уволенных в запас военнослужащих иностранных государств осуществляется за счет военного бюджета и ранжируется по нескольким основным направлениям: регулярные выплаты; специальные и наградные выплаты; компенсации и дотации; льготы по линии социального обеспечения; прочие льготы; трудоустройство военнослужащих и членов их семей и прочее.

В США система адаптации и интеграции бывших военнослужащих реализуется в двух направлениях:

- первое – это традиционные программы поддержки, как например, программа «военный помогает коллеге по службе», реализующаяся через клуб офицерских жен («Военная капелла»). Американский Красный Крест оказывает в критических ситуациях психотерапевтическую помощь, свою роль в поддержке уволенных военнослужащих играют и различные национальные ассоциации;

- второе направление представлено новыми программами содействия увольняемым военнослужащим. Так, программа, действующая по принципу «доверие и престиж», предусматривает предоставление ветеранам работы и финансирование их переподготовки [10].

Граждане США, прослужившие на действительной военной службе 180 дней и более, попадают под категорию «ветеран» (в России звание «Ветеран ВС» присваивают военнослужащим, прослужившим 20 лет) и имеют право на ряд льгот, если они не были уволены вследствие недостойного поведения.

В структуре американских органов исполнительной власти проблемами социальной адаптации и интеграции в условия гражданской жизни как действующих, так и уволенных военнослужащих занимаются:

- Министерство обороны, которое, согласно действующему законодательству, ежегодно представляет Президенту доклад, сформированный на аналитических данных по сопоставлению уровня денежного довольствия военнослужащих с заработной платой гражданских служащих, о мерах по улучшению социального положения всех категорий военнослужащих;

- Министерство по делам ветеранов, решающее проблемы установления льгот, назначения пособий и пенсий, защиты прав, а также других проблем социальной защиты бывших военнослужащих и тех, кто еще находится на военной службе;

- Министерство здравоохранения и социального обеспечения, к компетенции которого относится решение отдельных вопросов социальной защиты американских военнослужащих [10].

Социальная защита военнослужащих относится и к компетенции Сената США. Комитет по вооруженным силам и комитет по делам ветеранов Сената решают проблемы военнослужащих, уволенных в запас, и членов их семей. В круг вопросов комитетов входят: компенсации, пенсии, страхование, переквалификация, профессиональная подготовка и занятость, а также социальные гарантии и защита здоровья.

Активное участие в решении социальных проблем, социальной адаптации и интеграции ветеранов вооруженных сил США принимают многочисленные общественные организации. Это различного рода ассоциации, например, офицеров в отставке; вдов военнослужащих; парализованных и слепых ветеранов, ветеранов-инвалидов и др. Центральное место в работе таких структур занимает защита прав бывших военнослужащих, а также

членов их семей.

В США существует скоординированная, действенная система мер по социальной защите и поддержке уволенных военнослужащих. Она затрагивает разнообразные проблемы, включающие: уровень доходов; жилье; переобучение на гражданские специальности, востребованные в гражданской жизни; усовершенствование социальной инфраструктуры гарнизонов; защиту прав военнослужащих во время службы и после увольнения.

Заслуживают внимания программы, разработанные в США в 1992 году, которые помогают безболезненно провести сокращение в вооруженных силах. К примеру, ветераны отдельных недефицитных специальностей, добровольно уволившись из вооруженных сил, получают при увольнении специальное вознаграждение или поощрительные выплаты. Эти льготы распространяются на военнослужащих с выслугой от 6 до 20 лет. Военнослужащим предоставляется выбор, в какой из программ они желают участвовать. Первая программа предполагает единовременную денежную выплату. Ее размер составляет 15% от основного годового дохода с учетом умножения на количество прослуженных лет. По второй программе ветераны получают выплаты ежегодно. Их размер – 2,5% годовой суммы дохода, который также умножается на количество прослуженных лет. Срок выплат равняется удвоенному сроку прослуженных лет, а в случае смерти бывшего военнослужащего право на получение выплаты переходит его вдове [7].

За полгода до увольнения для военнослужащих организуются специальные курсы, помогающие им ориентироваться в многообразии рынка труда. Одна из основных задач этих курсов – научить слушателей сопоставлять свои профессиональные возможности, умения и личностные качества, приобретенные за время службы в армии, с необходимыми качествами в гражданских условиях. Опыт сравнительного анализа рынка труда и личного потенциала увеличивает адаптационные возможности военнослужащего и создает основу для интеграции в новые условия [12].

Политические, экономические и социальные преобразования, произошедшие в ГДР в 1989 году, привели к «падению берлинской стены» и ее объединению с Федеративной Республикой Германией. В очень короткий промежуток времени Национальная Народная Армия ГДР была расформирована. Большинство военнослужащих столкнулись с проблемой профессиональной переориентации на гражданскую специальность в новых для них политических и экономических условиях. Только незначительное количество военнослужащих продолжили службу в вооруженных силах Бундесвера. В связи с этим обстоятельством возникла необходимость профессиональной переориентации в абсолютно новых условиях, к которым они не были готовы. Большинству офицеров для определения направления профессионального обучения пришлось начать с обучения в соответствии с новыми стандартами ФРГ.

Осенью 1990 года, согласно Договору об объединении, содействие обучению бывших офицеров ННА и их интеграции в профессиональную гражданскую жизнь было поручено Центрам занятости. Они оказались в тяжелой ситуации, т.к. из-за приватизации, отсутствия новых экономических структур и новых рынков не могли прогнозировать будущие потребности рынка труда. Кроме того, не решались, особенно на начальном этапе, социальные проблемы бывших офицеров [8]. Вследствие этого Центрам занятости начала оказывать содействие служба профессионального обучения (далее – СПО) Бундесвера. Всем желающим из числа бывших военнослужащих была предоставлена возможность участвовать в семинарах СПО, которые преследовали несколько целей:

- помочь бывшим военнослужащим найти свое место в новых условиях;
- дать знания о возможных направлениях профессиональной деятельности и положении на рынке труда;

- ориентировать военнослужащих в оценке собственного потенциала.

Участие в семинарах перед увольнением дало военнослужащим некоторый запас времени с целью:

- переподготовки на новую гражданскую профессию с учетом индивидуальных возможностей и конъюнктурой рынка труда;
- ориентации на реалии рынка труда;
- восстановления, если возможно, предыдущих знаний и опыта по гражданским специальностям;
- развития социальной компетентности, необходимой для успешной карьеры в условиях гражданской жизни и т.д.[12].

Особое внимание уделялось реабилитационным мероприятиям для военнослужащих, имеющих проблемы по состоянию здоровья. Данная категория военнослужащих, не имеющих возможности осуществлять трудовую деятельность по профессии, пользуется особым вниманием со стороны центров повышения квалификации.

На сегодняшний день нормативно-правовое регулирование социальной адаптации и интеграции уволенных военнослужащих в Германии осуществляется на основе Конституции ФРГ и Федеральных Законов «О воинской повинности», «О правовом положении военнослужащих бундесвера», «О статусе военнослужащего», «Об оплате государственных служащих». Социальная защита военнослужащих ФРГ на современном этапе реализуется по трем основным направлениям: забота об их материальном обеспечении; гуманизация армейской жизни и повседневной деятельности военнослужащих; забота о судьбе военнослужащих после увольнения из рядов вооруженных сил [6].

Некоторые вопросы военно-социальной сферы в Германии находятся в ведении Министерства труда и социальных отношений, Министерства по делам семьи и пожилых граждан, Министерства здравоохранения. В решении вопросов социальной адаптации и интеграции уволенных военнослужащих также участвуют и общественные организации, например «Союз военнослужащих бундесвера». При этом основная часть нагрузки в решении данных проблем лежит на Министерстве обороны ФРГ. В его состав входят не только правовые и бюджетные подразделения, но и социальные отделы, непосредственной функцией которых является социальная и правовая защита уволенных военнослужащих.

В Великобритании вопросы социальной политики в отношении уволенных военнослужащих находятся в ведении следующих министерств: Министерства обороны, Министерства здравоохранения и Министерства социальной защиты. Правительство Великобритании воспринимает социальную защиту, социальную адаптацию и интеграцию бывших военнослужащих как долговременную политику, целью которой является регулирование постоянного процесса взаимодействия гражданского и военного сообществ. Проблемы интеграции рассматриваются как комплекс мер, охватывающий пенсионное обеспечение, профессиональную переориентацию и переподготовку военнослужащих, а также членов их семей [1]. Вследствие этого существенная часть средств, выделяемых правительством Великобритании на решение социальных вопросов вооруженных сил, расходуется на решение проблем как увольняемых, так и уволенных в запас военнослужащих.

Практика решения проблем адаптации и интеграции в гражданскую среду уволенных военнослужащих имеет в Великобритании свою специфику:

- все мероприятия проводятся за счет государства (уволненные военнослужащие не несут никакой финансовой нагрузки);
- за 2–2,5 года до увольнения и в течение года после него Министерство обороны помогает военнослужащим адаптироваться к новым условиям и интегрироваться в них;
- военнослужащие, прослужившие в армии не менее пяти лет, получают право

пройти переподготовку по одной гражданской специальности;

- военнослужащие имеют право на оплату курсов переподготовки вне системы Министерства обороны (ежегодно увольняются 25 тыс. военнослужащих);

- МО покрывает затраты по проезду и проживанию военнослужащих в ходе переподготовки.

Всем уволившимся из армии оказывается помощь офицерами, отвечающими за трудоустройство, в виде консультаций и соответствующей информации. Военнослужащие, прослужившие не менее пяти лет (из общего числа уволенных около 50%) или увольняемые вследствие организационно-штатных мероприятий и по состоянию здоровья, имеют право на последующее трудоустройство и финансовую поддержку [12]. Все увольняемые военнослужащие получают первичные консультации по трудоустройству и помощь в трудоустройстве. Кроме того, практикуются корпоративные формы занятий по подготовке к трудоустройству; например, организуются подготовительные курсы, оказывается помощь в поиске работы. Данный вид работы проводится Организацией по трудоустройству демобилизуемых военнослужащих.

После увольнения из армии военнослужащие Великобритании получают помощь в трудоустройстве. Ее оказывают Ассоциация офицеров и Ассоциация по обеспечению занятости военнослужащих, при этом часть финансовой поддержки поступает от Министерства обороны. Большое значение имеет то, что планомерная подготовка к увольнению военнослужащего из рядов ВС проводится с начала службы. Основные же мероприятия по подготовке к трудоустройству предпринимаются за два года до увольнения. Существенная часть общей военной подготовки сориентирована на формирование у военнослужащих умений, необходимых в условиях гражданской жизни. Также оказывается финансовая поддержка и военнослужащим, получающим дополнительное образование в период прохождения воинской службы на курсах выходного дня, вечерних и заочных курсах, в Открытом университете.

Как отмечалось выше, за два года до увольнения начинается основная работа по подготовке военнослужащих к интеграции в гражданский сектор экономики и обучению взаимодействию в новых трудовых отношениях. Первая фаза предполагает проведение бесед с экспертами в области трудоустройства. Они предоставляют необходимую информацию и дают предварительные консультации по всем вопросам, связанным с трудоустройством после увольнения из рядов ВС. Последующее содействие военнослужащим оказывают группы поддержки уволенных военнослужащих.

На базе общеобразовательных и специальных учебных заведений в стране функционирует около 50 различных курсов, занимающихся переподготовкой уволенных военнослужащих. Они финансируются за счет Организаций по трудоустройству демобилизуемых военнослужащих. Позитивные результаты приносит практика направления военнослужащих на гражданские курсы, организованные непосредственно на предприятиях (обучение на рабочем месте дает необходимый опыт работы). Подобная практика гарантирует последующее трудоустройство в данных организациях. Отмечен положительный результат использования комбинированных программ, то есть симбиоз подготовки на курсах и направление на предприятия.

Существенная роль в поиске работы для уволенных военнослужащих отводится Ассоциации офицеров и АОЗВ, так как они являются участниками информационной сети. За полгода до увольнения военнослужащие могут зарегистрироваться в этих организациях в установленном порядке. В сотрудничестве с гражданскими консультационными службами Министерство обороны проводит свою маркетинговую кампанию. Ее цель – показать по-

ложительные стороны приема на работу бывших военнослужащих и способствовать формированию стабильного спроса на них на рынке труда. Результатом таких кампаний является создание в обществе представления о высоких деловых и профессиональных качествах военнослужащих. В течение года после увольнения из ВС в «Банке специалистов» сохраняются данные на определенные категории военнослужащих [8].

В специальной литературе и военных СМИ для увольняемых военнослужащих МО Великобритании публикует еженедельный список вакансий и новых курсов; издает ежегодный справочник переподготовки; ежеквартальный справочник для увольняемых военнослужащих по трудоустройству и региональным возможностям; справочники для офицеров и солдат «Заполнить пробел» и «Шаг в сторону», а также план предполагаемого увольнения [12].

Из приведенного обзора опыта ФРГ, США и Великобритании видно, что социальные проблемы уволенных военнослужащих за рубежом находятся под непрерывным контролем военно-политического руководства. В условиях реорганизаций ВС вопросы социальной адаптации военнослужащих и их интеграции в условия гражданской жизни приобретают особую актуальность. Сокращение вооруженных сил сопровождается мерами социального характера, направленными на удовлетворение потребностей военнослужащих, укрепление их уверенности в завтрашнем дне.

Зарубежный опыт по переподготовке уволенных военнослужащих внедрялся в практику социальной работы в России в 90-е годы. Он осуществлялся по направлениям, которые предусматривают сотрудничество и взаимодействие с международными организациями, а также двусторонние национальные инициативы (Германия и Великобритания) [8].

Таблица 1

Обзор зарубежных и отечественных практик адаптации и интеграции уволенных военнослужащих

Зарубежные практики (США, ФРГ, Великобритании)		Отечественные практики	
Содержание	Исполнитель	Содержание	Исполнитель
Подготовка квалифицированных специалистов в области военно-социальной работы			
Подготовка квалифицированных специалистов из числа бывших военнослужащих в специальных учебных заведениях.	Министерство обороны (США, ФРГ)	Подготовка специалистов общего профиля в области социальной работы.	Высшие и средние специальные учебные заведения.
Подготовка к увольнению из рядов ВС			
Заблаговременная подготовка перед увольнением: - информация на основе исследований	Министерство обороны (специалисты, за счет средств		

<p>рынка труда и сферы образовательных услуг (банк данных);</p> <p>- семинары, курсы выходного дня.</p>	<p>МО),</p> <p>общественные организации</p> <p>(США, ФРГ, Великобритании).</p>		
<p>Помощь в трудоустройстве</p>			
<p>Государственные программы содействия в трудоустройстве.</p> <p>Банк данных о рабочих местах.</p> <p>Наличие обратной связи.</p> <p>Практика «военный помогает военному».</p>	<p>Министерство обороны, общественные организации</p> <p>(США, ФРГ, Великобритании).</p>	<p>1. Работа Федеральной службы занятости;</p> <p>2. Создание банка данных рабочих мест для всех категорий;</p> <p>3. Организация коммерческих бирж труда и кадровых агентств.</p>	<p>Министерство обороны, Министерство труда и социальной защиты, Центры адаптации военнослужащих, Федеральная служба занятости.</p>
<p>Профессиональная подготовка</p>			
<p>Профессиональная переподготовка:</p> <p>- учебные программы (кроме профадаптации),</p> <p>содержащие элементы социального образования;</p> <p>- совместное обучение с гражданским населением;</p> <p>- учет особенностей военнослужащих как особой профессиональной группы.</p>	<p>Министерство обороны (бюджетное финансирование)</p> <p>(США, ФРГ, Великобритании).</p>	<p>Профессиональная переподготовка в учебных центрах, Центрах занятости, в ряде гражданских ВУЗов.</p>	<p>Министерство обороны РФ (финансирование за счет средств МО и самих увольняемых).</p>

Результаты социальной практики адаптации и интеграция бывших военнослужащих на основе существующих источников изложены в таблице 1.

Данные, приведенные в таблице, показывают, что в ряде стран создана заблаговременная многоуровневая система социальной адаптации в работе с военнослужащими, при этом она обеспечена законодательно и имеет адекватную финансовую базу. В этих условиях уволенные военнослужащие не испытывают серьезных психологических стрессов и нуждаются, в основном, в профессиональной адаптации.

В основном проводимая в РФ работа сводилась к организационно-информационным мероприятиям и не была в полной мере направлена на реализацию всей системы работы по социальной адаптации и интеграции в условия гражданской жизни военнослужащих, уволенных из рядов ВС РФ. Представляется целесообразным использовать некоторые аспекты зарубежного опыта для совершенствования методологии и методики в области военно-социальной работы. Основываясь на зарубежном опыте в системе социальной адаптации и интеграции бывших военнослужащих и членов их семей, полагаем, что применительно к российской специфике необходимо обратить внимание на следующие факторы:

- систематическую корректировку нормативно-правовой базы социального положения уволенных военнослужащих;
- дополнительное материальное поощрение военнослужащих, желающих уволиться добровольно, во время реформ ВС;
- создание и поддержку общественных организаций, представляющих и защищающих социальные права уволенных военнослужащих;
- предоставление информации и заблаговременную подготовку военнослужащих, подлежащих увольнению, к поведению на рынке труда;
- принятие во внимание личностно-психологических характеристик уволенных военнослужащих и проблем внешнего и внутреннего характера, с которыми им приходится сталкиваться в процессе адаптации и интеграции в условия гражданской жизни (индивидуальный подход, адресная помощь);
- формирование условий для получения гражданских профессий во время военной службы.

Литература

1. Бровкин В.Б. Социальное обеспечение военнослужащих Великобритании // Зарубежное военное обозрение. – 1991. – № 2. – С. 16–20.
2. Иващенко А.В., Кирилина Т.Ю., Мумладзе Р.Г. Проблемы социальной интеграции уволенных военнослужащих: исторический опыт и современность: монография. М.: Издательство «Русайнс», 2015. – 128 с.
3. Кирилина Т.Ю., Антоненко В.И., Бузмакова Т. И., Лапшинова К.В. Эволюция развития социальной политики, основанной на социальной сплоченности. Русский космизм: история и современность // Сборник трудов научной конференции 22 апреля 2015 года / Под общ. Научн. Ред. Смирнова В.А. – М., Издательство « Научный консультант», 2015 г. – 112-131 с.
4. Кирилина Т.Ю. Методика диагностики социальной сплочённости на региональном уровне // Социальная политика и социология № 2013, №4 (97), том 2, с. 43-51.
5. Коровников А.В. Социальная защита военнослужащих в зарубежных государствах: правовое регулирование. – М.: АО РАУ – Университет, 1997. .
6. Микрюков А.В. Правовое и финансово-экономическое обеспечение социальной защиты военнослужащих ФРГ // Зарубежное военное обозрение. – 1999. № 11. – С. 11–15.

7. Разов П.В. Сущность, структура и содержание социальной защиты и социальной адаптации военнослужащих, уволенных в запас (на примере зарубежных стран). / Армия и общество. – 2013. – № 3 (35).
8. Скороходова И.Г. Социально-педагогические условия адаптации бывших военнослужащих и членов их семей: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1998.
9. Социально-гуманитарное знание как ресурс формирования гражданского общества в России. Кирилина Т.Ю., Флоря В.М., Антоненко В.И и др. Коллективная монография / ГБОУ ВО «Технологический университет». Королев, 2015.
10. Структура и механизм системы социальной защиты военнослужащих и ветеранов вооруженных сил США. – М.: Изд-во ВС РФ, 1993.
11. Структура и механизм системы социальной защиты военнослужащих и ветеранов вооруженных сил США. – М.: Изд-во ВС РФ, 1993.
12. Шигов М.В. Опыт социальной адаптации уволенных в запас военнослужащих некоторых стран НАТО / Зарубежное военное обозрение. – 2005. – № 3. – С. 12–18.

УДК 316.334.3

ФАКТОРЫ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ (сравнительно-исторический анализ)

А.Э. Ларионов, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин
А.В. Новичков, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин
В.А. Смирнов, к.и.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
 Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Москов-
 ской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

*Статья посвящена анализу ключевых факторов, обеспечивающих выживание круп-
 ных социальных систем (национально-государственных образований) в условиях экстре-
 мальных вызовов и угроз. Анализ осуществляется на основе сравнительно-исторического
 материала. Выделены ключевые критерии, по которым можно оценивать жизнеспособ-
 ность той или иной социальной системы в исторической перспективе.*

Социальная система, факторы жизнеспособности, вызовы, угрозы, ценности.

FACTORS THE VIABILITY OF SOCIAL SYSTEMS (comparative historical analysis)

A.E. Larionov, PhD, associate Professor of the Department of humanitarian
 and social disciplines,
A.V. Novichkov, PhD, associate Professor of the Department of humanitarian
 and social disciplines,
V.A. Smirnov, PhD, associate Professor of the Department of humanitarian
 and social disciplines,
 State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology»
 («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

*This article analyzes the key factors ensuring the survival of larger social systems (national
 public entities) in the face of extreme challenges and threats. The analysis is based on comparative
 historical material. Highlights the key criteria by which to assess the viability of a particular social
 system in historical perspective.*

The social system, the factors of viability, challenges, threats, and values.

Всякая антропологическая структура – от индивида до цивилизации существует в
 русле исторического времени [2, с.9-82], а, следовательно, может быть постигнута только
 при рассмотрении её в темпоральной динамике. Этим априори полагаются три методологи-
 ческих постулата: изменчивость, вариативность и компаративизм. Дабы не выходить за
 пределы тематической публикации, оставим за рамками нашего рассмотрения проблемы
 причинности, последствий, детерминизма, но будем анализировать социальные системы в
 русле феноменологии, то есть как непосредственную данность, поддающуюся рациональ-
 ному анализу.

Исходную посылку наших рассуждений составляет утверждение о том, что симптомы роста или упадка жизнеспособности цивилизационных социумов в краткосрочных временных трендах лучше всего могут быть выявлены при анализе и описании повседневности, особенно если этому сопутствует сравнительно-исторический подход.

Далее проверке будут подлежать следующие положения:

1. Цивилизационные социальные структуры способны претерпевать качественные трансформации в историческом времени, определяющим вектором которых служит повышение либо снижение степени витальности данной цивилизации [3, с.50–52];

2. При этом, одному уровню жизнеспособности социальной системы могут соответствовать различные её модели. Иными словами, нуждается в проверке тезис о типологической вариативности моделей социального устройства в рамках одной цивилизации;

3. Путём сравнения различных фазовых состояний повседневной жизни цивилизационного социума можно не только выявить ключевые факторы жизнеспособности обществ, социальных систем в историческом времени, но и выработать комплекс оптимальных социальных структур и практических механизмов социального взаимодействия, способствующих повышению уровня жизнеспособности социального организма государственного и цивилизационного масштаба [8, с.312–315].

Как известно из классической социологии, всякая социальная система обладает иерархической структурой. Каждая социальная страта обладает собственной спецификой, выделяющей её среди других. Вместе с тем, качество и прочность взаимосвязи между стратами предопределяет прочность общества в целом.

В качестве первого важнейшего фактора жизнеспособности социальной системы следует назвать, таким образом, социальные связи, конкретно, их направленность, содержание и качество. Этот фактор мы отнесём к разряду эндогенных. Связи между стратами строятся на общности ценностей и жизненных интересов, совокупность которых помогает преодолеть отчуждения, возникающие в результате различий образа жизни, материальных привилегий, предпочтений социального статуса и т.п. В значительной степени уровнем сплочённости, прочности межстративных взаимосвязей определяется способность цивилизации к асабии – коллективному целенаправленному действию, требующему от индивида сознательного самоотречения, признания приоритетности интересов целого над интересами его отдельной части или элемента.

Обратимся к историко-социологическому материалу, с тем, чтобы выявить конкретные формы и примеры реализации данного фактора. Социальная стратификация в разные эпохи имела различное оформление и обоснование. В эпоху формирования Московского государства таковым служила идея богоустановленности социального порядка, подкреплявшаяся самоочевидной потребностью выживания народа и государства. Русское централизованное государство формировалось именно как служилое, с высокой степенью оборонительной милитаризации [2, с.64–100]. При этом, два важнейших момента цементировали социум, помогая преодолеть межсословные барьеры и установить взаимопонимание: это единство метафизического Идеала, запечатленного в православном вероучении и не снижающийся на протяжении нескольких веков уровень внешней угрозы. Этим, в значительной степени, определялись черты русской культуры повседневности, устойчиво воспроизводившиеся на протяжении столетий – как минимум, с XIV по XVII столетия. Русская повседневность указанного периода отличалась аксиологической гомогенностью, что на практике проявлялось в её православной сакрализации и единстве бытовых практик. Это выражалось в таких ключевых моментах, как годичный круг церковных праздников, к которому были привязаны циклы чередования постной и скоромной трапезы, до некоторой степени – труда, семейных торжеств.

Так, на примере Допетровской России в череде повседневных социальных связей выявляется второй фактор обеспечения жизнеспособности крупных социальных организмов – это присутствие и степень актуализированности социального Идеала, который через высшие ценности задаёт вектор общего движения в историческом времени для всех представителей цивилизационного сообщества вне зависимости от их социального статусно-ролевого положения.

Идеалом же определяется иерархия и формы удовлетворения жизненных потребностей, как материальных, так и духовных, способы, пределы, регуляция в процессе реализации повседневных жизненных интересов всего общества в целом, отдельных социальных групп и конкретных индивидов.

Таким образом, уровень жизнеспособности социальной системы на повседневном уровне зависит от соотношения и конкретного содержания трёх названных факторов:

1. Метафизического Идеала.
2. Материальных и духовных потребностей.
3. Содержания и качества взаимоотношений в рамках данной системы.

Фиксируя их качественное содержание и интенсивность, формы и механизмы, можно путём сопоставления в историческом времени определить то, насколько жизнеспособен цивилизационный социальный организм – не только в гипотетически допустимых экстремальных условиях, но и в рамках сохранения относительно спокойного течения жизнедеятельности социума. Тем самым открываются перспективы для перехода социально-исторического анализа и прогнозирования на качественно новый уровень, когда выявление предпосылок крупных исторических катаклизмов, равно как и определение вероятного будущего современной наблюдателю социальной системы будут максимально объективированы, а противоречивые вопросы о мере исторической ответственности лидеров, элиты и масс будут, наконец, согласованы без опасения впасть в детерминизм, волюнтаризм или эмоционально-субъективные оценки.

Установив в первом приближении набор критериальных факторов, определяющих, по нашей гипотезе, жизнеспособность социальных систем в историческом времени, попытаемся далее применить это, пока теоретико-гипотетическое знание к исторической практике. Отобрав для этого несколько разноразмерных и разновременных социальных организмов – от национально-государственного до институционально-группового уровня. Наиболее ярко комплексное воздействие указанных факторов проявляется в критические моменты истории социальных систем. Именно тогда раскрываются во всей полноте, как иммунные резервы социума, так и его пороки, болезни, которые спокойном состоянии пребывают латентно, создавая иллюзию социальной устойчивости, порядка и мира. Наша же задача как раз в том и заключается, чтобы не только анализировать действие факторов витальности в открытом состоянии, но и выявлять их наличие до вхождения социума в критическую фазу, когда повседневная жизнь катится по относительно ровной колее. Рабочая же гипотеза состоит в том, что именно на уровне повседневности в состоянии покоя социальной системы существуют и могут быть выявлены названные выше факторы и по их практическому состоянию может быть определён с достаточно высокой долей вероятности уровень жизнеспособности данного социального организма – в том числе, при наступлении критической ситуации.

Применим обратный отсчёт – то есть, рассмотрим несколько критических ситуаций, имевших место в прошлом, от них обратимся к предшествующему состоянию социальной системы, после чего осуществим сравнительно-исторический анализ и попытаемся на основе полученного знания оценить витальный потенциал социальных систем современности.

Из всемирной истории возьмём два эпизода: Рим после поражения при Каннах (216г. до Р.Х.) и завоевание Константинополя турками-османами в 1453 году. Между этими датами пролегал 1669 лет. Рим Первый и Рим Второй стояли на краю гибели перед превосходящими силами ощущающего себя победителем врага. Но в первом случае Рим устоял и победил, сделав поистине решающий шаг к превращению в мировую державу; во втором случае град Константина погиб вместе с остатками былого величия. Одна социальная система сохранилась и выросла, другая прекратила своё существование. Всегда существует соблазн задним числом объявить произошедшее событие абсолютно закономерным и единственно возможным, подыскав какие угодно объективные причины. Однако так ли очевиден был исход события, процесса в тот момент, когда они только намечались и разворачивались?

Когда кадровая римская армия погибла при Каннах (на поле боя полегли 50 тысяч легионеров из 80-тысячной армии, тысячи попали в плен, а до этого были поражения римлян при Тразименском озере и на реке Треббии), многим казалось, что у Рима нет другого пути, кроме скорейшей капитуляции на милость Ганнибала. Однако римляне, возможно впервые в мировой истории, применили то, что позднее получило название «тотальной мобилизации» - всего сразу, людей и ресурсов. Граждане сдавали ценности, в строй спешно формируемых легионов зачислялись 15-16-летние подростки и добровольцы из рабов, которым обещали свободу и права гражданства. А ведь Рим в то время ещё не накопил богатств, даже в патрицианских семьях ели с глиняных тарелок. Одновременно велись переговоры. Собранные ценности шли на привлечение союзников или, по меньшей мере, на отрыв их от Ганнибала. Римские послы не просили помочь – они просили хотя бы не вмешиваться и готовы были платить за нейтралитет.

Конечный исход этих усилий известен и был назван выше. А теперь посмотрим на это с социально-исторической точки зрения. В минуту смертельной угрозы римское общество развило колоссальную энергию, одновременно проявив готовность к самопожертвованию. И победило вопреки очевидности, которая, казалось бы, диктовала неизбежность поражения.

Почти семнадцать столетий спустя Константинополь с более, чем 100-тысячным населением выставил на стены едва 6 тысяч бойцов, из которых больше половины были иностранными наёмниками. Большинство населения предпочло остаться в роли пассивных наблюдателей, а богачи из числа вельмож и купцов не выказали желания поделиться богатствами ради спасения города и Империи. Результат также известен – Византия погибла. Греки, они же ромеи, смирились с поражением ещё до сражения и хоронились по углам. В критической ситуации ими овладела апатия. Десятки тысяч человек безучастно наблюдали за тем, как горстка ополченцев и чужеземцев защищает Второй Рим.

Очевидно, что в обоих случаях мы имеем вполне определённый результат предшествующего социального развития. Обратимся теперь к анализу этого развития на уровне повседневности. Рим периода Второй Пунической войны был бедным государством в смысле накопления в нём материальных ценностей. Скромность и простота быта считались после строгости нравов важнейшей гражданской добродетелью. Кроме того, в достаточно сильной степени были нивелированы различия между общественной элитой и основной массой *Populus Romanos* (римского народа). Выставление напоказ богатства даже самыми знатными гражданами рассматривалось как непристойность и подвергалось осуждению.

По отношению ко всем гражданам предъявлялись повышенные требования в плане социальных обязанностей, которые априори стояли выше, нежели индивидуальные права. Само право на жизнь, столь абсолютизированной в рамках либеральной социально-философской парадигмы ставилось в прямую зависимость от готовности граждан жертвовать

собой во имя Родины. Как доказательство можно рассмотреть драматический эпизод в истории 2-й Пунической войны, когда Ганнибал предложил римлянам выкупить своих сограждан, попавших в плен после битвы при Каннах. Предложение было сделано устами самих пленных, посольство которых прибыло в Рим для вящей убедительности. Однако очень показателен ответ Тита Манлия Торквата в Сенате Рима:

«Если бы посланцы только просили за себя и за своих товарищей, и ничего более, я был бы краток: я призвал бы вас крепко держаться обычая наших предков и еще раз подать пример строгости, столь необходимой в делах войны. Но они чуть ли не похваляются тем, что сдались в плен, и потому, господа сенаторы, мой долг – открыть вам всю правду о них. Когда должно было стоять в строю и сражаться, они бежали в лагерь, но и за лагерным валом обнаружили не больше мужества, чем в строю. Разве враг осаждал их долго и упорно, разве вышли все припасы, притупились мечи, иссякла сила в руках – разве так было дело? Нет! Враг подступил к лагерю с восходом, и не прошло и часа, как все было кончено.

Как бы я хотел, чтобы рядом со мною стоял сейчас Публий Семпроний Тудитан, лучший свидетель вашей низости и малодушия! Он звал вас взяться за оружие и следовать за ним – и вы не послушались, зато немного спустя послушались Ганнибала, который приказал вам сдать лагерь и сложить оружие. И ведь не к славе звал вас Семпроний, не к подвигу, а к спасению; и было вас много, а врагов мало – и все-таки вам не достало отваги. Смее ли вы после этого вообще произносить слово «храбрость»?

Тосковать по отечеству надо, пока оно есть у тебя, пока ты его гражданин, пока ты свободен. А теперь – поздно: вы больше не римские граждане, вы рабы карфагенян! Вы не нужны отечеству! Выкупать вас так же нелепо и несправедливо, как выдать Ганнибалу тех ваших товарищей, которые вырвались из лагеря и сами вернули себя родине!» [7, дата обращения 08.02.2014 г.]

Осмелюсь в этой связи провести параллель, которая может вызвать немалое количество упреков: в августе 1941 года был издан неоднозначно оцениваемый Приказ Наркома Оборона СССР №270, который создавал априорную установку для оценки подавляющего большинства попавших в плен бойцов и командиров РККА как пассивных предателей, вина которых состояла в том, что они не использовали все имеющиеся в их распоряжении средства и возможности для уничтожения врага, идущего по просторам Родины с огнём и мечом:

«...В рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы, И эти трусливые элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образцы смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожить.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков или батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они

в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев...

Приказываю:

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения, потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен, - уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». [7, дата обращения 08.02.2014 г.]

В направленности и смысле двух цитированных источников наблюдается очевидное, почти до тождества, сходство. Мы не говорим здесь об однозначном оправдании или осуждении подобных позиций. Приводимые вписанные высказывания должны рассматриваться как объективные социальные факты, но при этом анализироваться в том историческом контексте, в котором они создавались и реализовывались.

В данном случае, имеются экстремальные, губительные ситуации для государства и даже больше – для народа. И определённым образом происходит перестройка взаимоотношений между обществом и властью, между конкретными людьми – в сторону повышения требования как в отношении всего социума, так и в отношении к каждому индивиду. Характерно, что общество принимает и соглашается с такими мерами. Они не вызывают отторжения и признаются необходимыми. Негативные рефлексии возникают позднее, у другого поколения и в ином историческом контексте. Но! Если общество в критический момент приняло эти, столь жестокие меры, то психологически оно было подготовлено к ним гораздо раньше. Мобилизационная психология и определённый жизненный уклад формируют ресурс готовности к самоотречению и повышению жёсткости, которые скрыто присутствуют в повседневных же отношениях.

Как отмечалось выше, римляне эпохи Пунических войн отличались простотой повседневной жизни и минимумом привилегий элиты, которая платила за них высоким уровнем обязанностей, находилась в точно таком же отношении к исполнению моральных обязанностей и, соответственно, не отделяла себя от народного большинства.

А как обстояло дело с СССР накануне Великой Отечественной войны? Скромность быта рассматривалась как добродетель. Кичиться богатством, роскошью было не только не принято, но и по-настоящему опасно. Быт советской партийно-государственной и хозяйственной элиты, конечно же, отличался от быта большинства советских людей, но не напоминал непреодолимую пропасть. На самом же верху социальной пирамиды с подачи Сталина насаждались простота нравов и материального быта. Что же касается уровня требований к элите, то лучше всего универсальность предъявляемых к людям требований высвечивается через реализацию того же Приказа №270 в отношении ближайших родственников

Сталина – его старшего сына Якова и семьи последнего. После того, как с достоверностью стало известно о пребывании Якова в немецком плену, его жена с ребёнком были высланы из Москвы и лишены государственных пособий. Можно усмотреть в этом чёрствость главы государства или его нелюбовь к старшему сыну, но можно и иное: строгий спрос со всех и с себя – прежде всего. Известен также и ответ Сталина на убеждения соратников согласиться на вариант обмена пленённого фельдмаршала Паулюса на продолжавшего томиться в плену Якова: «Там все мои сыновья». Возможно, это апокриф. Но апокриф показательный. Ни про одного другого советского или российского лидера ничего подобного сложено никогда не будет – напротив, вольная жизнь детей современной элиты стала притчей во языцех. Таким образом, резистентность общества к враждебным внешним воздействиям и его же способность к внутренним напряжениям и самоотречению напрямую оказываются связаны с образом повседневной жизни правящей элиты. Это важнейший критерий витальности социальной системы любого уровня. При этом, существенным мотиватором перенесения лишений и страданий является общность целеполагания элиты и социального большинства. Если, невзирая на социальные, статусные и материальные различия, элита не отделяет своих высших интересов от интереса управляемого народа, то между ними устанавливается специфическое и достаточно высокое доверие, придающее дополнительную легитимность властным инициативам, даже весьма жёстким. Высшим интересом в таком случае является нацеленность на выживание социальной системы, продолжение её существования в историческом времени. В этом смысле безусловно консолидирующую роль играл не только вошедший в поговорку сталинский аскетизм, но и факт безвыездного пребывания Сталина в Москве в самые тяжёлые недели её обороны в октябре-ноябре 1941 года, готовность разделить до конца судьбу столицы. Причём, вопреки мнению большинства ближайшего окружения.

Повседневность в подобных ситуациях успешно и положительно проецируется на пространство «большой истории», определяя собой течение мегаисторических процессов в долгосрочной перспективе [4]. Так, в критические моменты развития социальных систем происходит сопряжение их истории с историей повседневности. Даже в случае локальной неудачи факты духовного и ситуационно-повседневного единства руководящей элиты становятся достоянием «большой истории» и, в то же время, будучи популяризированы через массовые коммуникации, становятся эталонными стереотипами поведения. А ведь стереотипизация, повторяемость социальных практик есть важнейшая характеристика повседневности. В качестве примера можно также привести поведение генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова, до предела обострённо чувствовавшего свою ответственность перед всеми без исключения подчинёнными ему людьми, в буквальном смысле слова жившего с ними как со своей второй семьёй и до конца разделившего общую участь в т.н. «2-м Вяземском окружении» весной 1942 года. 33-я Армия Западного фронта в течение зимы и начала весны 1942 года пыталась совместно с частями 4 воздушно-десантного и 2-го кавалерийского корпуса перерезать коммуникации всей Группы Армий «Центр», захватив Вязьму. Замысле этот не удался, а большая часть 33А вместе с командармом и штабом оказалась в окружении и держалась до апреля месяца, будучи источником постоянной головной боли и беспокойства для немецкого командования, оттягивая на себя значительные силы и средства врага. Достаточно детальную и целостную картину героической гибели 33-й Армии воссоздал на основе архивов и воспоминаний С.Е. Михеенков в своей документальной повести «Армия, которую предали». Попробуем взглянуть на те трагические и исполненные негромкой героики события с точки зрения истории фронтовой повседневности. Несущая потери армия находится в постоянно сжимаемом противником кольце. Не хватает продовольствия, медикаментов и боеприпасов. Немецкие разведчики-диверсанты из полка «Бранденбург-800»

просачиваются в советские подразделения, имея задачу при случае пленить Ефремова, штабы, тылы и медсанбаты перемешаны с боевыми порядками, во избежание блокирования и полного уничтожения подразделения и части вынуждены постоянно перемещаться по лесам и окрестным деревням. А на дворе весна, начинается весенний паводок, днём сыро – ночью холодно. Людям зачастую некуда приклонить голову, ни обогреться у костра (чтобы не навести на огонь немцев), ни поесть досыта. Для вывоза раненых, для подвоза хотя бы минимума необходимых грузов в «котёл» прорываются самолёты. «7 апреля с аэродрома близ деревни Дмитровка за линию фронта улетел последний самолёт... На этом последнем борту должен был вылететь из окружения командующий. Говорят, был устный приказ Сталина: вылететь на последнем самолёте... Генерал Ефремов приказал погрузить знамёна частей, попрощался с начальником оперативного отдела штаба армии полковником Киносяном, улетающим на Большую землю и сказал лётчику, когда тот ещё раз напомнил командарму о приказе Сталина: «С солдатами сюда пришёл, с солдатами и выходить буду» [5, с.218].

В таких условиях как физическая, так и психологическая дистанция между командармом и его подчинёнными – вплоть до последнего бойца неизбежно сокращается до минимума, те условности, которые прежде жёстко регламентировали процесс общения генералов и солдат, становятся несущественными. Конечно, остаются обращения согласно званиями и должностям, приказ командира по-прежнему обязателен к исполнению неисполнение карается по законам военного времени. Но чувство общности судьбы начинает доминировать надо всем, ломая перегородки. Солдаты видят своего командующего предельно близко и без всякой мишуры – видят в течение многих дней как человека, разделяющего с ними все тяготы окружения. В такой ситуации уже не воинская дисциплина, а личное доверие определяют содержание взаимоотношений и степень доверительности, готовности исполнять свой долг. Таким образом, мы можем наблюдать парадоксальную картину того, как предельная преданность своему воинскому долгу и лично переживаемому понятию чести и дисциплины со стороны командующего в критических обстоятельствах и перед лицом практически неизбежной гибели столь же предельно упрощает отношения и нивелирует статусные различия на уровне повседневных взаимоотношений. Уставная дисциплина и служебная субординация оказываются преходящими и где-то релятивными перед лицом неформального, но абсолютного понимания верности присяге. Так в экстремальных условиях фронтовой повседневности происходит необычайно ёмкое переплетение формально-иерархического и человеческого моментов. С одной стороны, реалии военной обстановки определяют конкретику качества и содержания повседневных взаимоотношений, но, с другой стороны, наличие в повседневности незыблемых ценностных императивов поведения выступает дополнительным и весьма мощным мотиватором при организации боевой деятельности даже в безнадёжных обстоятельствах. Такова диалектика прямой и обратной связи между исторической антропологией, микроисторией локального места-времени и историей мегасобытий и мегаколлективов, каковыми были войны и Красная Армия в целом.

Примеры, подобные приведённому, были в Красной Армии достаточно частыми, чтобы создавать фон и мнение о ней, как о монолитном организме, способном сражаться в нечеловеческих и даже безнадёжных условия. Но, что особенно важно, такие ценностные и поведенческие установки были заложены в сознание огромного количества советских людей ещё до войны, а в 1941-1945гг. они лишь актуализировались и проявились во всей своей мощи, в частности, в плане доверия армии и народа своему руководству – порой, вопреки рациональной логике.

Нередко бывало, что руководители не вполне соответствовали ожиданиям подчинённых, но это не порождало волны недоверия и морального упадка. По словам Верховного

Главкомандующего И. В. Сталина, «И это доверие русского народа Советскому Правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие! За здоровье русского народа!» [9, с.197]. Как известно, важнейшим критерием правильности принимаемых решений и исповедуемых принципов служит конечная эффективность и жизнеспособность социальной системы.

В этой связи, уместно осуществить сравнение Великой Отечественной и Первой Мировой войн как раз по критерию эффективности мегасоциальной системы. В данном случае, роль ключевого критерия играет именно жизнеспособность социального организма. В случае с Первой Мировой войной мы имеем парадоксальную ситуацию: относительно умеренные нагрузки и лишения привели к обрушению всего социально-государственного организма и длительного погружения его в хаос. Армия не потерпела ни одного фатального поражения, враг не вторгся на собственно русские территории, инфляция была умеренной, ничего подобного блокаде Ленинграда нигде не было. И, тем не менее, накануне подготовки к общему наступлению весной-летом 1917 года Российская империя рухнула.

Кардинально по-иному складывалась ситуация в годы Великой Отечественной войны: потеряны огромные и важнейшие в хозяйственном и демографическом отношении районы, кадровая армия практически погибла летом-осенью 1941 года, миллионы беженцев и эвакуированных, враг бомбит столицу, Ленинград переживает невообразимые ужасы блокады, летом 1942 года немцы дошли до Кавказа и волжских берегов. И что же? Да ничего! Складывается впечатление, что поражения не ослабляют, а укрепляют режим. И далее – перелом и победа вопреки всему! Одна и та же страна, один и тот же народ – но существующий в двух разных социальных системах. И такая разница в их жизнеспособности и эффективности! Следовательно, люди были подготовлены предшествующими периодами к определённым типовым реакциям на критические напряжения. Повседневность России начала XX века сформировала такой социально-антропологический тип, который в массе своей оказался неспособен противостоять соблазну безобязательного бытия – это касалось как солдатской массы (в большинстве – вчерашних крестьян), так и элиты в лице интеллигенции, бюрократии, генералитета.

Советская же повседневность 1930-х годов сформировала и растиражировала в миллионном масштабе качественно иной тип человека, потенциально готового к гораздо большим испытаниям и лишениям, жертвам и подвигам. И это стало результатом не только усилий государственной идеолого-пропагандистской машины, но и всего создаваемого и продуцируемого жизненного уклада, в рамках которого, с одной стороны, апологетизировался социальный аскетизм ради будущего, с другой – были запущены мощные социальные лифты, создававшие ощущение активного участия обычного человека в судьбах Родины. Этот позитивный дуализм, при всех издержках социально-политической системы СССР, был реальностью, создавая комплекс положительных мотиваторов, которые оказались сильнее, чем экстремальные и катастрофические события, в водоворот которых оказалась втянута страна в 1940-е годы. Хотя, возможно, правильнее будет утверждать, что массовые системы образования, воспитания и идеологического воздействия стали фактически неотъемлемой частью повседневной жизни советского общества предвоенного времени. А проявились они уже в годы войны, став залогом выживания всей мегасоциальной системы [8].

Продолжая сопоставление в этом ключе социальных систем поздней Российской империи и Сталинского СССР, можно в качестве условия повышения/понижения витальности ввести в рассуждения категорию «степень традиционализма». Так вот, по нашему мнению, в рамках предреволюционной России таковой показатель в действительности был достаточно низок – особенно это касалось социальной элиты, которая по своему образу жизни не

просто отличалась от основной массы населения в уровне потребления материальных благ, но отличалась качественно по своим ценностным метафизическим установкам. Весьма точный диагноз духовного состояния русского общества за полвека до революции дал святитель Игнатий (Брянчанинов) в ряде своих писем и в сочинениях, посвящённых возможному оздоровлению Русской Православной Церкви: «Дух времени таков и отступление от Православно-христианской веры начало распространяться в таком сильном размере, безнравственность так всеобща и так укоренилась, что возвращение к христианству представляется невозможным... Ныне все всею душою устремились к разврату, назвали его „наслаждением жизнью», – и пребывание в христианстве, возвращение к христианству сделались невозможными для человечества. Для того и другого необходимо всецелое оставление разврата, всецелое подчинение себя строгой христианской нравственности» [1, дата обращения 19.02.2014 г.]. Характерно, что такая оценка, повторяющаяся в ряде частных писем этого церковной деятеля дореволюционной России, очевидно оперирует материалом, основанным на впечатлениях от общения с представителями образованного общества, включая великосветский и чиновно-бюрократический его сегмент. Поскольку масса простого народа во 2-й половине XIX столетия ещё почти не была затронута пропагандой революционных и атеистических теорий, вполне соответствия умозрительным идеалам славянофилов о «народе-богоносцев», носителе идеала Святой Руси и всецело преданного Церкви и Государю.

Таким образом, разрыв между правящей элитой и народным большинством по ценностным установкам в ту эпоху стал совершившимся и вполне объективным фактом. Памятуя знаменитое ленинское определение революционной ситуации «Верхи не могут-низы не хотят», можно охарактеризовать ситуацию и по-другому: верхи не хотели жить в прежних понятиях служилого сакрализованного общества, выступая главными носителями антитрадиционного духа и заражая таковым другие слои русского общества.

От более или менее отдалённого прошлого обратимся к современности и зададимся весьма насущным вопросом: какова потенциальная жизнеспособность мегасоциальной системы современной России? Для этого используем уже выявленные нами критерии, как то:

1. Состояние ценностных установок;
2. Степень единства народного большинства и правящей элиты в области целеполагания исторического бытия;
3. Содержание повседневной жизни.

В области ценностных ориентаций уместно процитировать современных исследователей: «Россия и русский народ в их современном состоянии являют собой разительный пример бессмысленного и бесцельного бытия, так как ни на государственном уровне, ни на уровне общественного сознания не просматривается даже контуров тех формулировок, которые ставили бы перед страной общенациональные задачи, предлагая программы их решения, одновременно объясняя цель и смысл единой государственнической жизни. Нет национальной идеи. Отсутствием смысла в народном сознании можно объяснить ту вялость и апатию, тот дух национального уныния, которыми охвачено сейчас большинство соотечественников, пусть и в разной степени, и в различных формах. Но отсутствие единой национальной идеологии, которая бы внятно объясняла народу смысл его бытия и цели, к которым надо стремиться во имя высшего идеала, ради спасения души и ради будущего своих детей в коллективной перспективе, имеет своим результатом заполнение духовной пустоты теми идеологемами, которые не оставляют места для существования в будущем нашего народа как уникального исторического субъекта». [11, с.171] Объём статьи не позволяет развернуть детальную систему доказательств столь пессимистических выводов, потому-то

авторы, полностью солидаризируясь с ними, отсылают интересующихся читателей к указанной в примечаниях книге. Таково состояние аксиологической составляющей социального бытия, которая проецируется на прочие его компоненты.

Рассмотрим вопрос о степени единства правящей элиты и народа. Для этого следует поставить простой вопрос: насколько представители элиты отождествляют своё будущее со страной и народом, из лона которых они вышли и которыми управляют? Возьмём высший этаж государственной пирамиды. Вот характерные данные относительно мест социализации и натурализации некоторых представителей современной российской элиты. «Именно за границей (по не которым данным в Мюнхене) жили и получали образование Мария и Екатерина Путины. В Англии получила образование дочь вице-премьера, полпреда президента Александра Хлопонина — Любовь. Дочь министра иностранных дел Сергея Лаврова Екатерина учится в США. В Великобритании сейчас учится Юрий Белых, сын губернатора Кировской области Никиты Белых». [12, дата обращения 02.03.2014 г.] Сравнительно недавно получил скандальную огласку факт британского гражданства и обладания многомиллионной недвижимостью в Англии сына экс-главы РЖД Владимира Якунина – Андрея Якунина. При этом сам Владимир Якунин позиционирует себя как патриота России и поборника традиционных духовно-культурных ценностей. В современной российской информационной среде не вызывают никакого ажиотажа сообщения наподобие приводимого ниже: бывший полковник Службы Внешней Разведки России Александр Потеев бежал в США, нанеся колоссальный ущерб государственной безопасности нашей страны. В принципе, он не первый и, к сожалению и скорее всего, не последний предатель в истории отечественных спецслужб. Однако, есть одна примечательная подробность. Ещё до бегства, когда репутация полковника не вызвала подозрений, его дочь уже жила и училась в США. Туда же перебрался и его сын [13, дата обращения 03.03.2014 г.] Офицеры внешней разведки – это не поддельная, а подлинная элита страны, кого попало, туда не берут. И вот специально отобранный, много лет служащий стране офицер идёт на натурализацию своих детей в стране-главном геостратегическом оппоненте России. Ничего странного в этом никто не видит.

То есть налицо системная тенденция, концентрированная в относительно узкой социальной прослойке наших соотечественников, которые решают судьбы страны и отвечают за её будущее. Между тем, будущее своих собственных детей эти люди видят и выстраивают явно вне России. Бесспорно, делать глобальные обобщения на основе нескольких, пусть и ярких фактов неправомерно. Однако факт наличия внутри суб-социума российской элиты весьма существенной подгруппы, которая не ощущает глубинной связи между собой и Россией, рассматривая её не более, чем местом временного пребывания и соответствующим образом относясь к её народу. Таким образом, даже если допустить, что подобная ментальность и цивилизационная ориентация присуща лишь части российского правящего слоя, то и этого достаточно для двух неблагоприятных выводов: во-первых, отсутствие единства между народом и элитой России в значительной степени подтверждается; во-вторых, сама российская элита по своим ценностным ориентациям и устремлениям в немалой степени расколота, не имея единства. Точнее будет предположить, что в настоящий момент мы имеем самый низкий показатель внутреннего единства российской элиты за всё последнее столетие. Бесспорно, что в случае критической ситуации в масштабах государства отсутствие доверия и единства между народом и элитой с одной стороны, внутри самой элиты – с другой, резко снижает потенциал жизнеспособности всей мегасоциальной системы. В критической ситуации наличие столь глубоких рассогласований способно привести если не к параличу, то к искажениям защитных реакций и серьёзному снижению эффективности,

потере темпа, что в условиях неизбежного цейтнота угрожает самому существованию системы.

Наличие глубоких диссонансов в сфере ценностных ориентиров социального бытия с неизбежностью накладывает свой отпечаток на само содержание повседневной жизни, тех насущных нужд и проблем, стереотипных действий (важнейшего элемента повседневности), которые ежедневно и ежечасно волнуют представителей разных социальных страт современного российского общества. Попросту говоря, если среднестатистического российского обывателя волнует именно создание оптимальных или хотя бы минимально приемлемых условий для воспроизводства жизни на исторической территории проживания российского социума, с перспективой для себя и своих детей, то значительная часть элитарных и приближенных к таковым прослоек ничем подобным для себя и своих детей не озабочены. То есть их в принципе не волнует будущее той социальной системы, из недр которой они вышли и благодаря которой получили «стартовый капитал» для последующей деятельности.

Так мы получаем парадоксальную и уникальную с социально-исторической точки зрения ситуацию: в рамках мегасоциальной системы наиболее влиятельная её часть не заинтересована в длительном воспроизводстве её исторического существования. Это не означает априорно враждебности в русле конспирологических концепций. Однако, при прочих равных условиях, вариант нанесения ущерба кормящей социальной системе из личных корыстных побуждений, включая и прямое предательство в пользу враждебных акторов, является вполне вероятным. Но даже и без столь драматичного варианта получают своё вполне логичное объяснение те так называемые «реформы», которые на протяжении вот уже двух с лишним десятилетий буквально обрушивают одну за другой все важнейшие несущие конструкции социальной системы, подменяя их нежизнеспособными симулякрами. Единственный критерий приемлемости в данном случае – это неуклонное снижение затрат на содержание образования, медицины, коммунального хозяйства и т.п. Таким образом, осуществляется неуклонное разрушение тех основ, которые ни много ни мало как раз и поддерживают воспроизводство жизни в пределах исторического пространства-времени российского социума. Столь вопиющий диссонанс между насущными жизненными потребностями российского общества и практическими действиями государственной власти непротиворечиво объяснимы только в рамках высказанной выше версии об априорном индифферентизме российской элиты к интересам воспроизводства жизни российской социальной мегасистемы в длительной исторической перспективе. Этим же объясняется и фактический отказ от разработки и принятия долгосрочных планов развития в любой сфере, которые подменяются громкими вывесками типа «нацпроектов», не предусматривающих ничего конкретного, кроме отчётов о загадочном «освоении» очередного ломтя ассигнований из федерального бюджета.

Практически невольно напрашивается обескураживающий вывод: в настоящий момент государственная власть России и тот социальный слой, который принято относить к «российской элите», являются генераторами социального хаоса, своими действиями последовательно снижая витальный потенциал российского общества.

Как наглядный показатель снижения жизнеспособности российского социума и всей Русской цивилизации в целом можно привести очевидный рост техногенных аварий и катастроф в современной России. Это следует рассматривать не только как следствие разгосударствления многих отраслей экономики и социальной жизни, но и продолжающимися процессами в российском образовании, которые в корне изменили антропологическую парадигму подготовки специалистов. Так, согласно данным МЧС, в 2012 году техногенных аварий произошло на 23% больше по сравнению с 2011 годом, а если брать долгосрочные

тренды, то, например, в 2013 году произошло 27 катастроф самолётов в России, тогда как в 1995 году – 13. За почти 20 лет двукратный рост! Примеры по разным отраслям российской техносферы можно было бы множить почти до бесконечности. Согласно статистике, количество погибших в техногенных авариях и катастрофах в отдельные годы по России достигает 400тыс. человек. Если принять за среднюю цифру ежегодной смертности в нашей стране приблизительно 2 млн. человек, то из этого количества около 1/5 составляют погибшие в результате техногенных аварий и катастроф. Так государство косвенно способствует разрушению витальности российского социума, насаждая патологическую модель социальных отношений.

Немаловажным катализатором уровня катастрофизма российского социума являются реформы в образовании. В условиях мирного времени, безо всякой острой необходимости происходит сжатие, сокращение, как числа ВУЗов, так и работающего в них персонала – от уборщиц до профессоров. При этом фактическое сокращение учебного времени получает достаточно завуалированные наименования: «реинжиниринг», «реинтеграция», «вертикальное и горизонтальное сжатие». То есть налицо стремление конструкторов социального реформирования в сфере образования, в конечном итоге – ответственных лиц из Минобрнауки РФ, скрыть неприглядную правду за завесой малопонятных терминов, чтобы избежать слишком резких протестов. Фактически, под декларируемыми лозунгами «индивидуализации» учебного процесса происходит снижение уровня профессиональной подготовки будущих дипломированных специалистов. Нарушаются принципы эффективной организации внутрисредового общения, взаимодействия студентов и преподавателей, когда у преподавателя просто не остаётся времени для качественной и глубокой трансляции знаний, дополнительного общения со студентами – в условиях малого количества часов на многие дисциплины и укрупнённых потоков не только на лекциях, но и на практических занятиях. Вместо обучения в стенах ВУЗов организовывается времяпровождение студентов. На выходе мы имеем негативный социальный результат в виде множасьего количества дипломированных недоучек, не обладающих глубокими фундаментальными знаниями, но имеющими в своём активе лишь фрагментарные узкоспециализированные знания. Методологическая основа для принятия грамотных, стратегически выверенных решений, резко суживается, тогда как, риск допущения фатальных ошибок в любой сфере деятельности возрастает. Таково лишь одно из вероятных социальных последствий изменения целеполагания в области образования. Оно тесно связано с социальным принципом формирования такого социально-антропологического типа как «успешная, конкурентоспособная личность», о чём неоднократно заявлялось многими ответственными лицами в сфере образования и социальной политики. Своего рода апофеозом следует считать заявление экс-министра образования Андрея Фурсенко о необходимости формирования «образцового потребителя» взамен советской социально-педагогической парадигмы «человека-творца и разносторонне развитой личности». Это не просто локальная цель образовательного пространства – это цель социально-стратегическая, поскольку предполагает создание социальной реальности через массовое «производство» определённого антропологического типа. Потребитель – это человек, который ориентируется на максимальный комфорт для себя вне обязательной прямой взаимосвязи с интересами социума. Такая декларируемая цель дисконсирует, на первый взгляд, и с провозглашёнными в рамках Концепции-2020 курсом на «приращение творческого потенциала человека». Взамен общество и государство получают человека, ориентированного не на создание чего-то качественно нового, а на потребление, то есть, в конечном итоге, на постоянное высказывание притязаний и претензий к социуму, даже через противопоставление себя ему. Атомизация социума в таком случае становится неизбежной перспективой.

Подводя итоги, можно констатировать, что современная государственная политика и модель общественных отношений с учётом идеологической ситуации и характера внешних воздействий фактически выступают в качестве катализаторов угроз безопасности общества и личности. Никакие разовые меры и акции, программы и финансирование ситуации не могут поправить до тех пор, пока не произойдёт приведения системы в соответствие с цивилизационной традицией России. Существует немало примеров того, как попытки ликвидировать ту или иную угрозу приносили обратный эффект, либо порождали существенные проблемы в других областях. Накопление негативного потенциала в недрах общества способно в итоге привести к крушению как социальной системы, так и важнейших общественных институтов, включая государство. Преодоление негативных тенденций возможно только на путях учёта исторического опыта и повышения роли в обществе тех факторов, которые доказали свою эффективность и соответствие цивилизационной матрице данного общества.

Литература

1. Еп. Игнатий (Брянчанинов) О необходимости Собора по современному состоянию Российской Православной Церкви.// <http://pravbeseda.ru/>
2. История государственного управления: учебник / под общ. Ред. д-ра экон. наук, проф. Р.Г. Мумладзе; Р.Г.; Мумладзе, А.И. Афонин, В.А. Смирнов. – М.: Издательство «Русайнс», 2015. 328 с.
3. История мировых цивилизаций : учебник для бакалавров / Р.Г. Мумладзе, В.И. Антоненко, Т.Ю. Кирилина, В.А. Смирнов ; под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Р.Г. Мумладзе. – М.: Издательство «Русайнс», 2016. – 336 с.
4. Ларионов А.Э. Фронтальная повседневность Великой Отечественной войны: управление, организация и материальные условия жизни РККА в 1941-1945гг. М.: Частное издательство «Золотое сечение», 2015.
5. Михеенков С.Е. Армия, которую предали: трагедия 33-й армии генерала Ефремова. М.: Центрполиграф, 2010.
6. Политология: учебник для бакалавров / Р.Г. Мумладзе, И.Д. Афонин, А.И. Афонин, В.А. Смирнов – М.: Издательство «Русайнс», 2016. – 348 с.
7. Приказ Ставки Верховного Главного Командования №270 от 16 августа 1941 года//<http://www.hrono.ru>
8. Сомов В.А. Первое советское поколение: испытание войной. М.: АИРО-XXI, 2015.
9. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1947.
10. Тит Ливий. Война с Ганнибалом//<http://www.libok.net>
11. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с Российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2013.
12. <http://web-compromat.com/obshestvo/2512-2012-09-04-05-14-25.html>
13. <http://www.posprikaz.ru/2012/04/predstaviteli-rossijskoj-elity-pod-kolpakom-u-zarubezhnyh-specsluzhb/>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ КАДРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

К.О. Магомедов, д.соц.н., профессор, профессор кафедры управления персоналом факультета управления персоналом и государственной службой Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ РАНХиГС), руководитель социологической группы

В статье на основе материалов социологического исследования актуальных проблем кадровой политики и управления персоналом предприятий, организаций и учреждений различных направлений деятельности и форм собственности в Российской Федерации, проводившегося в октябре - декабре 2015 г. социологической группой ИГСУ РАНХиГС представлен анализ некоторых важных проблем практики применения кадровых технологий в российских организациях.

Современные организации, управление персоналом, социальные технологии, кадровые технологии.

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF PRACTICE OF APPLICATION OF PERSONNEL TECHNOLOGIES IN RUSSIAN ORGANIZATIONS

K.O. Magomedov, doctor of sociology, Professor of the Department of personnel management Faculty of personnel management and the public administration of the Institute of state service and administration of Russian presidential Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, Director of the sociological group

The article deals with the analysis of some important problems of practice of application of human resources technologies in Russian enterprises based on materials of sociological research of actual problems of personnel policy and personnel management of enterprises, organizations and institutions in different fields of activity and forms of ownership in the Russian Federation, conducted in October - December 2015 by sociological group of the Institute of state service and administration of Russian presidential Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation.

Modern organizations, personnel management, social technologies, human resources technologies.

Современные организации уделяют большое внимание повышению эффективности управления персоналом, развитию кадрового потенциала, профессиональному развитию своих сотрудников. Это объективное требование нашего времени: «В последние десятилетия стало очевидно, что именно персонал и управление им становятся ключевыми факторами процветания государства и любой другой современной организации, успеха административной, научной, информационно-аналитической, хозяйственной и т.д. деятельности»

[2]. Но управление персоналом – это сложный, полидисциплинарный и, как показывает современная практика, достаточно наукоемкий процесс. Особенности этого процесса с практической точки зрения проанализированы А.Н. Авериним, и его выводы еще раз доказывают, что в этой сфере и субъектно-объектные отношения, и реализация основных и вспомогательных функций по управлению персоналом должны поддерживаться научно-методическим и социально-технологическим обеспечением [1].

Практические аспекты управления персоналом неоднократно рассматривались в мониторинговом социологическом исследовании по актуальным проблемам кадровой политики и управления персоналом предприятий, организаций и учреждений различных направлений деятельности и форм собственности в Российской Федерации, осуществляемом социологической группой ИГСУ РАНХиГС в 2007 – 2015 гг. Отдельный блок мониторинга направлен на изучение применения кадровых технологий в управлении персоналом российских организаций, и результаты исследований по этой тематике представлены в различных монографиях и научных статьях. [4, с. 31-34] Эта статья основана на материалах 4 этапа социологического мониторинга, проводившегося в октябре - декабре 2015 г. Массовый опрос персонала организаций различных направлений деятельности и форм собственности проводился в 20 субъектах Российской Федерации всех федеральных округов, всего опрошено 1115 респондентов из числа экономически активного населения (работников различных российских организаций); выборка репрезентативна по основным социально-демографическим и социально-профессиональным показателям, рассчитанным на основании данных Федеральной службы государственной статистики. В экспертном опросе участвовали 214 компетентных представителей из числа руководителей организаций, руководителей служб управления персоналом, работников органов государственного и муниципального управления, общественных организаций, научных работников.

Работа с персоналом организации имеет не только нормативную, но и социально-технологическую составляющую. Технологии кадровой работы, или технологии управления персоналом организации – это по своей сути социальные технологии, их основные функции – научно-методическое обеспечение управленческих процессов. При этом направления применения социальных технологий в кадровой работе разнообразны и могут сужаться, либо расширяться в зависимости от системного характера управления персоналом в организации. Но есть и определенный перечень таких направлений, по которым применение социальных технологий в работе с кадрами должно быть организовано в современной организации. На рисунке 1 представлены результаты оценки респондентами и экспертами важности для практики управления персоналом кадровых технологий по таким направлениям, как конкурс на замещение должностей, аттестация кадров, стажировка, работа с кадровым резервом и др.

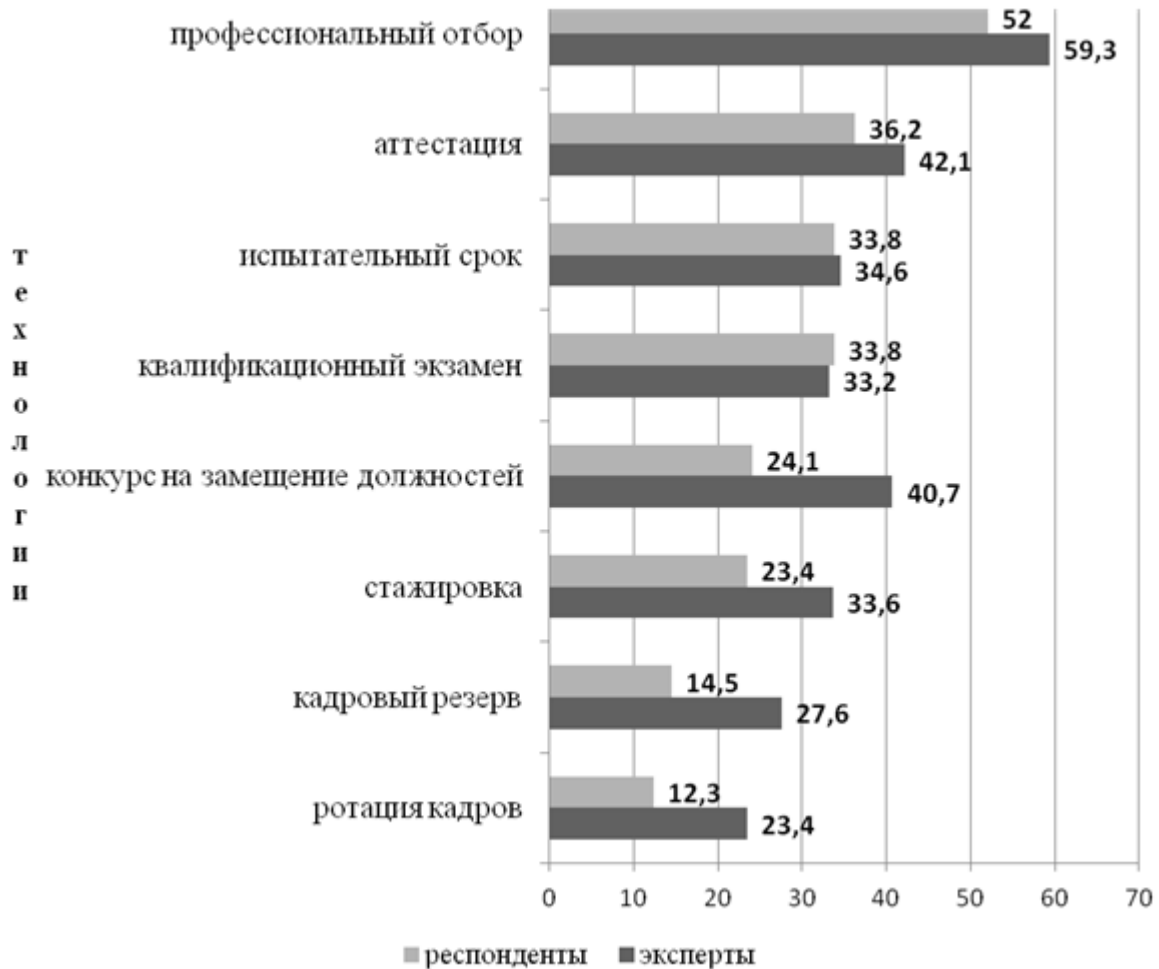

Рисунок 1. Оценки респондентами и экспертами важности кадровых технологий для практики управления персоналом организации

Сравнение распределений мнений респондентов и экспертов, представленных на рисунке 1, показывает, что они практически одинаково оценивают важность кадровых технологий, которые обеспечивают формирование кадрового состава и оценку кадров с последующей их расстановкой. С этими технологиями работы с кадрами сталкиваются практически все работники организаций, в которых управление персоналом не ограничивается простым кадровым администрированием. Но относительно важности кадровых технологий, которые должны обеспечивать управление качеством кадрового потенциала и его эффективным использованием, мнения респондентов и экспертов достаточно сильно различаются. Среди респондентов – работников организаций их значимость выделяют, вероятно, только те, кто имеет личные планы профессионального и должностного развития. Эксперты в большей степени оценивают важность этих технологий с позиций, например, их участия в мотивации профессионального и должностного развития персонала организаций, что должно способствовать развитию их кадрового потенциала.

Тем не менее, все представленные к оценке их важности для управления персоналом организаций кадровые технологии должны, прежде всего, иметь практическое применение,

причем не формальное, а осознанное, направленное на реализацию заданных кадровой политикой организации целей и задач. Оценка степени неформальности применения кадровых технологий респондентами и экспертами показала примерное соответствие показателей важности и неформальности (оценка производилась по 4-х балльной шкале от 1 – формально до 4 – неформально) (см. Рис. 2).

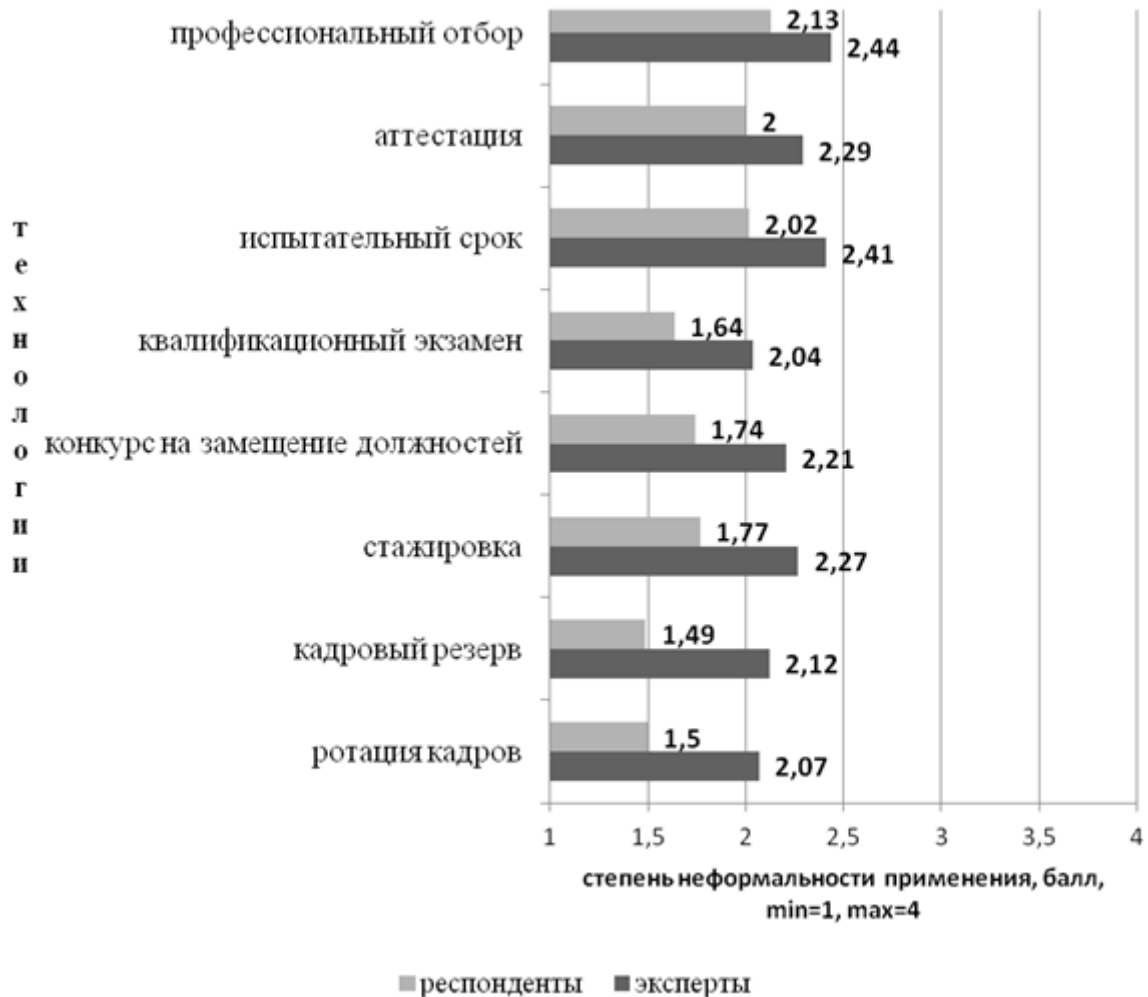

Рисунок 2. Оценки респондентами и экспертами степени неформальности применения кадровых технологий

Данные на рисунке 2 показывают, что с точки зрения работников организаций (респондентов) наиболее неформальны в применении те кадровые технологии с которыми они сталкиваются при устройстве на работу и дальнейшем закреплении в кадровом составе на определенных позициях, но технологии, которые связаны с возможными изменениями этих позиций, им кажутся более формальными в применении. В этой связи нужно отметить такой аспект: среди респондентов при оценке каждой из представленных категорий количество затруднившихся с ответом колебалось в большом диапазоне, и по таким позициям, как ротация кадров и кадровый резерв достигало трети от числа опрошенных, а квалификационный экзамен, конкурс на замещение должностей, и стажировка – четверти. Это свидетельствует не только о формальности осуществляемых в рамках этих кадровых технологий

процедур управления персоналом, но и о высокой степени субъективности в решении кадровых вопросов в организациях, которые представляли затруднившиеся с ответом респонденты. Характер распределения мнений экспертов по определению степени неформальности применения кадровых технологий вполне соответствует их позициям относительно важности этих технологий для управления персоналом организаций.

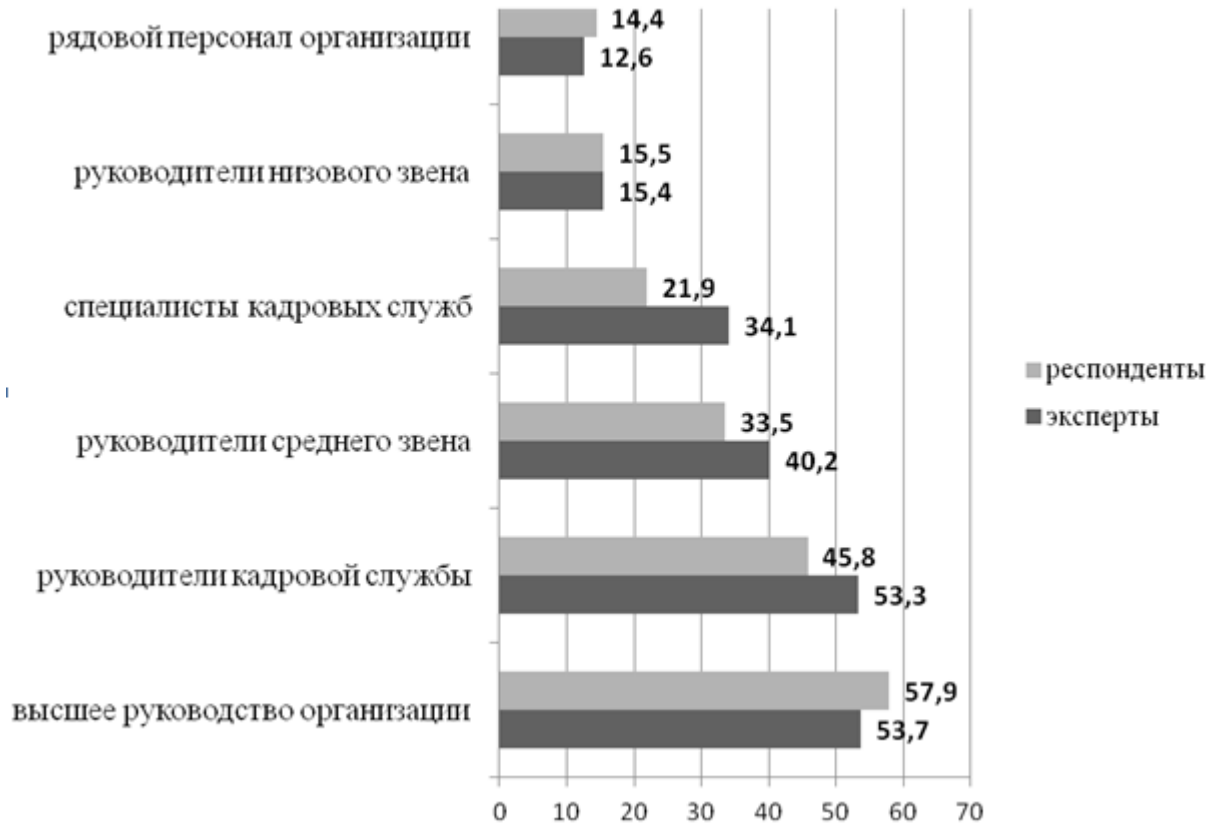

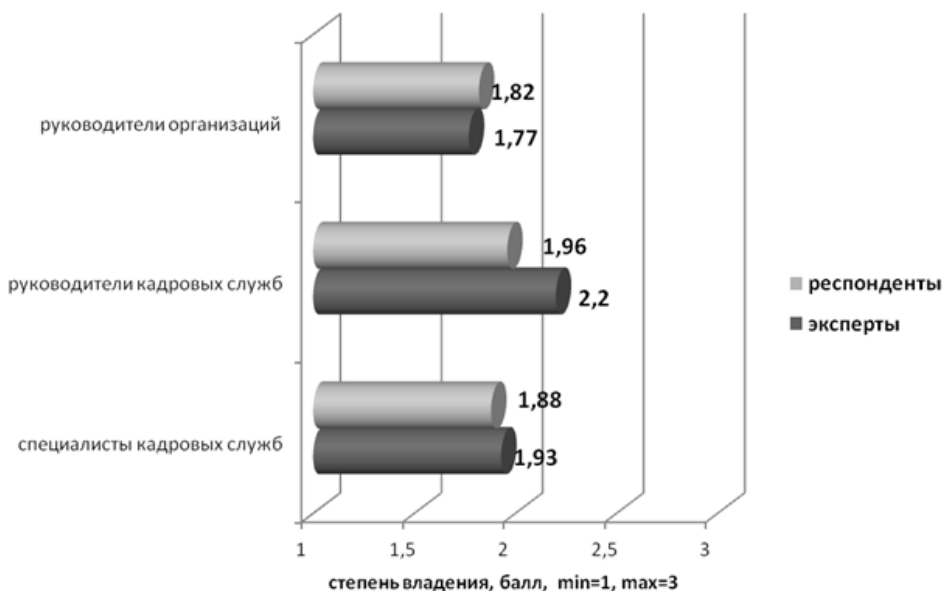
Рисунок 3. Распределение мнений относительно заинтересованности руководителей и персонала организаций в применении современных кадровых технологий

В неформальном, функциональном применении современных кадровых технологий должны быть заинтересованы в той, или иной мере, все категории руководителей и работников организации. Распределение мнений респондентов и экспертов, представленное на рисунке 3, дает представление о «пирамиде» интересов в отношении применения кадровых технологий в организациях.

Из характера распределения мнений относительно заинтересованности различных категорий персонала организаций в применении современных кадровых технологий следует, что больше всего она проявляется у тех, кто осуществляет стратегическое функциональное (высшее) руководство (с этим почти в равной мере согласны и респонденты, и эксперты) и управление персоналом. Менее явно отмечается заинтересованность руководителей среднего звена, и это можно считать отражением сложившихся практик управления персоналом, то есть либо неполная системность, либо ее большая функциональная ограниченность, так как представители этого управленческого уровня должны активно участвовать в работе с кадрами. Также можно отметить, что распределение мнений показывает реальную слабую заинтересованность работников служб персонала, руководители низового уровня и рядового персонала в технологической оснащённости современными методами

работы с кадрами в их организациях. Это еще раз подчеркивает слабый уровень развития системности в управлении персоналом – высокий уровень системности предполагает включенность в управление кадровыми процессами различных субъектов. Здесь речь должна идти и об организационно-управленческой (руководители всех уровней, специалисты кадровых служб), и о самоорганизационной (все работники) составляющих.

Относительно организационно-управленческой составляющей нужно учитывать такой фактор, как степень владения навыками применения кадровых технологий руководителями всех уровней и специалистами кадровых служб. Например, руководители функциональных подразделений организации должны не только нормативно участвовать в проведении аттестации персонала, но и хорошо понимать смысл аттестационных процедур, знать их научно-методическое обеспечение, социально-технологический смысл и т.п. На рисунке 4 представлено распределение мнений участников исследования по этому вопросу, основанное на оценке по 3-х балльной шкале от 1 – низкой степени владения до 3 – высокой.

Ри-

суюнок 4. Оценки степени владения навыками применения кадровых технологий разными категориями руководителей и специалистов

Мнения экспертов и респондентов в целом склоняются к средним оценкам степени владения кадровыми технологиями всеми представленными категориями руководителей и специалистов, но явно низких оценок нет. Можно сделать вывод, что работа с персоналом в российских организациях имеет определенное социально-технологическое оснащение, и уровень владения этими технологиями кадровой работы руководителями и специалистами скорее всего просто отвечает качеству и наукоемкости этих технологий. Поэтому необходимо развивать и системность управления персоналом, и качество его социально-технологического обеспечения, и навыки их применения в управленческой практике.

Литература

1. Аверин А.Н. Коммуникация субъектов и объектов управления персоналом в организации [Текст] / Аверин А.Н. // Коммуникология. Том 7. №5, сентябрь-октябрь 2014. С. 125 – 136.
2. Пугачев В.П. Управление персоналом как наука [Текст] / Пугачев В.П. // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. №2. 2012. С. 5 – 9.
3. Турчинов А.И., Кононенко Т.А., Магомедов К.О. Современная кадровая политика и управление персоналом российских организациях: социологический анализ: Монография [Текст] / Турчинов А.И., Кононенко Т.А., Магомедов К.О. // М.: МАКС-Пресс, 2013. – 304 с.
4. Смирнов В.А., Мумладзе Р.Г., Афонин А.И., Афонин И.Д. Социология управления и управленческой деятельности: учебник [Текст] / Сминов В.А. Р.Г. Мумладзе, А.И. Афонин, И.Д. Афонин, //.– М.: Издательство «Русайнс», 2015. – 304 с.

**ФАКТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНО ИНТЕГРИРОВАННЫХ И
МАРГИНАЛЬНЫХ НАРКОПОТРЕБИТЕЛЕЙ**

А.А. Мороз, специалист по социальной работе,
аспирант Российского государственного социального университета,
Московский научно-практический центр наркологии

В статье приводится анализ факторов идентичности социально интегрированных и маргинальных наркопотребителей. Автор отмечает, что влияние комплексной системы факторов обуславливает формирование различных типов идентичности, способствующих или препятствующих усвоению девиантных ценностей наркогенной среды.

Социально интегрированный наркопотребитель, маргинальный наркопотребитель, социальная идентичность, факторы идентичности.

**FACTORS IDENTITIES OF SOCIALLY INTEGRATED AND MARGINALIZED
DRUG USERS**

A.A. Moroz, Moscow scientific-practical center of narcology, a social work specialist,
postgraduate student, Russian state social University

This article provides an analysis of the factors identities of socially integrated and marginalized drug users. The author notes that the influence of complex system of factors leads to the formation of different types of identity that promote or inhibit the assimilation of deviant values narcotic environment.

Socially integrated drug users, marginal drug user, social identity, factors of identity.

В условиях кризисных процессов современного общества, порождающих различные формы девиантного поведения, индивидуальные особенности личности могут стать причинами, определяющими различия в самовосприятии и идентификации различных групп наркопотребителей. На основе двух форм девиантного поведения, наркопотребления и наркозависимости, которые отличаются друг от друга по объему девиантной активности, можно выделить два типа наркопотребителей: *социально интегрированных наркопотребителей* (СИН) и *маргинальных наркопотребителей* (МН). *Социально интегрированный наркопотребитель* – лицо, чье социальное положение не детерминируется наркопотреблением, поскольку его роль в ценностной иерархии является второстепенной, и благодаря этому они остаются участниками системы социальных отношений и носителями социально приемлемых норм.

Маргинальный наркопотребитель – лицо, потерявшее способности к адекватному социальному функционированию в результате развития наркологического заболевания, которое повлекло за собой пренебрежение обязательствами, предписанными социальными ролями и привело к утрате социального статуса и маргинализации [8].

Возможность для адекватного сопоставления различных факторов индивидуального пути СИН и МН предлагает теория культурной идентичности Т. Андерсона и внутренней устойчивости Г. Йенсена, объясняющие, каким образом влияние комплексной системы факторов обуславливает формирование различных типов идентичности, способствующих или препятствующих усвоению (интроекции) девиантных ценностей наркогенной среды [9; 15].

В контексте концептуализации системного подхода к поиску причин наркотизации следует упомянуть фактор, существующий на мегауровне социальной организации. Таким фактором является интернет-пространство. Понятие интернет-пространства подразумевает глобальную систему компьютерных сетей, обеспечивающую возможность хранения и передачи информации, что дает основание относить Интернет к факторам мегауровня [3; 6]. Вниманию пользователя доступны тематические интернет-порталы и бесчисленные сайты, на которых содержится информация о способах изготовления и употребления наркотических средств. Инструменты анонимизации работы в сети Интернет в совокупности с ресурсами электронных платежных систем создают все необходимые условия для наркокоммерции в сети Интернет. Эти и другие возможности интернет-пространства предоставляют уникальные возможности для распространения феномена наркопотребления среди широкой аудитории пользователей сети и позволяют по праву считать его весомым мегафактором наркотизма.

Следующая совокупность факторов, определяющих идентификацию и детерминирующих различия в образе жизни СИН и МН, существует на макроуровне. Первый макрофактор представляет собой ограниченные экономические возможности, способствующие укреплению идентификации с наркогенной субкультурой. В работах по данной тематике встречается предположение, что на макроуровне экономические факторы влияют на рост распространенности и популярность наркогенных субкультур, а также на объемы вредных последствий от наркопотребления. По мнению Филипа Бургуа [10], жители города, переживающие безработицу, испытывают сомнение в своей способности обеспечить минимальный уровень жизни для своей семьи и испытывают по этому поводу много тревоги.

Ограниченные образовательные возможности выступают в качестве второго макрофактора, определяющего идентификацию с наркогенной субкультурой, и, как следствие, девиантный образ жизни МН. Влияние ограниченных образовательных возможностей на идентификацию с наркогенной субкультурой основательно изучено английскими культурологами Джоном Кларком [12], Диком Хэбдиджем [14], Полом Виллисом [18] и апологетами теории культурного воспроизводства Ширли Брайс-Хэт, Милбрэйем Маклафлином [11], Джоном Маклеодом [16]. Например, наркопотребление и алкоголизация среди этнических и расовых меньшинств зачастую определяются социальным давлением местных культурных норм. Другие исследователи подтверждают основополагающую роль культурного конфликта в процессе формирования наркозависимости. Иначе говоря, идентификация с наркогенной субкультурой опосредует индивидуальные эффекты образовательных возможностей наркопотребителя, предлагающие способ упрощенной ассимиляции посредством интроекции специфических норм, языка и ценностей.

Третьим макрофактором образа жизни СИН и МН следует считать массовую культуру. По словам Герберта Гэнса [13], массовая культура подразумевает совокупность культурных форм, содержащих многообразную информацию о видах популяризированной человеческой активности, потребляемой и используемой большим количеством людей. Литература, кино, музыка и мода являются отдельными видами таких культурных форм массовой культуры. Герберт Гэнс утверждает, что различные социальные группы (классовой, ра-

совой, этнической или территориальной принадлежности) склонны выбирать для себя определенные культурные формы, служащие своеобразной «системой координат» для определения групповой идентичности. Интересно, что эти «системы координат» характеризуются локальными условиями, в которых люди проходили социализацию. Следовательно, выбор молодыми людьми своих предпочтений в музыке, литературе, кино и моде указывает на доминантную «систему координат», воздействию которой они подвергались в ходе своего развития [4; 7]. Аналогичным образом посредством массовой культуры популяризируются различные виды творческой активности, косвенно или напрямую связанной с наркопотреблением: пронаркотические музыка, литература и мода. Очевидно, что такие виды девиантного творчества играют активную роль в процессе идентификации с наркогенной субкультурой и приобщения к девиантному образу жизни. Рассмотрим, например, взаимосвязь между музыкой и наркотиками.

Рассмотрев макрофакторы идентичности и сопутствующего образа жизни СИН и МН, правомерно перейти к изучению мезофакторов. Одним из мезофакторов является идентификация с наркогенной субкультурой. По мнению ученых, такая девиантная идентификация играет важную роль в процессе формирования образа жизни МН [1]. Утвержденный отечественным исследователем В.В. Гриценко тезис о молодежных субкультурах как носителях наркогенной субкультуры с характерным образом жизни прямо подтверждает это мнение. Одной из важных причин девиантной идентичности МН является неудовлетворенность собой, подталкивающая индивида к интеграции в наркогенную субкультуру. При этом не всякое наркопотребление происходит в условиях идентификации с наркогенной субкультурой, и поэтому не все лица, употребляющие наркотики, становятся наркозависимыми. Некоторые исследователи отмечают, что идентификация с наркогенной субкультурой обуславливается и поддерживается возможностью с ее помощью получить психологическую поддержку и поправить финансовое положение, что делает ее серьезным конкурентом существующих институтов социализации [17].

Другим мезофактором выступает маргинализация. Маргинализация является ключевым понятием в теории культурного воспроизводства. Это понятие относится к лицам, имеющим в сравнении с окружением неудовлетворительное социально-экономическое положение и низкий культурный уровень. В таком случае возникает депривация, подкрепляемая наркопотреблением и девиантным образом жизни. Степень депривации характеризуется соотношением социально-экономического положения и культурного уровня человека и социальных групп, которые его окружают. Следовательно, вовсе не случайно зарубежные исследователи рассматривают феномен маргинализации как результат плохих экономических и образовательных возможностей. При этом маргинализация непосредственно определяется неудовлетворенностью индивида своей идентичностью. Такая неудовлетворенность является проблемой, которая находит решение в идентификации себя с наркогенной субкультурой. Таким образом, неудовлетворенность индивида своей идентичностью служит связующей переменной между факторами образа жизни МН на разных уровнях социальной организации. Проявление индивидуальных характеристик СИН являет собой нечто противоположное и выражается в том, что СИН идентифицируют себя с частью консолидированной системы социальных отношений. Сохранение такой идентичности обеспечивается совокупным воздействием компонентов нравственной устойчивости. Именно благодаря им СИН сохраняют свою ценностную ориентацию, позволяющую достигать поставленных целей и занимать желаемое положение в социальном пространстве. В этой связи СИН удается сохранять развитую систему социальных связей, являющуюся необходимым условием для социальной интеграции.

При этом, учитывая различия в идентичности СИН и МН в контексте идей ученых, факторы дифференциации их образа жизни существуют на микроуровне социальной организации. Так, одним из факторов микроуровня, детерминирующих образ жизни МН, выступает особенность личности потенциального наркопотребителя, которая выражается в отсутствии доверия к людям, а также в его отчужденности и направленности «от людей» (индивидуальная отчужденность). Воздействие этого фактора обуславливает у потенциального наркопотребителя потребность в избегании контактов с окружением и изоляции по причине негативного опыта, полученного в детстве. Исходя из того, что дети не понимают специфики социальных структур и отношений, самостоятельное формирование реалистичного представления о мире остается для них недоступным. Поэтому зачастую детские переживания и события раннего возраста, способные сформировать неадекватные представления о себе и жизни, выступают фактором отчуждения ребенка, особенно если обсуждение этих событий с окружением может вызвать общественное порицание и насмешки. К таким событиям относят развод родителей или смерть кого-то значимого, частые переезды семьи на новое место жительства, ранние половые связи, отягощенность ответственностью по уходу за братьями, сестрами и другими родственниками, принудительное и регулярное исполнение семейных обязательств (зарабатывание денег, уборка дома, приготовление пищи, раннее отцовство и материнство, воспитание в условиях завышенных требований, физическое и/или вербальное насилие, проблемы с законом). Поэтому индивидуальная отчужденность МН является одной из возможных причин, определяющих формирование девиантной идентичности, обуславливающей образ жизни маргинального наркопотребителя.

Другим фактором микроуровня, определяющим идентичность МН, следует по праву считать особенность личности потенциального наркопотребителя, выражающуюся в осознании своей неполноценности, некомпетентности и бесполезности. Осознание потенциальным наркопотребителем таких качеств неизбежно приводит к развитию негативного самовосприятия (неудовлетворенность собой, своим образом «Я», своей идентичностью), которое выступает условием для приобщения к нормам и ценностям девиантной группы.

Важно уточнить, что факторы микроуровня являются не изолированными, а тесно взаимосвязанными феноменами, и поэтому их следует рассматривать в совокупности. Так, фактор индивидуальной отчужденности находится в прямой взаимодополняющей связи с фактором неудовлетворенности собой. В этой связи влияние фактора индивидуальной отчужденности становится главной причиной неудовлетворенности личности собой в детстве или ранней юности до употребления наркотиков, и поэтому негативное самовосприятие (неудовлетворенность собой) лежит в основе мотивации к употреблению наркотиков. Вместе эти факторы составляют основу для социальной маргинализации наркопотребителя, находящей свое отражение в характерном образе жизни МН.

Третьим микрофактором, определяющим идентичность МН, выступает неспособность ставить перед собой цели, которые обеспечивают личностный рост и развитие, что в конечном итоге выражается в полной потере инициативы и пассивном подчинении обстоятельствам жизни (утрата контроля над самоопределением). Речь идет о потере индивидом контроля над способностью конструирования отдельных предпочтительных социально ориентированных структур самоидентификации, что предсказуемо увеличивает риск приобщения индивида к девиантным ценностям наркогенной субкультуры и соответствующему образу жизни. Неспособность самостоятельно выбрать социально приемлемую самоидентификацию делает индивида более подверженным влиянию внешнего окружения. В ряде работ причиной утраты контроля над самоопределением считались нереальные ожидания родителей и/или крайне авторитарный стиль. Педагогическая несостоятельность

ближнего окружения обуславливает утрату способности реалистично воспринимать понимание своей роли в обществе, что является определенной проблемой, которая, впрочем, легко решается путем приобщения к наркогенной группе и усвоения девиантной идентичности. Перечисленная совокупность микрофакторов, определяющих усвоение девиантной идентичности и соответствующего образа жизни МН, не тождественна образу жизни СИН, который, очевидно, имеет собственные детерминирующие факторы. Влияние этих факторов, по всей видимости, позволяет СИН, с одной стороны, активно участвовать в жизни общества, сохраняя и развивая свой социальный статус, а с другой – избегать интроекции девиантных ценностей наркогенной группы.

Но что именно позволяет СИН избежать усвоения девиантной идентичности и соответствующего образа жизни? Ответ на такой вопрос предлагает теория нравственной устойчивости. Согласно этой теории, одним из компонентов нравственной устойчивости выступает особенность личности потенциального наркопотребителя, которая выражается в наличии у него доверия к людям и желании соответствовать общественным ожиданиям и предписаниям, а также в общей направленности «к людям» (стремление к сопричастности). Стремление к сопричастности является плодом процесса социализации, происходящего в условиях педагогической состоятельности ближнего окружения и устойчивых социальных связей с общностями, носители которых разделяют социально ориентированные ценности и образ жизни. Стремление к сопричастности СИН придает устойчивость их иерархической структуре социально приемлемых ценностей и восприятию собственной роли в обществе. В результате этого возможность конкурентного положения наркотика в ценностной структуре исключена либо маловероятна. Следует пояснить, что компоненты нравственной устойчивости СИН являются взаимодополняющими элементами, предотвращающими усвоение девиантных ценностей и сопутствующего образа жизни, а значит, рассматривать их следует в совокупности.

Другим компонентом нравственной устойчивости СИН является особенность личности потенциального наркопотребителя, выражающаяся в осознании своей компетентности и востребованности. Осознание потенциальным наркопотребителем этих качеств неизбежно приводит к формированию позитивного самовосприятия (удовлетворенность собой, своей идентичностью). Разумно предположить наличие связи стремления к сопричастности с удовлетворенностью своей идентичностью, так, например, укрепление стремления к сопричастности последовательным педагогическим воздействием ближнего способно сформировать у индивида чувство самодостаточности, частным проявлением которого является удовлетворенность своей идентичностью. Удовлетворенность своей идентичностью способствует сохранению устойчивой цели занять определенное место в системе социальных отношений в соответствии с индивидуальной ценностной доминантой. СИН, поставившие перед собой долгосрочную цель, будут способны избежать приобщения к девиантным ценностям и образу жизни.

Заключительным компонентом нравственной устойчивости выступает желание развиваться и стремление осознанно и целенаправленно преобразовывать обстоятельства жизни для достижения поставленных целей (контроль над самоопределением) [3; 5; 6]. Контроль над самоопределением основывается на позитивном самовосприятии и позволяет СИН избежать интроекции девиантных норм и устойчиво сохранять структуру ценностных ориентаций. Таким образом, микрофакторы девиантного образа жизни МН, представленные в виде индивидуальных характеристик, противопоставляются компонентам нравственной устойчивости СИН, имеющим аналогичное представление. Поэтому столь значительное различие в индивидуальных характеристиках со всей очевидностью будет определять противоположный результат их проявления.

В соответствии с взглядами автора теории культурной идентичности Т. Андерсона и автора концепции социальной устойчивости Г. Йессена, ключевыми факторами, способствующими (у МН) или препятствующими (у СИН) интроекции девиантных ценностей и формированию соответствующей идентичности наркопотребителя, выступают три взаимосвязанных свойства личности СИН и МН, отличающих их друг от друга (табл. 1).

Свойства идентичности СИН и МН

Факторы девиантной идентичности МН: [155, с. 299–327]	Факторы социально приемлемой идентичности СИН: [214, с. 464–470]
индивидуальная отчужденность;	стремление к сопричастности;
неудовлетворенность самоидентификацией;	удовлетворенность самоидентификацией;
сниженный контроль над самоопределением.	повышенный контроль над самоопределением.

Индивидуальная отчужденность понимается как специфическая черта личности МН, характеризующаяся направленностью «от общества» и выражающаяся в стремлении избежать отношений с другими людьми. Взаимодействия с окружением чреваты болезненным столкновением с невыносимой реальностью, напоминающей МН о неудовлетворенности собой. Поэтому они добровольно предпочитают пребывать в изоляции вместо того, чтобы участвовать в жизни других людей или иным образом проявлять социальную активность.

Первое свойство СИН, отличающее его от МН, – *стремление к сопричастности* – следует рассматривать как особую черту личности СИН, характеризующуюся направленностью «к обществу» и проявляющуюся в стремлении устанавливать контакты и поддерживать отношения, или, иначе говоря, участвовать в жизни других людей. Отношения с другими людьми позволяют СИН получать радость от общения и бесценный опыт межличностного взаимодействия, повышающего социальную компетентность, а также удовлетворенность собой и своей жизнью.

Следующее отличие факторов идентичности заключается в том, что они определяют разную степень удовлетворенности тем, как СИН и МН привыкли себя воспринимать, и тем, какую роль они играют в жизни других. *Для МН характерна неудовлетворенность самоидентификацией*, которая представляет собой убежденность человека в собственной незначительности и бесполезности, проявляющуюся в потере смысла жизни и желания заниматься собственным развитием и достигать социально приемлемых целей. Потеря смысла определяет невозможность МН структурировать свою деятельность в соответствии с прежней системой ценностей и приводит к неуправляемости жизненной траекторией. *СИН*, напротив, более свойственна *удовлетворенность самоидентификацией*, которая проявляется в осознании человеком своей значимости и востребованности, придающей смысл жизни, порождающей стремление участвовать в собственном развитии и достигать социально приемлемых целей. Наличие смысла жизни позволяет СИН структурировать свою деятельность в соответствии с социально одобряемой системой ценностей, обеспечивающей упорядоченность жизни и предсказуемость жизненной траектории. Несмотря на то, что положения зарубежных ученых достаточно детально описывают различия СИН и МН, для большей убедительности рассмотрим различия в степени удовлетворенности самоидентификацией на основе результатов анализа анкетного опроса СИН и МН (рис. 1).

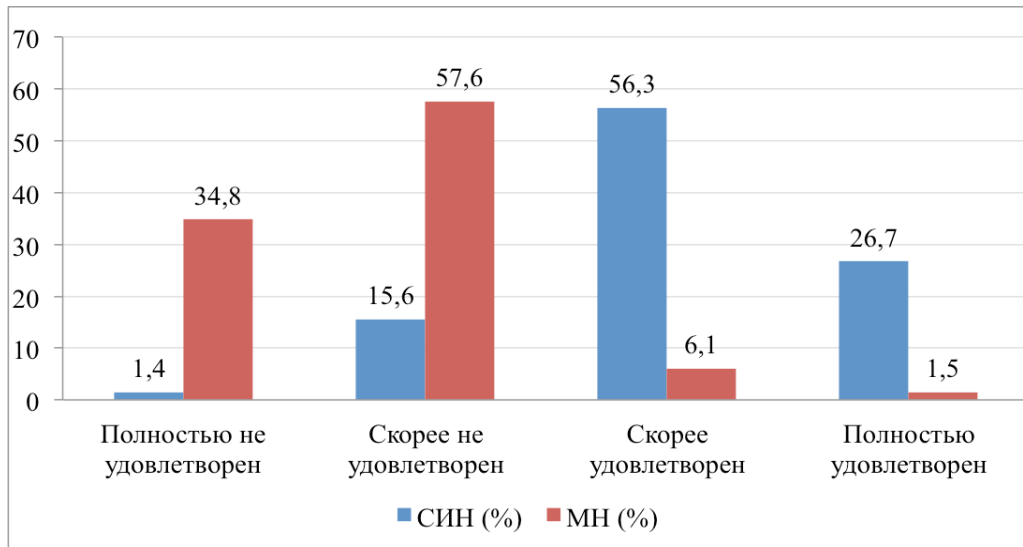

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью и ее различными аспектами?»
(в % к числу опрошенных; СИИ, n1 = 97; МН, n2 = 99)

Как видно из представленного рисунка, абсолютное большинство МН ($\approx 91\%$) скорее или даже полностью не удовлетворены собой и своей жизнью. У СИИ оценки самовосприятия прямо противоположные: $\approx 80\%$ скорее или полностью удовлетворены собой и своей жизнью. Следует отметить, что удовлетворенность собой – очень субъективная категория, которая может детерминироваться значительным числом факторов, однако для нас ценны тенденции, наглядно продемонстрированные данными анкетного опроса.

Последнее отличие факторов идентичности заключается в том, насколько СИИ и МН способны ставить и достигать цели, принимать ответственные решения, а также иным путем определять свое будущее. Свойственное МН *отсутствие контроля над самоопределением* выражается в невозможности принимать ответственные решения, касающиеся собственного развития, и бездействию, полном равнодушии к своему будущему. Это равнодушие придает жизни МН пассивный характер и имеет своим следствием возникновение склонности перекалывать ответственность за свою жизненную траекторию на случайные внешние факторы и других людей.

Третья черта СИИ – наличие контроля над самоопределением – проявляется в возможности принимать ответственные решения, касающиеся собственного развития с энтузиазмом. СИИ полны интереса к тому, что их ожидает. Эта заинтересованность преобразует жизнь посредством активности и принятия на себя ответственности за свое будущее и жизненную траекторию. Чтобы отчетливее проиллюстрировать обозначенные отличия, обратимся к результатам анализа данных анкетного опроса СИИ и МН (рис. 2).

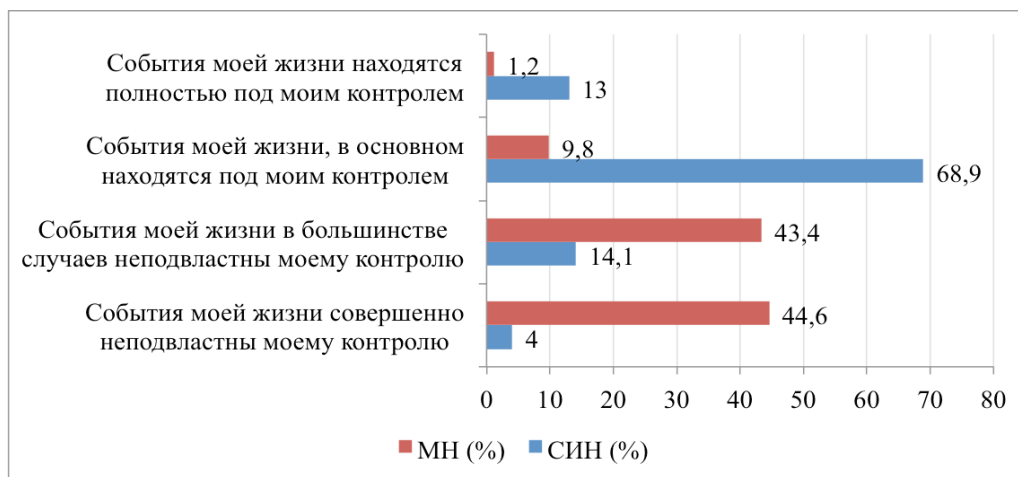

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Какой из предложенных вариантов Вам больше всего подходит?»

(в % к числу опрошенных; СИН, n1 = 97; МН, n2 = 99)

Представленные данные подтверждают различия в том, как МН и СИН воспринимают свою возможность контролировать жизнь и определять свое будущее. Большинство МН ($\approx 90\%$) считают свою жизнь полностью или чаще всего неподвластной контролю. Среди СИН также нашлись респонденты ($\approx 14\%$), которым плохо удается контролировать свою жизнь, при этом большинство СИН ($\approx 70\%$) сообщают, что способны контролировать жизнь в меру своих сил, не претендуя на иллюзорный абсолютный контроль.

Учитывая, что рассмотренные свойства личности, детерминирующие социально одобряемую идентичность СИН и девиантную идентичность МН, являются ядром их различий и одновременно ключевыми условиями, формирующими образ жизни, крайне актуальным является изучение специфических условий их формирования. Следовательно, к важнейшим условиям формирования черт идентичности относятся факторы, действующие на микроуровне (уровне семейного уклада). В этой связи наиболее перспективным видится исследование влияния составляющих семейного уклада СИН и МН на свойства личности. Это позволит не только детально рассмотреть условия формирования их образа жизни и выявить специфические сходства и различия условий, но и понять механизм влияния условий на становление образа жизни потребителя наркотиков.

Кроме того, различия были обнаружены и в семейных традициях СИН и МН. Традиции семей СИН разнообразны, но их объединял гуманистический характер и ориентация на сплочение за счет участия в совместной деятельности. Это определило развитие *последнего свойства СИН – удовлетворенности самоидентификацией*. Семейные традиции МН исчерпывались практиками приема алкоголя и насилия. В таких семьях вместо сплоченности, взаимного уважения и поддержки встречались эгоизм, равнодушие и жестокость. Такие условия определили формирование *неудовлетворенности самоидентификацией, последнего свойства МН*.

Подводя итог эмпирического анализа, следует отметить, что микрофакторы образа жизни СИН и МН, выражающиеся в особой конфигурации индивидуальных черт наркопотребителя (свойств идентичности), предопределяются условиями, в которых происходило развитие и становление его личности. Проведенный анализ со всей очевидностью иллюстрирует влияние семейных факторов (педагогической состоятельности родителей, характера семейных взаимоотношений, семейных традиций и стиля семейного воспитания) на

развитие идентичности будущего наркопотребителя. Свойства идентичности наркопотребителя, приобретающие под влиянием родительского воспитания устойчивый характер, становятся ключевыми характеристиками личности, находящими свое выражение в образе жизни.

Литература

1. Гриценко В.В. Вынужденные переселенцы и наркогенная субкультура: мифы и реальность / В.В.Гриценко. Балашов: Изд-во «Николаев», 2002. – 120 с.
2. Кирилина Т.Ю. Методика диагностики социальной сплочённости на региональном уровне// Социальная политика и социология № 2013, №4 (97), том 2, с. 43-51.
3. Кирилина Т.Ю. Динамика духовно-нравственных ценностей россиян в контексте глобализации// Лесной вестник. Вестник московского государственного университета леса// М.: МГУЛ, 2013, № 5, с.79-81.
4. Кирилина Т.Ю. Изучение социальных типов в социологии морали// Вопросы региональной экономики // 2010. – №1, С. 92-103.
5. Кирилина Т.Ю. Нравственные аспекты модернизации современного российского общества// Лесной вестник. Вестник московского государственного университета леса// М.: МГУЛ, 2011, № 2 (78), с. 175-179.
6. Кирилина Т.Ю. Трансформация духовно-нравственных ценностей россиян в контексте глобализации// Ученые записки Российского государственного социального университета. – М.: Изд-во РГСУ, 2012. – № 7. С. 54 – 58.
7. Кирилина Т.Ю., Лапшинова К.В., Татарова С.Ю. Цивилизационное развитие России в оценках современной студенческой молодежи // В мире научных открытий. - № 9.3 (69), 2015, с. 1070-1080
8. Мороз А.А., Кирилина Т.Ю., Проблема социальной интеграции социально-интегрированных и маргинальных наркопотребителей // В мире научных открытий. - №7.3 (67), 2015. С. 1001-1024.
9. Anderson, T. L. (1998). A cultural identity theory of drug abuse. *Sociology of Crime, Law, and Deviance*, 1, 233-262.
10. Bourgois P. (1989) «In Search of Horatio Alger: Culture and Ideology in the Crack Economy», *Contemporary Drug Problems* 16(4): 619-649.
11. Brice-Heath S., McLaughlin M.W. (1993) *Identity and Inner-City Youth*. New York: Teachers College Press, pp. 147-175.
12. Clarke J., Hall. S., Jefferson T., Roberts B. (1976) «Subcultures, Cultures, and Class: A Theoretical Overview», London: Hutchison; Pp. 9-74.
13. Gans H.J. (1974) *Popular Culture and High Culture. An Analysis and Evaluation of Taste* / H. J. Gans. New York, Basic Books, - 179 p.
14. Hebdige D. (1979) *Subculture: The Meaning of Style*. London: Methuen & Co Ltd. 195 pp.
15. Jensen G.F. (1973) «Inner containment and delinquency», *Journal of Criminal Law and Criminology*, Vol. 64, pp. 464–70.
16. MacLeod J. (1987) *Ain't no makin' it: Leveled aspirations in a low-income neighborhood*. Boulder, CO: Westview. ix, 198 p
17. Schwartz G., Turner P., Peluso E. (1973) «Neither Heads nor Freaks: Working Class Drug Subculture», *Urban Life and Culture* 2(3): 288-313.
18. Willis P. (1976) «The Cultural Meaning of Drug Use», in *Resistance Through Rituals: Youth Subcultures in Post- War Britain*, edited by S. Hall and T. Jefferson. London: Hutchison. Pp. 106-118.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В.М. Флоря, д.с.н., профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Т.И. Бузмакова, к.п.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
К.В. Лапшинова, к.с.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин
 Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Москов-
 ской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

Статья посвящена перспективам развития интеграционных процессов и взаимодействий на постсоветском пространстве. В круг рассматриваемых вопросов вошли: факторы и особенности интеграционных процессов на территории бывшего СССР; отмечаются сложности осуществления интеграции; рассматриваются формы их интеграционных взаимодействий по экономической стабилизации государств постсоветского пространства; анализируются итоги экономических реформ в странах Содружества; идея создания ЕАС рассматривается как путь к более эффективной интеграции стран-участниц.

Интеграционные процессы, экономическая стабилизация, институциональные преобразования, экономический кризис.

THE DEVELOPMENT PERSPECTIVES OF POST-SOVIET INTEGRATION

V.M. Florea, doctor of social sciences, professor of the Department
 of humanitarian and social disciplines,
T.I. Buzmakova, PhD, associate Professor of the Department
 of humanitarian and social disciplines professor,
K.V. Lapshinova, PhD, associate Professor of the Department
 of humanitarian and social disciplines
 State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology»
 («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

The article deals with the perspectives of integration processes on post-Soviet area. The range of issues are factors and peculiarities of integration processes. It is noted the difficulties of integration. The forms of integration interactions in the economic stabilization of post-Soviet States are considered. The results of reforms in Commonwealth countries and the idea of creating Eurasian conformity as a path of more effective integration are analyzed.

Integration processes, economic stabilization, institutional transformation, economic crisis.

Народохозяйственный комплекс Советского Союза формировался из числа экономик бывших союзных республик. Распад СССР привел к разрушению существовавшей системы экономических связей и отношений между ними, вызвал тяжелые экономические последствия и потери во всех республиках постсоветского пространства. Разразившийся эко-

номический кризис проявился в повсеместном спаде производства и снижении его эффективности, высоких темпах инфляции, сокращении инвестиций и обнищании значительной части населения.

Очевидным стал тот факт, что экономическую стабилизацию невозможно восстановить без жизненно необходимых хозяйственных связей, интеграционных взаимодействий постсоветских общественно-государственных образований. Интеграция в рамках СНГ стала объективно необходимым явлением. Интеграционные взаимодействия между республиками сразу же начали набирать обороты в первые годы существования Содружества. Однако одновременно с этим стали накапливаться и расти раздражение, недовольство СНГ, созданной как региональная организация государств, в рамках которой не удалось в сжатые сроки переломить экономическую ситуацию и добиться значительных успехов в экономическом взаимодействии, создании международного экономического союза, напоминавшим своей деятельностью Европейский Союз. Политическое руководство Содружества постоянно заявляло о своей решительной готовности и способности к шагам, действиям по дальнейшему развитию и совершенствованию сотрудничества со всеми странами постсоветского пространства в различных сферах деятельности, подписаны были сотни документов, соглашений и решений, однако практические результаты этой работы так и остались на бумаге нереализованными [6].

Подводя итоги деятельности Содружества Независимых Государств за все годы существования организации, на протяжении которых лидерами постоянно выражались благие намерения в экономическом сотрудничестве государств Содружества, нам необходимо учитывать особенности, условия и перспективы постсоветской интеграции. Наиболее значимые из них, на наш взгляд, можно выделить следующие:

- всеохватывающий экономический кризис в постсоветских республиках в начальной стадии их становления, развития и формирования государственного суверенитета, демократических процессов при переходе к рыночной экономике, трансформации социально-экономических отношений;
- сохраняющиеся значимые различия как в индустриальном уровне развития постсоветских государств, так и в степени рыночного реформирования экономики;
- наличие одного государства, оказывающего притягивающее влияние всего хода интеграционных процессов в СНГ;
- выявление других привлекательных и благополучных экономических центров притяжения на планете;
- сохраняющиеся неурегулированные межгосударственные и межнациональные конфликты на территории Содружества.

На интеграцию государств СНГ оказали влияние разные по степени и направленности процессы. Провозгласившие свою независимость, новые государства в тот период преодолевали возникшие перед ними трудности и последствия. Эти трудности были обусловлены:

- во-первых, политическим распадом некогда единого государства и его народнохозяйственного комплекса;
- во-вторых, разрывом созданных производственно-технологических и хозяйственных связей предприятий и организаций;
- в-третьих, разрушением единой финансово-денежной системы и др. Далее этот процесс продолжился созданием и утверждением новых государственных институтов власти и управления, осуществлением реформ в области экономических, социальных отношений и связей.

Рыночные реформы в государствах Содружества усилили негативные результаты и последствия распада единого государства и общего экономического пространства, поскольку конечной их целью являются кардинальные изменения общественно-политического строя и системы экономических отношений. Проводимые реформы так до сих пор и не привели к структурной перестройке и модернизации производства при любой их национальной специфике и направленности, рационализации внутренних и внешних экономических связей. Возникший широкомасштабный системный кризис до конца не смогло преодолеть ни одно государство Содружества.

Сохраняющаяся сложная социально-экономическая ситуация затрудняет выявление и реализацию возможностей развития интеграционных процессов.

Интеграция на постсоветском пространстве осуществляется между государствами с различным уровнем их индустриального развития и степенью рыночного реформирования экономики.

Постсоветские государства по уровню своего индустриального развития не в состоянии производить высококачественную и конкурентоспособную продукцию на мировом рынке из-за низкого технического и технологического уровня большинства его предприятий. Прежде всего, к этому числу следует отнести производство промышленных машин, оборудования, электроники и многие других видов сложных изделий. В этом ряду исключение составляют лишь технология и продукция военно-промышленного комплекса. В конечном счете, это приводит к сырьевой направленности структуры экспорта стран Содружества. Более того, многие из них выступают конкурентами между собой на внешних рынках.

Государства с относительно низким уровнем индустриального развития обладают меньшими возможностями межгосударственного взаимодействия и испытывают меньше потребностей в нем. Анализ мировой практики позволяет заключить, что интеграция между ними весьма затруднена. В послевоенные годы в странах Азии, Африки и Латинской Америки создавались десятки экономических блоков и группировок государств. Однако, как свидетельствует мировой опыт, в большинстве случаев их интеграционные планы и программы в полном объеме не были реализованы. Внутренний региональный товарооборот в таких экономических блоках зачастую составлял 5-10% от общего объема их торговли [4].

Реальные интеграционные взаимодействия возможны и даже необходимы для государств, имеющих высокоразвитый промышленный потенциал. Экономика в таких государствах способствует развитию конкуренции, и позволяет взаимно дополнять и заменять конкурентоспособную продукцию. А специализация и кооперация труда в технико-технологических сложных производствах объединяет партнеров по бизнесу. В таких условиях интеграционные процессы идут и развиваются без навязывания и принуждения со стороны правительств. Правительствам стран остается только создать соответствующий политико-правовой климат, сблизить национальные законодательства в согласованных сферах совместной деятельности.

На динамику и направленность интеграционных процессов на постсоветском пространстве непосредственно оказывает влияние степень рыночной подготовленности республик бывшего СССР.

Фиксируемые институциональные преобразования в постсоветских общественно-государственных образованиях сконцентрированы на задачах удержания и осуществления власти, укрепления существующих режимов, а также вывода экономик стран из кризиса и перевода их в стадию стабилизации, стабильности и подъема, снижения социальной напряженности в обществе. Первые шаги по реформированию обществ проводились новыми ста-

рыми лидерами государств и частью сформировавшейся национальной элиты в меру понимания ими основных задач рыночных реформ. Часто на практике это приводило к возникновению потенциальных опасностей и тенденций к дестабилизации общества.

Важной особенностью стран Содружества явилась невольная их привязка к одному государству – Российской Федерации. И это не случайно. Россия по праву занимает определяющее место в интеграционных процессах постсоветских государств в силу существующих объективных обстоятельств [5, с.307-312]. По статистике на Россию приходится более половины общей численности населения и около 70% совокупного валового продукта государств постсоветского пространства.

Государства бывшего СССР без России существовать не могут. Многие виды промышленной и сельскохозяйственной продукции стран Содружества не конкурентоспособны на мировом рынке. Отсюда российский рынок для них остается не только привлекательным, но и безальтернативным, который позволяет импортировать им энергоносители, сырье и различные материалы.

На процессы интеграции на постсоветском пространстве оказывают негативное влияние и воздействие до сих пор неурегулированные межгосударственные и межнациональные вооруженные конфликты между Молдавией и Приднестровьем, Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией, Азербайджаном и Нагорным Карабахом. В настоящее время государства Содружества разрешить их экономическими, политическими и др. методами самостоятельно не в состоянии. Обращаются за практической помощью к РФ. Россия в спорных вопросах оказывает посильную помощь в поддержании мира и стабильности в зоне этих конфликтов и при этом не претендует на роль единственного миротворца [5, с.316-319]. Зачастую, при оказании посреднических и миротворческих услуг, она не всегда получает должную поддержку и понимание со стороны других постсоветских общественно-государственных образований.

Можем ли мы однозначно ответить на вопрос: «Означает ли все это, что интеграция постсоветских государств не возможны или не нужны?»

Как нам кажется, мы сможем однозначно положительно ответить, если при этом будем опираться на мировой опыт. А мировой опыт свидетельствует о том, что геополитический смысл интеграционных процессов очевиден. Современное постсоветское пространство состоит из государств с неразвитой политической системой, реформируемой экономикой и острыми проблемами в социальной сфере, неурегулированными межгосударственными и межнациональными конфликтами [7]. Сегодня это огромное территориальное пространство может представлять серьезную угрозу не только для соседних государств, но и для других стран человеческой цивилизации. По нашему мнению, низкий уровень жизни, бедность и нищета значительной части населения, потоки беженцев и переселенцев, нелегальная миграция, сложная криминогенная ситуация, рост преступности и мафиозных групп, терроризм, контрабанда оружия и наркотиков, сепаратизм и религиозный экстремизм являются теми проблемами, которые характерны практически для большинства постсоветских государств и требуют немедленного решения. На этом фоне международные механизмы стран должны быть объединены и направлены в русло разрешения этих острых проблем, что явилось бы благом для мирового сообщества.

Существует множество факторов, способствующих постсоветским государствам заниматься развитием и совершенствованием интеграционных процессов. Прежде всего, экономики большинства из них не могут существовать изолированно. Единственным путем для этих стран к экономическому благополучию должно стать их участие в международном разделении труда и, следовательно, в торговле с другими государствами.

Все вместе взятые бывшие советские республики представляют собой крупное экономико-территориальное образование с населением более 300 млн. человек. На таком экономическом пространстве можно и нужно создать общий рынок, а также построить современные предприятия, оборудованные полным производственным циклом. В недрах государств постсоветского пространства имеются значительные запасы большинства видов природного сырья, составляющие в совокупности четверть мировых. Бывшие советские республики унаследовали от СССР единую транспортную сеть, опыт создания и эксплуатации единой электроэнергетической системы, магистральных нефти и газопроводов.

Несмотря на распад СССР, на постсоветском пространстве государства сохранили многообразные исторические и культурные связи между народами своих стран. Здесь пока еще нет зафиксированных значительных языковых барьеров. Среди представителей различных национальностей русский язык по-прежнему широко используется как язык межнационального общения [2].

Проводящиеся многочисленные опросы в государствах постсоветского пространства фиксируют то, что в общественном сознании отношение к интеграции является сложным комплексом установок и настроений. По-прежнему сохраняется достаточно высокий уровень ностальгии по большой прежней стране. Идея сближения и объединения в основном опирается на поддержку значительных групп зрелой части населения, для которых распад СССР воспринимается как национальная трагедия, ассоциируется с экономическим кризисом и резким обострением социальных проблем. В то же время, в постсоветских государствах становится все меньше и меньше людей готовых жертвовать своими экономическими интересами, ради ускоренного внедрения до конца непродуманных программ по интеграции со всеми.

Несмотря на все сложности, интеграционные процессы медленно и противоречиво набирают обороты.

Можно считать, что переломным моментом в активизации интеграционных процессов является выдвинутая Н.А. Назарбаевым идея о создании Евро-Азиатского сообщества [1], как путь к более эффективной интеграции на постсоветском пространстве. По сути, был провозглашен курс на воссоздание общего экономического пространства и придания интеграции нового импульса в развитии.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: Идеи. Перспектива, Практика. Перспективы, 1994-1997. – М., 1997.
2. Кирилина Т.Ю. Духовно-нравственные основы социальных изменений в современной России. В книге: Стратегии социального развития современного общества: Российские и мировые тренды. Сборник материалов XIV Международного социального конгресса. Москва, 2015. С. 213-214.
3. Кирилина Т.Ю., Бузмакова Т.И., Лапшинова К.В., Антоненко В.И. Эволюция развития социальной политики, основанной на социальной сплоченности (статья). Русский космизм: история и современность // Сборник трудов научной конференции 22 апреля 2015 года / Под общ. научн. Ред. Смирнова В.А. – М, Изд-во « Научный консультант», 2015 г. – 112-131 стр.
4. Kirilina T.Y., Antonenko V.I., Buzmakova T.I., Smirnov V.A. Transformation of traditional Russians Values in post-Soviet Russia in the Course of Globalization/ Oxford Journal of Scientific Research No.1. (9), January-June, 2015. VOLUME III. «Oxford University Press», 2015.-889 с.– С.686–693.

5. Политология: учебник для бакалавров / Р.Г. Мумладзе, И.Д. Афонин, А.И. Афонин, В.А. Смирнов – М.: Издательство «Русайнс», 2016, с. 307–312.
6. Флоря В.М., Антоненко В.И., Скворцова О.В., Смирнов В.А., Чернышова А.Г. Социальные факторы дезинтеграции и интеграции постсоветского пространства: история и современность. В книге: Социально-гуманитарное знание как ресурс формирования гражданского общества в России: коллективная монография. ГБОУ ВО «Технологический университет». Королев, 2015, -с.90-109.
7. Флоря В.М., Антоненко В.И., Чернышова А.Г. Социальная трансформация социальных изменений.//Русский космизм: история и современность/ сборник трудов по материалам научной конференции 22 апреля 2015/ Под общ.научн.ред. Смирнова В.А. –М.: «Научный консультант», 2015. С.97-107.

УДК 1:378

**СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ.
АНАЛИТИКА ТЕМЫ В УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ДЛЯ БАКАЛАВРОВ НЕГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

В.И. Антоненко, к.ф.н, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Н.В. Гайдабрус, к.ф.н, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин,
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Москов-
ской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

Преподавание темы «Современная философия» бакалаврам негуманитарных специальностей представляет из-за ограниченного количества времени и обширности материала определенную трудность и большую ответственность. На помощь приходит учебная литература. В нашей статье мы решили проанализировать и выявить особенность раскрытия этой темы в предлагаемых студентам учебниках и учебных пособиях по философии.

Философия, образование, учебная литература.

**THE MODERN PHILOSOPHY.
ANALYSIS OF THIS TOPIC OF TEXTBOOKS FOR BACHELORS OF NON-HUMANI-
TARIAN DIRECTIONS**

V.I. Antonenko, PhD, associate Professor of the Department of humanitarian and social disci-
plines,
N.V. Gaidabrus, PhD, assistant Professor of the Department of Humanities and social Sciences,
State Educational Institution of Higher Education Moscow Region
«University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

Teaching topic «The modern philosophy» bachelors to non-humanitarian directions is due to the limited amount of time. It is a great challenge and responsibility. Educational literature comes to help. In our article we decided to make analysis of this topic in the textbooks on philosophy and identify her characteristics.

Philosophy, education, educational literature.

Соблюдая требования, предъявляемые к учебной литературе, мы поместили в наш анализ учебники и учебные пособия за последние пять лет, включив только грифованные [10]. Сейчас основная учебная литература может быть представлена печатным и/или электронным изданием, поэтому библиотеки не закупают печатные версии, если они есть в электронном доступе. Всё же в целях эффективности и контролируемости учебного процесса, на наш взгляд, стоит обеспечивать группу единой печатной учебной книгой, которая всегда будет «под рукой» обучающегося. Поэтому мы рекомендовали бы иметь печатную учебную литературу на библиотечных полках вузов.

Ранее мы проводили анализ учебников для студентов нефилософских специальностей в целом, поэтому сегодня наша статья будет посвящена аналитике темы «Современная

философии» как наиболее дискуссионной, а потому разнящейся в учебниках по содержанию и структуре [3]. Эта тема также представляет трудность в усвоении студентами, особенно, негуманитарных специальностей, так как обычно за одну лишь лекцию они должны познакомиться с разнообразными течениями, понять неклассические особенности современной философии. Для лучшего усвоения в помощь студентам должны прийти учебники. Первое, с чем столкнутся студенты – это неустоявшееся название темы.

Обложка	Название учебника /учебного пособия	Название темы
	<p>Батурин, В.К. Философия: учебник для бакалавров / В.К. Батурин. - М. : Юнити-Дана, 2016. - 343 с.</p>	<p>Глава 2. Историческое введение в философию. 2.6. Очерк развития западноевропейской философии.</p>
	<p>Грядовой, Д.И. Философия: Общий курс : учебник / Д.И. Грядовой. - 4-е изд., перераб. и доп. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 464 с.</p> <p>Грядовой, Д.И. Философия: Структурированный учебник (для вузов) : учебник / Д.И. Грядовой. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 385 с.</p>	<p>Глава 12. Постклассическая философия. 12.2. Общая характеристика и систематизация постклассической философии (XIX-XX вв.). 12.5. Западноевропейская и американская философия второй половины XIX—XX в. 12.5. Западноевропейская и американская философия второй половины XIX—XXв.</p>
	<p>Гуревич, П.С. Философия : учебник / П.С. Гуревич. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 404 с.</p>	<p>Тема 7. Современная западная философия.</p>

	<p>Лавриненко, В.Н. Философия: В вопросах и ответах : учебное пособие / В.Н. Лавриненко, В.П. Ратников, В.В. Юдин. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 466 с.</p>	<p>Тема 9. Западная философия конца XIX-XX века.</p>
	<p>Лавриненко, В. Н. Философия [Электронный ресурс] : учебник для вузов / В. Н. Лавриненко; под ред. проф. В. Н. Лавриненко, проф. В. П. Ратникова. - 3-е изд., перераб. и доп. - М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. - 622 с.</p>	<p>Глава 9. Западная философия конца XIX-начала XXI века.</p>
	<p>Философия : учебник / В.Н. Лавриненко, В.Ф. Голубь, В.Ю. Дорошенко и др. ; под ред. В.П. Ратников. - 4-е изд., перераб. и доп. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 736 с.</p>	<p>Глава 9. Западная философия конца XIX-начала XXI века.</p>
	<p>Петров, В.П. Философия. Курс лекций : учебник / В.П. Петров. - М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2012. - 552 с.</p>	<p>Лекция XVII Панорама философской мысли. «... представители различных школ и направлений XX — начала XXI в. стремились обозначить собственные философские позиции...» [9,499]</p>
	<p>Философия : учебное пособие / Н.П. Коновалова, Т.С. Кузубова, Р.В. Алашеева, и др. ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. - Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. - 216 с.</p>	<p>Тема 8. Современная западная философия</p>

	<p>Философия / В.В. Миронов. отв.ред. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 928 с.</p>	<p>Раздел II. Западная философия в XX столетии.</p>
	<p>Царегородцев, Г.И. Философия : учебник / Г.И. Царегородцев, Г.Х. Шингаров, Н.И. Губанов. - Изд. 4-е, перераб. и дополн. - М. : Издательство «СГУ», 2012. - 452 с.</p>	<p>ГЛАВА 10. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ.</p>
	<p>Философия : учебник / А.В. Апполонов, В.В. Васильев, Ф.И. Гиренок и др. ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова ; под ред. А.Ф. Зотов, В.В. Миронов, А.В. Разин. - 6-е изд., перераб. и доп. - М. : Проспект, 2015. - 670 с.</p>	<p>Раздел III. Философия XX века.</p>

Второе, что отличает учебную литературу, это разное наполнение темы. Концепция вульгарного материализма (Л. Бюхнер, К. Фохт, Я. Молешотт) представлена только в учебнике Грядового Д.И. Философия: Общий курс. Философия жизни/философия культуры /морфология культуры О.Шпенглера рассматривается Грядовым Д.И., в учебниках под редакцией Лавриненко В.Н, Ратникова В.П., Миронова В.В. В учебники под ред. В.Н. Лавриненко, В.П. Ратникова включены темы Современная религиозная философия, Современная исламская философия, Современный буддизм. В издании под редакцией Миронова В.В. рассматривается логическая семантика Альфреда Тарского.

В учебнике Грядового Д.И. мы видим рассмотрение философии второй половины XIX-XX в.в. отдельно по странам. Немецкая философия – это ряд направлений: неокантианство, имманентная философия, позитивизм, философия жизни, неогегельянство, экзистенциализм, критическая онтология, феноменология. Английская философия этого периода представлена тремя основными течениями: естественнонаучным материализмом, позитивизмом и абсолютным идеализмом. Вслед за позитивизмом и абсолютным идеализмом и в полемике с ними формируются английские реалистические школы, персонализм, неопозитивизм. Французская философия представлена рядом направлений: эволюционистское, эпистемологическое, экзистенциалистское направления и христианская философия. Американская философия: прагматизм, неорелизм, критический реализм, персонализм, экзистенциализм, неопозитивизм.

Страновое разделение также использует Петров В.П., разбирая тему персонализма. «Персонализм — это теистическое направление в современной философии, признающее

личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир — проявлением творческой активности высшей личности, Бога. В России идеи персонализма развивали Н.А. Бердяев (1874–1948 гг.), Л.И. Шестов (1866–1938 гг.), А.А. Козлов (1831–1901 гг.), Л.М. Лопатин (1855–1920 гг.), Е.А. Бобров (1867–1933 гг.), С.А. Алексеев (Аскольдов, 1870/71–1945 гг.), по определённым позициям Н.О. Лосский (1870–1965 гг.). В Германии к персонализму относится учение философа идеалиста Ф. Якоби (1743–1819 гг.), некоторые элементы его философии нашли дальнейшее развитие в философии жизни и экзистенциализме. Концепцию этического персонализма разрабатывал М. Шелер (1874–1928 гг.) — один из основателей немецкой школы философской антропологии. В своей книге «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1921 г.) он ценность личности представлял высшей аксиологической ступенью. Помимо М. Шелера в Германии на позициях персонализма («критического» персонализма) находились В. Штерн (1871–1938 гг.), а также — Х. Тиллике, «теологическая этика» которого являлась основой персоналистской тенденции в немецкой философии. Американская философия персонализма возникла примерно в одно время с русской в конце XIX в. Её основатель — Б. Боун (1847–1910 гг.), а главными представителями являются Р. Флюэллинг (1871–1966 гг.) и Э. Брайтмен (1881–1953 гг.), Дж. Хауисон, У. Хокинг. Во Франции персонализм сформировался в начале 30-х гг. XX в. Основоположником философии персонализма является Э. Мунье (1905–1950 гг.). С 1932 г. издавался специальный журнал «Esprit». Наряду с Мунье, основными представителями персонализма являлись — Д. де Ружмон, П. Ландсберг, Ж. Изар, М. Недонсель, Ж. Лакруа, Г. Мадинье» [9].

Авторы по-разному прописывают тему позитивизма. Грядовой Д.И., Лавриненко, Гуревич П.С., В. Н. Петров, В.П. представляют все четыре формы позитивизма.

В издании Н.П. Коноваловой, Т.С. Кузубовой, Р.В. Алашеевой и др. рассматривается развитие позитивизма, разбирается только аналитическая философия. В учебнике под редакцией В.П.Миронова, а также в учебнике А.В. Апполонова, В.В. Васильева, Ф.И. Гиренка и др. внимание уделяется неопозитивизму.

Обратить внимание хочется на учебник Батурина В.К. Философия: учебник для бакалавров / В.К. Батурин. - М. : Юнити-Дана, 2016. - 343 с. Очерк развития западноевропейской философии, который составляет пятьдесят страниц, помещён в Главу 2. «Историческое введение в философию» и разбит только по абзацам, а не традиционно, по периодам. Интересующая нас тема занимает около двадцати страниц. Разбираются Ницше, Рассел, Витгенштейн, Фрейд, первый позитивизм (появление философии науки), Мах, третий позитивизм (Шлик, Карнап, Нейрат), Поппер, Кун, экзистенциализм, персонализм, Хайдеггер, Ясперс, феноменология Гуссерля, философская антропология Шелера, философская герменевтика Гадамера, посмодернизм. Далее автор пишет: «Нам представляется, что мы достаточно показали, что если выбрасывать что-то на свалку истории, то это нужно сделать по отношению именно позитивизма и чем быстрее — тем лучше» [1, 160]. И далее: «Может быть, Европа когда-то и была неким несомненным «локомотивом» культуры, науки, философии, реформ, мод, но теперь об этом можно говорить только в прошедшем времени, о чем и свидетельствует эта большая часть нашего пособия — по сути своей во многом печальная» [1, с.169].

Отметим, что неприятие позитивистской темы ярко выражено и в учебном пособии для студентов, аспирантов и преподавателей Батурин В.К. Философия науки: учебное пособие / В.К. Батурин. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 304 с.: «Смерть позитивизма, как и любого дилеттантизма, шарлатанства или мошенничества в науке, единственный правильный выход из создавшегося положения. И ни слова больше о позитивизме, поскольку как научного направления его просто нет вообще. Позитивизм — это другое, это оппозиция научному» [2,

с.217]. Оба издания имеют рекомендацию Учебно-методического центра «Профессиональный учебник» и Научно-исследовательского института образования и науки.

Направление постмодернизма выделяют следующие авторы: Грядовой Д.И., Гуревич П.С., Лавриненко В.Н., в учебнике под редакцией Миронова В.В., в учебнике Г.И. Царегородцева, Г.Х. Шингарова, Н.И. Губанова есть глава, посвященная философии постмодернизма с § 1. Возникновение постмодернизма. § 2. Постмодернистская философия. § 3. Значение постмодернизма и его перспективы. Только в одном учебном пособии, авторы Н.П. Коновалова, Т.С. Кузубова, Р.В. Алашеева и др., в числе других имен упоминается Юлия Кристева.

В учебнике под редакцией Миронова В.В. нет темы психоанализа, но в последнем рассматривается структурный психоанализ Жака Лакана. В учебнике Г.И. Царегородцева, Г.Х. Шингарова, Н.И. Губанова отсутствуют темы феноменологии и герменевтики, в учебнике под редакцией А.Ф. Зотова, В.В. Миронова, А.В. Разина нет тем психоанализа и экзистенциализма. Остальные авторы традиционно включают в свои издания экзистенциализм, феноменологию, психоанализ, герменевтику.

Студентам удобнее пользоваться учебниками с определенными формальными признаками: легко читаемый шрифт и кегль, структурированный текст, включение схем, иллюстрацией, портретов. В этом отношении выигрывают некоторые учебники. Например, в учебнике Грядовой Д.И. Философия: Общий курс и в его Структурированном учебнике текст представлен наиболее структурно, систематизированно, схематично. Заметим, что в Общем курсе Грядовой Д.И. в таблицу на с.177 в эмпириокритицизм внесен ошибочно Спенсер, Милль, на с.194 в таблицу второго позитивизма включен Анри Пуанкаре, а в тексте рассматриваются только Мах и Авенариус [4]. А в Структурированном учебнике Грядовой в одной таблице на с.137 в эмпириокритицизме указаны Мах, Авенариус, Пуанкаре, на следующей странице допущена опечатка не Мах, а Макс, а в таблице на с. 141 Пуанкаре помещён в конвенционализм [5].

В четвёртом издании учебника В.Н. Лавриненко, В.Ф. Голубь, В.Ю. Дорошенко и др.; под ред. В.П. Ратников добавлены портреты философов, появились цитаты, выделения курсивом, жирным шрифтом, в конце глав есть список основных понятий, вопросы для размышления, библиографический список. Заметим, что авторы этого учебника решили оставить немецкоязычное написание имени Эрнста Маха – Ernst Mach, в книге он Эрнст Мах.

В Курсе лекций Петров В.П. включает отдельным блоком, выделив другим шрифтом и размером, краткую информацию о жизнедеятельности некоторых философов, что заинтересовывает читателя. В конце глав даются вопросы самоконтроля и литература.

Мы рассмотрели издания, рекомендованные или допущенные Министерством образования (МО), Научно-методическим советом по направлению (НМС), Учебно-методическим объединением (УМО), Учебно-методическим центром «Профессиональный учебник» и Научно-исследовательским институтом образования и науки. Из изданий, имеющих рекомендации Учебно-методического центра «Профессиональный учебник» и Научно-исследовательского института образования и науки, с некоторыми оговорками наиболее удачным видится учебник Грядовой Д.И., а наиболее спорным учебник Батурина В.К.

Аналитика учебной литературы выявляет в качестве оптимальных для бакалавров негуманитарных специальностей следующие издания: Философия: учебник для вузов / под ред. проф. В. Н. Лавриненко и др., 3-е и 4-е издание; Петров В.П. Философия. Курс лекций, Философия / В.В. Миронов. отв.ред.; Философия : учебник / А.В. Апполонов, В.В. Васильев, Ф.И. Гиренок и др. ; Философия : учебник / Г.И. Царегородцев, Г.Х. Шингаров, Н.И. Губанов. Таким образом, подтверждается авторитетность грифа Министерства образования

(МО), Научно-методического совета по направлению (НМС), Учебно-методического объединения (УМО), которые наличествуют в выбранных нами изданиях, для рекомендации библиотекам вузов приобретать печатные версии.

Литература

1. Батулин, В.К. Философия : учебник для бакалавров / В.К. Батулин. - М. : Юнити-Дана, 2016. - 343 с. - Библиогр. в кн. - ISBN 978-5-238-02753-1 ; То же [Электронный ресурс]. - URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=426490&sr=1
2. Батулин, В.К. Философия науки : учебное пособие / В.К. Батулин. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 304 с. - ISBN 978-5-238-02215-4 ; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=117897>
3. Гайдабрус Н.В. Философское образование студентов нефилософских специальностей. Аналитика учебной литературы // Инновационные и приоритетные направления в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе: Сборник трудов по материалам III Международной научно-практической конференции 21 апреля 2016 г.: Издательские решения, 2016. 406 с. С.360-367.
4. Грядовой, Д.И. Философия: Общий курс : учебник / Д.И. Грядовой. - 4-е изд., перераб. и доп. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 464 с. - ISBN 978-5-238-02184-3 ; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=117925>
5. Грядовой, Д.И. Философия: Структурированный учебник (для вузов) : учебник / Д.И. Грядовой. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 385 с. - ISBN 5-238-00371-4 ; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=118575>
6. Гуревич, П.С. Философия : учебник / П.С. Гуревич. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 404 с. - (Учебники профессора П.С. Гуревича). - ISBN 5-238-00946-1 ; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=117921>
7. Лавриненко, В. Н. Философия [Электронный ресурс] : учебник для вузов / В. Н. Лавриненко; под ред. проф. В. Н. Лавриненко, проф. В. П. Ратникова. - 3-е изд., перераб. и доп. - М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. - 622 с. - (Серия «Золотой фонд российских учебников»). - ISBN 5-238-00763-9. <http://znanium.com/bookread2.php?book=396930>
8. Лавриненко, В.Н. Философия: В вопросах и ответах : учебное пособие / В.Н. Лавриненко, В.П. Ратников, В.В. Юдин. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 466 с. - (Cogito ergo sum). - ISBN 5-238-00589-X ; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=117916>
9. Петров, В.П. Философия. Курс лекций : учебник / В.П. Петров. - М. : Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2012. - 552 с. - (Учебник для вузов). - ISBN 978-5-691-01858-9 ; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=234935>
10. Приказ от 11.04.2001 N 1623 «Об утверждении минимальных нормативов обеспеченности высших учебных заведений учебной базой в части, касающейся библиотечно-информационных ресурсов». http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_01/1623.html
11. Философия / В.В. Миронов. отв.ред. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 928 с. <http://znanium.com/bookread2.php?book=535013>
12. Философия : учебник / А.В. Апполонов, В.В. Васильев, Ф.И. Гиренок и др. ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова ; под ред. А.Ф. Зотов, В.В. Миронов, А.В. Разин. - 6-е изд., перераб. и доп. - М. : Проспект, 2015. - 670 с. - Библиогр. в кн. - ISBN 978-5-392-16429-5 ; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252003>

13. Философия : учебник / В.Н. Лавриненко, В.Ф. Голубь, В.Ю. Дорошенко и др. ; под ред. В.П. Ратников. - 4-е изд., перераб. и доп. - М. : Юнити-Дана, 2012. - 736 с. - (Золотой фонд российских учебников). - ISBN 978-5-238-01378-7 ; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=117909>

14. Философия : учебное пособие / Н.П. Коновалова, Т.С. Кузубова, Р.В. Алашева, и др. ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. - Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2014. - 216 с. : ил., табл., схем. - ISBN 978-5-7996-1162-0; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=275803>

15. Царегородцев, Г.И. Философия : учебник / Г.И. Царегородцев, Г.Х. Шингаров, Н.И. Губанов. - Изд. 4-е, перераб. и дополн. - М. : Издательство «СГУ», 2012. - 452 с. - Библиогр. в кн. - ISBN 978-5-8323-0830-2 ; То же [Электронный ресурс]. - URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=275142>

УДК 316.772.3

СЕТЕВЫЕ ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА В СФЕРЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.Г. Ковалев, к.пед.наук, доцент кафедры дизайна,
Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

В статье ставится ряд злободневных вопросов современной России: что означает сетевая форма организации жизнедеятельности и системы образования для нашего общества, как современные средства коммуникации влияют на формирование сетевой организации нашего общества, что эта сетевая форма организации нынешнего общества значит для обеспечения основных функций общества – образовательных, культурных, экономических, защитных и др., каково взаимодействие сетевого гражданского общества и властных вертикальных государственных структур, каково значение социального творчества гражданского общества в образовательной сфере, каков социальный потенциал сетевых коммуникаций для инноваций в различных сферах российского общества.

Сетевое общество, система образования, социальное творчество.

NETWORK FORMS OF SOCIAL CREATIVITY IN THE FIELD OF RUSSIAN EDUCATION

W.G. Kovalew, PhD, associate Professor of the Department of design,
State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

The article raises a number of topical issues of modern Russia: that means a network form of organization of life and education for our society as a modern means of communication influence the formation of the network organization of our society, that this network form of organization of this society means to ensure the basic functions of society - education, cultural, economic, security, and others., what is the interaction network of civil society and the power vertical of state structures, what is the significance of social creativity of civil society in the field of education, what is the potential of social networking communications for innovation in various spheres of Russian society.

Network society, the education system, social creativity.

При первоначальном ознакомлении с темой сетевого общества сразу можно отметить несколько атрибутов этого феномена и связанных с ним свойств. Необходимо отметить, что сетевая организация рассматриваемого образовательного процесса является прежде всего выражением социального творчества гражданского общества, самостоятельных инициатив отдельных индивидов, групп и объединений граждан.

Социальное творчество является прерогативой гражданского общества. Этим определяется его место и значение в развитии и модернизации нашего общества. Оно может приобретать различные формы (сетевого общества, социальных движений разных уровней

и видов, отдельных мероприятий и акций и т.д.), но всегда его результатом является обновление общественных институтов. Как динамичный компонент общественной структуры социальное творчество гражданского общества находится в извечном противоречии со сложившимися социальными институтами и государственными структурами, в частности. Это противоречие может иметь разные градации – от бескомпромиссного противостояния до мирного сосуществования – но всегда они являются взаимодополнительными сторонами общества. Социальное творчество есть процессуальная сторона, являющаяся атрибутом гражданского общества, а сложившиеся институты – это константная структурная субстантная основа его, выражающаяся прежде всего в его бюрократических структурах. Сверхзадачей социального творчества гражданского общества является социальное изменение российского общества; этим определяется его роль и функция в обществе.

Сетевые формы, которые принимают все чаще инициативы гражданского общества, являются проявлением всеобщего тренда, свойственного всем сторонам общественного организма – бизнесу, государственному управлению, СМИ, образованию, культуре и т.д. В сфере бизнеса, например, благодаря появлению сетей одновременно с возникновением клубов по интересам и «... институтом коллективной потребительской экспертизы, по сути, впервые в истории возникает полноценная система обратной связи между потребителем и производителем. Традиционно рынки довольствуются обратной связью, работающей через статистику продаж. Однако касса показывает лишь то, сколько люди заплатили, но не фактическое удовлетворение» [1, с.44]. Характеристика сетевой организации социального творчества гражданского общества в сфере образования, в том числе, свидетельствует о важнейшей функции – служить в качестве механизма обратной связи, сигнализирующей как исполнителям, так и управляющему звену образовательного процесса об успешности, ходе протекания процесса, условиях, способах и других его аспектах. Эта обратная информация передается через механизм сетевых форм (клубов, блогов, форумов и т.д.) для корректировки процесса, адаптации хода его протекания к наличным условиям и улучшению результатов и поэтому является необходимым условием полноценного образовательного процесса.

Поэтому сетевое общество, по определению, является неформальным объединением, т.е. «третьим сектором» или обществом гражданским, хотя и может включать в себя (и безусловно, включает) все другие сферы общественной жизни – экономическую, культурную, политическую и т.д. Как общество гражданское оно характеризуется креативным, инициативным, новаторским характером, имея, по существу, **характер и природу социального творчества.**

Другим важнейшим атрибутом сетевого общества является его **языковая природа**; он является эпифеноменом таких современных средств массовых коммуникаций как интернет. Интернет стал ключевым, хотя далеко не единственным средством формирования сетей. Существуют также экспертные сети, сетевая организация производственной деятельности внутри корпораций и сетевые бизнес-проекты (Google, Ebay, Yahoo, электронные биржи), сетевой маркетинг, он-лайн конференции и т.д. Интернет породил новый тип "социальных сетей", которые смогли придать черты устойчивой коммуникации поистине эфемерным, случайным человеческим контактам – форумам, Интернет-конференциям, блогам и т.д. Интернет по праву называют "сетью сетей". Однако важно не терять из виду инфраструктурный, технический характер Интернета. Это - кабельная (или беспроводная) компьютерная сеть, подобная телефонным сетям, сетям дорог или воздушных сообщений. Интернет-сообщества, которые образуются в его пространстве, не являются Интернетом - это общества людей, использующих Интернет.

Интернет как современное средство коммуникаций является техническим или материальным выражением языка, который играет в жизни общества исключительную роль. Подобно тому, как возникновение человека обоснованно связывают с возникновением человеческого общества (человек вне общества ныне кажется абсурдным явлением), а общество - со становлением речи, так же и нынешний бум средств коммуникаций аналогично можно считать одним из проявлений возникновения нового общества или общества нового типа. Эта аналогия, почему-то не замечаемая всеми, позволяет подчеркнуть роль новых средств коммуникаций в возникновении нового общества, отличающегося от прежнего. Здесь, правда, надо уточнить содержание языка, сыгравшего для юного человеческого общества роль катализатора роста, и новых средств коммуникаций, стимулирующих становление новой экономики и культурного пространства. Иначе говоря, что такое язык для становления человеческого общества и что такое новые средства коммуникаций – для нового общества? Этот уточняющий вопрос может стать предметом исследований для социологии и социальной лингвистики, мы не будем на нем концентрироваться. Согласимся с тем, что в общем виде это обмен производственной, бытовой, образовательно–воспитательной, руководящей и направляющей, организующей, прогнозирующей, исследовательской и т.п. информацией с использованием определенной системы знаков, представленных в аудиоформе и в виде жестов (а впоследствии в письменном виде), в разных видах жизнедеятельности общества между его членами с целью обеспечения его защиты, развития, воспроизводства и других его функций.

Важным аспектом вопроса о роли современных средств коммуникаций в становлении сетевого общества является рассмотрение влияния языка (и СМИ) на социальную структуру и процессы. Традиционно в социолингвистике и социологии ограничиваются постановкой вопроса только о влиянии социума на язык, тогда как для нашей темы интересным является как раз обратное влияние – языка на общество.

Предварительно мы можем отметить только несколько бросающихся в глаза характеристик новых СМИ, обуславливающих некоторые параметры складывающейся новой социальной общности: скоротечность и мобильность, индивидуализированность ячеек сети, отсутствие географических, языковых, социальных и др. границ, инвариантность сегментов сетей и возможность их непрерывного расширения посредством клонирования, виртуализированная форма, способность к конвертации информационных сообщений в любую другую материальную форму. Последняя особенность является выражением синкретичности форм социальных фактов и событий, их связанности друг с другом и возможности их конвертации друг в друга: например, финансовые характеристики с легкостью могут принимать информационное выражение и наоборот, искусство переходит в цифровой формат и даже самый индивид становится сообщением. Отсюда, любые новые социальные возможности автоматически становятся одновременно возможностями и социальных сетей.

В качестве таковой одной из характерных особенностей современной социальной действительности отметим нарастание ресурсных возможностей индивида, сопровождающее вообще усиление обособления индивидов в современном обществе. Индивидуализация имеет в качестве одного из своих существенных и отличительных свойств усиление ресурсных возможностей отдельных индивидов в современном обществе – можно так иначе выразить ту же самую мысль. Появляются ресурсы для обратного воздействия отдельных индивидов на социальные процессы, включая и экономическое производство, производство культурных ценностей, создание политических реальностей и вообще любые сферы общественного воспроизводства. Как отмечает А. Долгин, «...народные массы, осознавшие, что куда интересней творить самим, чем внимать произведениям других, пусть даже более искусных мастеров. Промышленность поддержала этот выгодный для нее тренд, нивелируя

различия в квалификации: электронный звук позволил непрофессионалам сочинять музыку, компьютерная графика приобщила их к дизайну, блогосфера каждого второго сделала писателем, а цифровая камера – фото- и кинохроникером, если не режиссером. Тотальный переход от лицемерия к самодеятельному творчеству не обходится без последствий, которые не могут не огорчать тех, кто ценил старые порядки. Но это не повод не замечать главного достижения. Как мы уже говорили и еще не раз повторим, новая экономика производит язык, знаковую систему, которые необходимы для высококачественных коммуникаций, последние же являются главной предпосылкой счастья» [1, с.25].

Об этом, в частности, писал Э. Тоффлер. Децентрализация производства и самообеспечение, деурбанизация, изменения в поведении и мышлении, трансформация существующих политических режимов – все это в значительной степени связано с новыми высокоэффективными технологиями получения энергии и новыми технологиями получения потребительских товаров. Разнообразие этих технологий и доступность для индивидуального пользователя, **интерактивность общественных процессов** сделают возможным обозначенную децентрализацию современной урбанизированной цивилизации и перенесения в центр жизни отдельного дома. Как отмечает Э.Тоффлер: «Я думаю, что в цивилизации Третьей волны дом приобретет неожиданно важное значение. Рост самообеспечения, распространение «электронных коттеджей», появление новых организационных структур в бизнесе, автоматизация и демассификация производства – все это указывает на то, что дом станет центральной единицей будущего – единицей, выполняющей определенные экономические, медицинские, образовательные и социальные функции. Однако маловероятно, что какой-либо общественный институт – даже дом – начнет играть центральную роль в жизни общества – роль, какую в прошлом играли церковь или предприятие. Потому что это общество скорее будет построено по типу сети, а не по типу иерархии институтов» [2, с.73]. Заметим, что именно децентрализация и возвращение роли дома как раз и обуславливает сетевую организацию общества в будущем, являясь одной из её предпосылок.

Другим свойством сетей, помимо отмеченной выше его языковой природы, является способность сетей к созданию специализированных социальных структур и процессов. Можно выразить ту же мысль иначе: **сетевое сообщество принадлежит к одной из современных разновидностей социальной специализации и дифференциации**. Феномен сетевого сообщества поэтому принадлежит к сфере общественного разделения труда, являясь одним из его проявлений. Поэтому важно понять объективные и субъективные предпосылки этого феномена, лежащие в основе его возникновения. Объективно складывается взаимосвязь отдельных звеньев единого целостного процесса воспроизводства всего социума – как с его производственной стороны (сельского, промышленного и др. хозяйства), так и во всех его других аспектах. Все отдельные звенья имеют друг с другом взаимообмен и взаимосвязь: веществ, материалов, энергии, информации, потенциалов, объективных потребностей в их развитии или отсутствия таковых. Под объективной потребностью имеется в виду сложившийся в определенных звеньях инфраструктуры дефицит определенных продуктов, ресурсов, информации и т.п. Вся эта инфраструктура существует объективно и независимо от активного действующего субъекта.

Будучи одной из современных разновидностей средств коммуникаций и самой коммуникацией, сетевое сообщество осуществляет обмен информацией между звеньями складывающейся структуры определенной специализирующейся на решении определенной общественной проблеме социальной общности. Таковой проблемой, рассматриваемой в данной статье, является разорванность систем образования, порождённая политическими процессами распада некогда единого образовательного пространства СССР, дифференциация

культур (и систем образования, соответственно), неравномерность развития систем образования в разных постсоветских государствах вследствие отдалённости и независимости этих государств. Внутри каждой из систем образования той или иной страны возникает множество вопросов, связанных с современными процессами преобразований – переход на Болонскую систему образования, введение ЕГЭ, коммерциализация образования и т.д. и т.п. Эти проблемы характеризуются набором качеств: большой скоростью их возникновения и изменения, географической отдалённостью их появления друг относительно друга, различным содержанием этих возникающих вопросов (они возникают на разных уровнях, в различных формах и разновидностях, не имеющих между собой ничего общего или имеющих мало); иногда они настолько различны и нестандартны при этом, что каких-либо аналогичных процедур для их рассмотрения и решения попросту не существует, часто они имеют глобальный характер и свойственны многим, задающим эти вопросы, например, они связаны с процессами экологическими, которые волнуют многих, с процессами экономического кризиса, охватившего все регионы и являющегося актуальным вопросом для многих систем образования и многих людей, вопросы национальной самоидентификации и самоопределения, возникающие в условиях политической и государственной самостоятельности, и т.д. Как отмечает Бондаренко С.Ф., «Социальная общность киберпространства является формой общественной жизни людей, впервые в истории человечества носящей глобальный, наднациональный, надклассовый и надполитический характер. При этом локальные общности могут иметь национальную специфику, отражать особенности политических режимов своих стран...» [3, с.33].

Социальная деятельность, основанная на доверии, межличностных отношениях, а не на основе административно-командных отношениях и репрессивном управлении, оказывается неизмеримо эффективнее. Об этом свидетельствует множество известных фактов (отрицательный опыт советской плановой системы, китайская модель бизнеса, основанная на семейных родственных связях и т.д.).

Значение этой особенности сетевого общества поистине революционно. Существует, как известно, три типа социальной организации: иерархический, рыночный и сетевой. Каждый из типов социальной организации соответствует трем основным периодам развития общества: иерархический – от первобытного до индустриального, рыночный – индустриальному, сетевой – информационному.

Возникает вопрос: "почему сети?" Почему именно сеть стала той формой социальной организации, которая присуща постиндустриальному обществу? Что в сетях как организационной форме позволило им именно сегодня, а не вчера или завтра, начать экспансию, внедряясь и вытесняя, поглощая и поработая многие другие формы организации?

Уже одно только сорасположение этих периодов друг за другом и сопоставление видов управления совершенно однозначно указывает на совершенно очевидную логику процесса: он начинается с вертикально организованных структур с четко выделенным властным управляющим центром, который сменяется социальной организацией со множеством самоуправляющихся локальных «центров», имеющих ограниченную свою узкую сферу влияния, ограниченную экономическими, в первую очередь, интересами и географическими размерами и т.д., после которого наступает очередь многоголосия и полифонии множества самодостаточных индивидуальных и автаркических микроскопических «центров», которыми стали индивидуальности. При этом сфера влияния этих индивидуальностей обратно пропорционально степени их пространственной величины расширилась до пределов самого универсума, тогда как вертикально интегрированные организации могли действовать только в пределах самих себя (пусть даже при этом они могли занимать географически пределы всего универсума).

Существующие образовательные социальные институции (учреждения, ведомства, министерства и др.), по определению, возникли как вертикально организованные структуры и существуют после своего возникновения как социальные органы, созданные некогда для решения вполне определённых – именно этих и никаких других – вопросов, не настроены на осуществление каких-либо других функций. Они, «по умолчанию», являются специализированным на решении какой-либо одной определённой проблемы и не имеют в своей структуре инструментов, процессуальных механизмов и ресурсов для решения другой. И только сетевые институализированные формы способны обеспечить решение современных нестандартных проблем в образовании.

Литература

1. Долгин, А.Б. Манифест новой экономики / А.Б. Долгин. –М.: АСТ, 2010. – 256 с.
2. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Фирма» Издательство АСТ, 1999. – 784 с.
3. Бондаренко С.В. Социальная система киберпространства как новая социальная общность // Научная мысль Кавказа. Приложение. 2002, № 12 (38). С. 32-39.

УДК 378.096

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ КАФЕДРЫ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ВУЗОМ НА ПРИМЕРЕ КАФЕДРЫ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

У.А. Когтева, специалист по УМР 1 категории,
Т.В. Черняк, магистрант направления подготовки «Менеджмент»,
 Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

В статье рассматривается проблема повышения эффективности работы кафедры с помощью информационных технологий на примере работы кафедры иностранных языков «Технологического университета». Также рассматриваются общие подходы к определению эффективности работы кафедры.

Информационные технологии, управление вузом, кафедра, эффективность образования.

THE APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGY TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF THE DEPARTMENT IN THE GENERAL SYSTEM OF UNIVERSITY MANAGEMENT ON THE EXAMPLE OF THE FOREIGN LANGUAGES DEPARTMENT OF «UNIVERSITY OF TECHNOLOGY»

U.A. Kogteva, teacher and learning specialist,
T.V. Chernyak, graduate student of «Management»,
 State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

The article deals with the problems of the improvement of the Department with the information technologies on the example of the foreign languages Department of «University of Technology». The general approaches to determining of efficiency of the Department are also considered.

Information technologies, university management, department, education efficiency.

В работе современного образовательного учреждения невозможно игнорировать информационные технологии. В противном случае, работа подразделения и ВУЗа в целом, будет неэффективной. Внедрение информационных технологий в образовательный процесс можно понимать не только как использование технологий на занятиях в аудитории или дистанционных, но и применение их в работе подразделения образовательного учреждения, например, кафедры [5]. Важной задачей кафедры как элемента образовательного учреждения является не только организация работы преподавателей-сотрудников кафедры, но и организация обратной связи «преподаватель-студент».

Следует отметить, что сегодня особенно возросла нагрузка на преподавателя, так как помимо традиционной подготовки к занятиям, ему также приходится сталкиваться с запол-

нением разного рода учебных документов [2]. Широкое применение информационных технологий позволит сэкономить драгоценное время преподавателя, сфокусировать его внимание не на поиске необходимых документов, а на образовательном процессе. Преподаватель будет знать, что все необходимое, касающееся его трудовой деятельности, он сможет найти на общем кафедральном ресурсе. Данный ресурс позволяет также облегчить дистанционную работу преподавателя со студентами.

Работа кафедр Технологического университета регулируется Положением о кафедре и другими документами. Эффективность работы кафедры должна исходить из функций, которые она должна выполнять. Среди основных функций кафедры согласно Положению можно выделить:

- учебная работа (сюда входит: проведение лекций, семинаров, практических занятий и других, предусмотренных учебным планом форм занятий; организация самостоятельной работы студентов; составление рабочих программ дисциплин);
- методическая работа (сюда входит: подготовка преподавателями кафедры учебников, учебных пособий, текстов, лекций и других видов учебно-методической литературы; разработка материалов для организации контроля успеваемости студентов; применение инновационных методов и разработок в преподавании дисциплин)
- научная работа (сюда входит: проведение научных конференций и семинаров; участие в различных форумах, конференциях, семинарах)
- повышение квалификации;
- организационная работа с другими организациями.

Эффективность работы кафедры может быть условно разделена на внешнюю и внутреннюю (рис. 1).

Рис.1. Эффективность работы кафедры

Внешняя эффективность	Внутренняя эффективность
взаимодействие с другими учреждениями	количество разработанных и изданных учебно-методических материалов
взаимодействие с другими подразделениями образовательного учреждения	количество изданных научных статей и монографий
организация и проведение международных и общероссийских конференций	организация методических семинаров и взаимопосещение преподавателями кафедры
организация информации на стендах кафедры и сайте	использование информационных технологий на занятиях

В свою очередь, внутреннюю эффективность можно раскрыть в таблице 1[3].

Таблица 1.

Показатели эффективности работы кафедры

Направление деятельности кафедры	Показатели объема выполненных работ	Показатели результативности выполненных работ
Учебно-методическая работа	1. Издание учебников 2. Издание учебных пособий	1. Количество учебников и учебных пособий с грифом Министерства Образования

	<ul style="list-style-type: none"> 3. Издание методических материалов 4. Объем и выполнение учебной нагрузки 	<ul style="list-style-type: none"> 2. Обеспеченность УМК учебных дисциплин, закрепленных за кафедрой 3. Своевременность заполнения индивидуального плана и электронного журнала.
<p>Научная работа</p>	<ul style="list-style-type: none"> 1. Издание монографий 2. Публикация статей в научных журналах 3. Проведение Всероссийских и международных конференций 4. Выпуск сборника научных статей 5. Объем НИР 	<ul style="list-style-type: none"> 1. Количество статей, опубликованных в журналах и сборниках, индексируемых в РИНЦ 2. Количество статей, опубликованных в журналах, рецензируемых ВАК 3. Количество статей, опубликованных в журналах и сборниках, индексируемых в зарубежных индексах (Scopus, WebofScience и др.) 4. Количество конференций 5. Количество выпущенных за год сборников 6. Количество патентов, грантов и НИРов 7. Количество аспирантов, докторантов и соискателей.

Но необходимо понимать, что эффективность некоторых показателей может проявляться в течение длительного времени.

Для повышения эффективности по каждому направлению работы кафедры необходимо применение различных информационных технологий [1]. Применение информационных технологий может проводиться в трех основных направлениях (рис. 2).

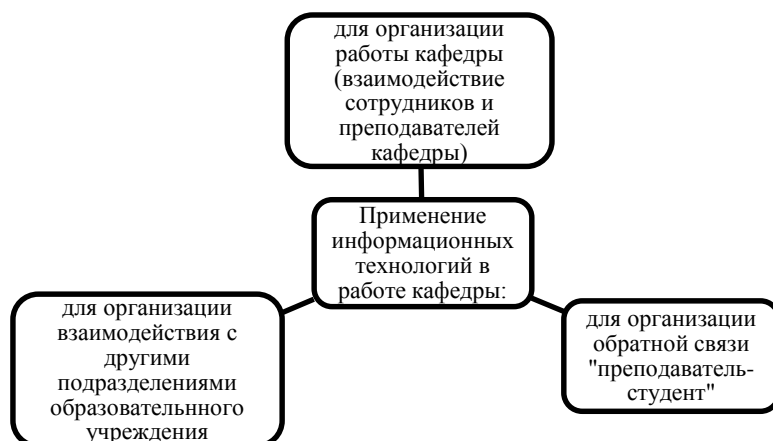

Рисунок 2. Применение ИТ в работе кафедры

Очень важно в работе кафедры грамотно и эффективно организовать работу преподавателей и сотрудников и их взаимодействие между собой [1]. Для этого служат такие средства, как:

1. Корпоративная почта (outlook.com) – удобна для групповой рассылки документов.
2. Облачные хранилища данных - удобны для быстрого доступа и одновременной работы нескольких пользователей.
3. Google Документы – сервис, где возможна одновременная работа над текстовым документом нескольких пользователей.

Для эффективного взаимодействия между различными отделами внутри одного образовательного учреждения также необходимо использование технических средств, например, таких как:

1. Корпоративная почта (outlook.com)
2. Электронный документооборот
3. Система учета и распределения нагрузки «СПРУТ» - автоматизирует процесс распределения нагрузки, позволяет одновременно работать нескольким пользователям из разных отделов.
4. Образовательный портал – электронная система, позволяющая не только вести электронный журнал преподавателю, но также контролировать учет выполнения учебной нагрузки. Также удобен для взаимодействия со всеми сотрудниками и студентами через систему сообщений.

Для организации обратной связи «преподаватель-студент» можно использовать следующие технические средства:

1. Электронная почта
2. Социальные сети (официальный аккаунт кафедры или преподавателя)
3. Образовательный портал.
4. Системы дистанционного взаимодействия – Skype, видео-конференция и другое.

Образовательный портал Университета имитирует принцип работы социальной сети, где есть страница-аккаунт, облачное хранилище данных, электронный журнал, индивидуальный план преподавателя и студента и многое другое. В настоящий момент появилась функция «ВКР», которая позволяет студенту и научному руководителю работать ди-

станционно, а также делает процесс написания и защиты выпускной квалификационной работы открытым и прозрачным, сводя к минимуму возможность обойти систему антиплагиат или «защитить» несуществующий диплом.

Развивая идею образовательного портала, как инструмента дистанционного обучения, можно предположить создание таких укрупненных разделов, как «образовательный курс» или «учебный кабинет». К таким «курсам» или «кабинетам» могли бы быть прикреплены определенные преподаватели и группы студентов. Через «кабинет» («курс») студенты могли бы получать от преподавателя «домашние задания» и отправлять готовые задания на проверку. Если добавить в «кабинет» некоторые возможности интерактивных форм (таких, например, как у Google), то могла бы быть реализована возможность добавлять в «кабинет» тестов и контрольных заданий, опросов и презентаций. Доступ к portalу только зарегистрированных пользователей исключает утечку информации, что позволяет выкладывать здесь учебные и другие авторские материалы.

Среди минусов таких «кабинетов» можно выделить недостаточную оснащенность кабинетов необходимой техникой с доступом к Интернету, а также снижение мотивации студентов к посещению классических практических занятий. В связи с последним, данная система, рекомендуется к реализации в заочном и дистанционном обучении.

Корпоративная почта сотрудников Технологического университета представляет собой пакет Office365, предоставленный компанией Microsoft. Помимо непосредственно почты outlook, Office365 позволяет использовать в работе кафедры множество полезных функций, повышающих эффективность ее работы. Конечно же, главным преимуществом такой почты является ее доступность на всех возможных устройствах и возможность удаленной работы и быстрого взаимодействия между сотрудниками кафедры и вуза в целом. Непосредственно в почте есть возможность создания "группы", которая объединяет нескольких пользователей. Например, у кафедры иностранных языков есть своя группа в Outlook, "Кафедра иностранных языков", которая включает в себя всех сотрудников кафедры. В группе есть функция "календарь", позволяющая добавлять мероприятия, которые автоматически добавляются в календарь участников группы. Данная функция позволяет назначать заседания кафедры, методические семинары, конференции и другие кафедральные мероприятия. Помимо этого, в группе есть возможность добавления и хранения документов, которые всегда доступны на странице группы и не затеряются во входящих сообщениях. Группу можно сделать закрытой, что убережет файлы, загруженные на страницу группы от несанкционированного скачивания.

Также в Office365 реализованы такие сервисы, как Yammer (корпоративная сеть с возможностью чата), Delve (сервис позволяет работать с документами в облаке и смотреть, над какими документами работают коллеги), Sway (создание интерактивных презентация), Word, Excel и PowerPointonline, а также некоторые другие. Все эти сервисы, при их грамотном использовании позволяют облегчить процесс обмена данными между сотрудниками кафедры, их взаимодействие, сократить количество бумажной работы.

Важную роль в организации информации на стенде и сайте является ее визуальная составляющая. Информация не просто должна вывешиваться на стенд или сайт, она должна быть запоминающейся и органично организованной. Для этого могут использоваться разные технологии. Например, на кафедре иностранных языков, при размещении информации на сайт используются Sway и Googleпрезентации. Sway позволяет красочно и лаконично представить информацию, используя изображения и эффекты анимации. При этом данные презентации распространяются простой ссылкой и не требуют специального оборудования для просмотра, достаточно иметь доступ к интернету, и презентация будет доступна, как на компьютере или планшете, так и на обычном смартфоне.

В организации работы с учебными материалами, а также с рабочей документацией можно выделить использование облачных сервисов, а также прикладного пакета Microsoft-Office в режиме онлайн. Данные сервисы помогают эффективно организовать время преподавателя, выступая в роли единого хранилища данных, причем текстовые документы или презентации можно не скачивать на компьютер, а работать в режиме онлайн в Microsoft-Office, который позволяет работать одновременно сразу нескольким пользователям. Каждый преподаватель или сотрудник, находясь за компьютером или планшетом, может видеть в режиме онлайн выделенные фрагменты текста, с которыми в данный момент работают, при этом в целях экономии своего времени одновременно может проводиться онлайн-конференция в Skype для внесения корректив, а также для дискуссий. Следует отметить, что данные сервисы особенно облегчают работу над коллективными монографиями, а также над другими научными статьями. Единственным минусом, которым обладают все облачные сервисы, является безопасность данных [8]. К сожалению, на сегодняшний день большинство утечек информации происходит именно в данных сервисах. Вопрос защиты данных пользователей остается открытым.

Существует множество инструментов, повышающих эффективность работы кафедры вуза, но самым главным условием применения этих средств все же является мотивация сотрудников [6]. Мало купить оборудование, надо научить работников им пользоваться. Безусловно, поначалу необходимость применения информационных средств в работе, пугает работников старшего возраста, традиционно медленно принимающих технические новинки, но упорный труд по мотивации и обучению сотрудников в итоге приводит к активному использованию информационных новинок в работе. В этом вопросе ни в коем случае, на наш взгляд, нельзя принуждать сотрудников. Принуждение вызовет еще больший страх перед инновациями. Необходимо наглядно показать, как эти инструменты позволяют высвободить время от бумажной работы и усовершенствовать рабочий процесс в целом. Качество (осознание и принятие сотрудником новых средств работы) в данном случае гораздо важнее скорости внедрения информационных технологий в процесс работы.

С точки зрения организации работы с информацией сотрудников кафедры (специалистов по учебно-методической работе) все перечисленные технические средства позволяют повысить уровень многозадачности и увеличить объемы выполненных заданий, снизить процент ошибок, достигнуть упорядоченности (среди документов), снизить процент дублирования данных (печатный и электронный вид).

Литература

1. Когтева У. А., Когтев П. А. Электронный документооборот в вузе, как один из инструментов инноватизации процесса управления в образовательном учреждении. Инновационные технологии в современном образовании. Сборник трудов по материалам II Международной научно-практической Интернет-конференции 19 декабря 2014 г. Королёв МО: Изд-во "Алькор Паблшерз", ФТА, 2015, с.170-174.
2. Когтева У. А., Черняк Т. В. Подходы к оценке эффективности деятельности современного российского вуза в организационно-управленческом аспекте // Развитие современной цивилизации: ответы на вызовы времени: сборник трудов по материалам международной научно-практической конференции 25 ноября 2015 года, г.о. Королёв, "МГОТУ" / Под общ.научн. ред. Смирнова В. А. - М.: "Научный консультант", 2016 - с.143-151.

3. Попов Ю.В., Садовников В.И., Подлеснов В.Н., Андросюк Е.Р., Кучеров В.Г. Анализ эффективности отдельных видов работы кафедр и факультетов с использованием рейтинговых оценок // Актуальные вопросы профессионального образования. 2006. № 8. С. 57-58.
4. Черняк Т. В. Инновационный потенциал высшего образовательного учреждения как фактор эффективного функционирования ВОУ. В сборнике: Ресурсам области - эффективное использование XV Ежегодная научная конференция студентов Финансово-технологической академии: Сборник материалов. 2015. С. 298-305.
5. Черняк Т. В. Применение системного подхода к разработке и реализации стратегии инновационного потенциала высшего образовательного учреждения // Современные проблемы и вызовы региональной экономики. Сборник научных статей по материалам участников Всероссийской научно-практической конференции. Дата проведения: 25 января 2016 года, г. о. Королёв, «МГОТУ». – М.: «Научный консультант», 2016 г. – с.261-267.
6. Andrea Bonaccorsi, Tindaro Cicero. Nondeterministic ranking of university departments // Journal of Informetrics 10 (2016) 224-237.
7. Kogteva U. A., Chernyak T. V. Approaches to efficiency evaluation of activity of modern-Russian university in the aspect`s organizational and managerial // Инновационные и приоритетные направления в преподавании гуманитарных дисциплин в техническом вузе: Сборник трудов по материалам III Международной научно-практической конференции 21 апреля 2016 г. - [б. м.]: Издательские решения, 2016. - с.245-254.
8. Reza Mohammadi, FakhtehEshaghi, MahbobehArefi. Internal Evaluation: Appropriate Strategic for Quality Evaluation and Improvement of Management in Departments at Universities (The Case of Iran) // Procedia – Social and Behavioral Science 69 (2012) 719-728.

УДК 378

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Т.И. Красикова, к. филол. наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

В статье рассматривается проблема изучения иностранных языков как одна из основных задач всего общества, родителей, вузов, правительства. Иностранные языки в эпоху глобализации – это преодоление языковых и культурных барьеров. Обучение другим иностранным языкам должно ориентированными на практику преподавания исследованиями, созданием интересных и эффективных средств и методов обучения, качеством подготовки и повышения квалификации педагогических кадров. Должна быть создана и развиваться методика преподавания многоязычия.

Многоязычие, единое образовательное пространство, равноправие и равноценность языков и культур, мотивация, коммуникативная направленность.

TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN AREA OF GLOBALIZATION

T.I. Krasikova, PhD (Philology), professor,
State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology»
(«UNITECH»), Korolev, Moscow Region

The article focuses on the idea that learning foreign languages is bound to promote the creation of a single European educational space. Teaching foreign languages must be accompanied by practice-oriented research, the creation of modern and effective teaching methods, more efficient training of teachers. Teaching foreign languages should encourage students to learn more foreign languages and prepare them for life-long education. Great emphasis is to be placed on the idea of the equality and the equivalence of all languages and cultures.

Life-long education, a single educational space, multilingualism, motivation, communicative direction.

Переход Российской Федерации на разноуровневую систему высшего профессионального образования в современных социально-экономических условиях предполагает разработку новых подходов к определению содержания языкового образования во всех сферах профессиональной подготовки студентов. Одной из главных задач при обучении иностранным языкам является формирование у бакалавров и магистрантов – будущих социологов, психологов, менеджеров, экономистов, финансистов межкультурной коммуникативной компетенции для успешного участия в «businessstalk» в различных ситуациях.

Согласно требованиям Болонского процесса, обучение студентов нескольким иностранным языкам повышает мобильность студентов, качественно изменяет сотрудничество между вузами мира и способствует созданию мирового европейского образовательного пространства. Это требование диктует время. Отказ от изучения иностранных языков означает полный провал в культурном плане. Обеспечение обучения многоязычию – основная

задача родителей, школы, вузов, всего общества: с одной стороны, с другой стороны – долг правительства, а также всех национальных и международных организаций.

Данная тема остаётся актуальной во все времена. В связи с этим встаёт ряд вопросов, как изменяется или должно измениться преподавание иностранных языков? Какие новые требования должны предъявляться к обучающим иностранному языку? В каком направлении должны идти дидактические исследования в области методики преподавания иностранных языков? Появляются ли новые требования к учебному материалу в широком смысле этого слова? Как должна строиться подготовка молодых специалистов по иностранным языкам?

Известно, что в так называемую эпоху глобализации, основным иностранным языком в области международной коммуникации, экономики, бизнеса, туризма являлся английский язык. Но не следует в этом видеть определённую угрозу. История показывает, что в другие времена, например, в VIII–XX вв. доминирующим языком был французский. Однако, надо помнить, что родной язык также является одним из языков, которым надо владеть с достойным отличием. Поэтому следует особое внимание уделять обучению родному языку – русскому. На это надо обращать серьёзное внимание ещё в школе, поскольку достаточной грамотностью выпускники школ не обладают. Вызывает озабоченность недостаточная грамотность студентов лингвистического профиля. Хотелось бы отметить, что безграмотностью сегодня страдают представители деловых и политических структур, а также средства массовой информации. Назрела необходимость поднять престиж русского языка, русской культуры и истории.

Для эффективного межкультурного делового общения необходимы знания особенностей стилей, поэтому был произведён анализ целого ряда исследований, как отечественной школы (Е.Н. Зарецкая, А. Вежбицкая, И.А. Стернин, М. Берман), так и зарубежных специалистов в области межкультурной коммуникации (Лэйни, Бабер, Гестеланд). Хотелось бы отметить, что данному аспекту коммуникации уделяется большое внимание, поскольку специфика установления контактов разных культур представляет собой одним из самых важных проявлений добра и справедливости в обществе.

Существует мнение, которое преподаватели иностранных языков затрагивали в своих докладах на конференциях, публикациях, что обучение иностранным языкам надо начинать не только с английского языка. Появляется мотивация для изучения английского языка, она выше по отношению к изучению других языков. Это относится к рекламе, той молодёжной культуре, которая присутствует в настоящем тысячелетии, поэтому изучение английского языка после любого другого языка всё равно дало бы хорошие результаты. Многие придерживаются мнения, что у других языков более сложная морфологическая и синтаксическая структура.

В процессе изучения иностранного языка происходит личностное и профессиональное развитие индивидуума благодаря формированию умений информационной деятельности специалиста, что в принципе является основой профессионального развития в течение всей жизни, а также своего участия в совместной профессиональной деятельности с иноязычными партнёрами, своего усложнения образа мира вследствие усвоения нового образа мира и развитию общей культуры мыслительной деятельности.

Широта информации, которая появляется каждый день по всем отраслям, растёт стремительно. Проблема доступа ко всем источникам знаний и информации решается через использование компьютерных технологий. При этом, степень информированности специалиста тесно связана с тем, насколько грамотно он может работать с иностранным текстом, содержащим необходимую информацию.

Прежде всего, надо обратить внимание на то, что с точки зрения психолингвистики «информационная деятельность» формируется через когнитивный и коммуникативный аспекты на иностранном языке.

Профессиональная коммуникативная компетенция является частью межкультурной коммуникативной компетенции, сопряжена с профессиональной деятельностью будущих специалистов в той или иной области, а её формирование должно начинаться с начального этапа, который в условиях многоязычия, имеет ряд специфических особенностей [4].

Изучение нового иностранного языка также может стать мотивацией для студентов, поскольку начиная с «нуля» можно прийти к хорошим результатам. На кафедре иностранных языков помимо английского языка изучают французский и немецкий языки. За счёт курсов, которые функционируют на кафедре иностранных языков, можно расширить знания в овладении другими языками. Из практики кафедры можно привести примеры, когда изучающие английский язык в качестве первого, достигают больших результатов по второму языку, и своё предпочтение отдают именно второму языку. Следует обратить внимание на тот факт, что, закончив наш вуз с двумя языками, достигнув в работе лучших результатов, предпочтение в работе отдали именно второму языку. Хотелось бы, чтобы наши выпускники изучали два и более иностранных языка. Потребность в этом возрастает и это подтверждает актуальность подготовки «многоязычных» специалистов.

Обучение другим иностранным языкам должно стимулироваться не принятием специальных законов, а интенсивными, ориентированными на практику преподавания исследованиями, созданием интересных и эффективных средств и методов обучения, качеством подготовки и повышения квалификации педагогических кадров. Должна быть создана и развиваться методика преподавания многоязычия.

Обучение любому иностранному языку должно строиться таким образом, чтобы оно вызывало у обучающихся потребность изучать другие языки и готовило его к непрерывному обучению. Имеются в виду не только такие европейские языки, как английский, немецкий, французский или испанский, но и другие языки стран мира. Это предполагает равноправие и равноценность языков и культур.

Исследования, посвященные проблемам изучения второго языка, приводило к выводам, что многоязычие трудно достижимо или даже вредно. Это находило своё отражение в языковой политике министерства образования и учебных планах университетов и институтов. В последние десятилетия дали положительные результаты со стороны изучения нескольких языков и постепенно отношение к этому поменялось на разных уровнях.

Для преодоления языковых и культурных барьеров, необходимы такие компетентности как: сравнительное восприятие собственного Я и Чужого. Преодоление различий в менталитете, способность и желание в межкультурной коммуникации, восприятие других и чужих норм и ценностей как один из путей познания своей собственной и межкультурной идентичности. Сама идея не является новой. Инновация состоит в том, как это осуществить в процессе обучения иностранным языкам. Возникает целый ряд вопросов, которые необходимо решить.

На основе каких критериев определяется выбор и предложение для изучения группы языков? Каков оптимальный количественный и качественный набор языков, который может быть предложен студентам в определённых временных границах? Как преодолеть в сознании студентов стереотип престижности-непрестижности языков? Должны ли быть одинаковыми требования к конечным результатам обучения языков? Как достичь в этом вопросе консенсуса? Какие должны быть учебные планы и учебники для изучения второго и

дальнейших языков, которые учитывали бы знания обучающихся предыдущих иностранных языков и опыт их изучения? Как мог бы учебник по любому иностранному языку стимулировать обучающихся к изучению других языков?

При составлении нового поколения программ следует учитывать не только требования стандартов и других регламентирующих документов, но и набор языков. Хотелось бы отметить, что набор языков и престижность языков не менее важны, чем мотивация [1]. Знания различных языков и опыт работы с литературой на разных языках очень востребованы при чтении специальной литературы по экономическим и техническим направлениям. Чтение литературы на иностранных языках создаёт опыт работы со специальной литературой и особенностями формирования и овладения научным стилем. В отдельных научных социумах присутствуют свои традиционные подходы изложения отдельных проблем и формирования научного стиля. Специалист со знанием ряда иностранных языков имеет возможность использовать оригинальные тексты и непосредственно извлекать полезную информацию для научного прогресса и модернизации нашей экономики.

Задачей обучающихся вторым и последующим языкам является поддержание интеллектуального интереса и желание дальнейших «путешествий» и открытий при изучении новых языков. Очень важно в учебном процессе и при создании учебных материалов контрастивная составляющая в социально-культурном плане. Следует обратить внимание, что к моменту изучения вторых языков, у студентов вузов в силу их возрастных особенностей изменились их интересы, поэтому для мотивации необходима новая содержательная и тематическая сторона.

Акцент должен быть сделан на тематической прогрессии, на привлечении текстов и других материалов, пробуждающих интеллект. Предпочтение должно отдаваться аутентичному материалу с преобладанием страноведческого материала; контрастивный подход, опирающийся на родной или первоначально изученный иностранный язык и реалии родного языка, культуры стран изучаемых языков, коммуникативная направленность в обучении устной и письменной речи [2].

Владение несколькими иностранными языками позволит точнее и оперативнее расширить информацию о научных достижениях, которая предоставлена в научной периодике, в научных докладах, монографиях, чем это позволяет переводная литература [3].

Болонский процесс способствует «мобильности» студентов и получению двойных дипломов. В этой связи важно знать, что необходимы усилия на государственном уровне для претворения в жизнь решений Болонского процесса. Насколько разумно и эффективно они будут претворяться в жизнь, не в последнюю очередь зависит от степени автономности вуза.

Литература

1. Красикова Т.И. Иностранный язык в неязыковом вузе на постдипломном этапе обучения / Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции // Издательство: Финансово-технологическая академия (Королев) – 2013. – с. 268 – 270.
2. Красикова Т.И. Приоритетные направления в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе / Современные образовательные технологии, используемые в очном, заочном и дополнительном образовании. Сборник трудов по материалам Международной научно-практической Интернет-конференции. 2013. С. 197–200.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Роль языка в познании мира / Рос. академ. наук. Институт языкознания // М.: Языки славянской культуры. –2004.

4. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка. Департамент по языковой политике, Страсбург // М.: МГЛУ. – 2005.

УДК 021.13

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВОЗЗРЕНИЙ ЗАРУБЕЖНЫХ БИБЛИОТЕКОВЕДОВ В ТЕОРИИ БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ

П.С. Романов, д. пед. н., профессор кафедры иностранных языков, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

Состояние американского библиотековедения и библиотечного дела постоянно находится в поле зрения российских учёных и даже политиков. Автор статьи рассматривает США как флагмана западного библиотековедения, поэтому внимание в статье уделяет преимущественно состоянию библиотековедения именно здесь. Из всего спектра общебиблиотековедческих проблем автор останавливает своё внимание на главных: определении статуса библиотековедения как научной дисциплины; использовании идей индийского библиотековеда Шиаля Р. Ранганатана; пессимистическом взгляде на библиотековедение как науку; концепции связи философии и библиотековедения; социально-эпистемологического представления библиотековедения. Автором избраны те направления, которые представляют наибольший интерес для российского библиотековедения, поскольку именно они обсуждаются здесь наиболее заинтересованно и видятся иначе, чем за океаном.

Библиотековедение США и Канады; предмет, объект и статус научной дисциплины; междисциплинарные связи библиотековедения

THE EVOLUTION OF RESEARCH VIEWS ON LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE ABROAD

P.S. Romanov, doctor of pedagogical Sciences, Professor of Department of foreign languages,
State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

The state of the American library science and library science is constantly in the view of Russian scientists and even politicians. Russian librarian- researcher Peter S. Romanov continues the tradition of soviet researches investigating the western librarianship. The most important library problems the author stops his attention are the status of library science as a scientific discipline; using the ideas of Indian librarian Shialy R. Ranganathan; pessimistic view on the future of modern library science; the concept of the relationship between philosophy and library science; social-epistemological view of library science; the evolution of ideas on subject and object of library science.

Library and information science; the status of library science; pessimistic view; subject and object of library science.

Вследствие развития электронно-цифровых технологий в обществе и их массового использования нарастает столкновение интересов читателей библиотеки (в аспекте получения свободного доступа к информации) и собственников такой информации. Внутренние

факторы, приводящие к шаткости положения библиотеки в современном обществе как социального института, - это нерешенный вопрос со статусом библиотековедения как научной дисциплины, незавершенность определения объекта и предмета библиотековедения в зарубежной науке, положение библиотековедения в ряду других научных и учебных дисциплин. В обществе появляются взгляды на библиотеку как на анахронизм, потерявший свое значение в развитом рыночном информационном обществе, как на хранилище книг и электронной информации. Эти настроения и взгляды усугубляются дисфункцией чтения в обществе. В таких установившихся неблагоприятных условиях для библиотеки важное значение приобретает вопрос теории библиотечного дела [1; 2].

В каждой научной дисциплине есть имена, к творчеству которых современным исследователям приходится постоянно обращаться в целях сверки полученных результатов с эталонами суждений или как сейчас модно говорить бенчмаркинг (англ. – benchmarking). К числу таких имен в англоязычной библиотековедческой среде, безусловно, относится Джесс Хоук Шира (J.H. Shera). В данном пособии мы еще не раз обратимся к его научному наследию. В своей работе, посвященной эпистемологическому подходу в библиотековедении, Шира (Shera) выделил три существенных признака любой профессиональной деятельности (в том числе и библиотечного дела): знание того, что именно представляет собой данная профессия; знание того, к какому типу рабочей деятельности относится данная профессия; знание того, что именно отличает данную профессию от других. Он утверждал, что в каждой профессии есть как минимум один существенный элемент, который является характерным только для данного типа профессии и отличает его от других. К сожалению, в своей работе он не разъяснил, какой именно элемент в библиотековедении он считает существенным [19].

Профессор университета Южной Калифорнии (США) Деннис Ирвин Вандерверф (D.J. Vanderverff) считает, что академические дисциплины и другие профессии имеют много общего в смысле своей институционализации [23]. В первую очередь Вандерверф (Vanderverff) имел в виду, что все университеты подразделяются на факультеты, а факультеты в своей профессиональной деятельности помимо государственной получают еще поддержку и от профессиональных сообществ. Традиции пост-университетского образования в США во многом влияют на их развитие, чему также способствуют усилия профессорско-преподавательского состава библиотечно-информационных факультетов, которые, как правило, являются обладателями научной степени доктора философии в области библиотековедения. Вандерверф исходит из предположения, что академические дисциплины представляют некое упорядоченное научное знание и то, что профессии имеют своей целью практическое воплощение этих знаний. Им были применены в совокупности несколько достаточно сложных социологических методов исследования 155 объектов. Анализ полученных данных не дает очевидного подтверждения о наличии конечной структуры в рамках данной профессии, а ведь именно такая структура является наиболее подходящей для серьезного коммуникационного процесса касательно специализированной исследовательской активности. Отсутствие коммуникационной структуры является препятствием на пути развития научно-исследовательских профессий и на пути теории, связанной с практическими аспектами данной профессии. В итоге Вандерверф (Vanderverff) делает обескураживающее заключение о том, что библиотековедение нельзя безоговорочно отнести к какой-либо отрасли науки.

Аспирант Женского университета Техаса (США) Нонни Джейнет Блисс (Nonie Janet Bliss) занимает в этом вопросе диаметрально противоположную позицию, считая библиотековедение самостоятельной отраслью науки и заслуживающей особого места в ряду другой профессиональной деятельности [5].

Преподаватель библиотечно-информационных дисциплин университета Рочестера штата Нью-Йорк Скотт Смит (Scott Smith) для решения вопроса, является ли библиотековедение самостоятельной научной дисциплиной, можно ли считать деятельность библиотечных профессионалов профессиональной деятельностью, которая оплачивается и финансируется, применил метод библиометрического анализа профессиональной библиотечной журнальной и периодической литературы США и Канады. По его признанию, предметом его диссертации было установление профессиональной сущности библиотековедения. Библиометрические измерения помогли этому автору обозначить границы фронта научных исследований в области библиотечного дела. В первую очередь, им был определен индекс Прайса, среднее число обращений к журнальным публикациям, число обращений в процентах к другим журналам, которые не проходят пороговый критерий, коэффициент самоцитирования в профессиональной области. Вопросы статуса библиотековедения, его профессионального положения постоянно обсуждались в англоязычной научной литературе на протяжении всего двадцатого века. Обладание уникальным или эзотерическим знанием, профессиональными навыками, наличие процесса профессионального обучения – вот тот круг вопросов, который присутствует во всех публикациях, посвященных данному вопросу, которые признаются всеми зарубежными библиотековедами как необходимые для достижения профессионального статуса. Следует отметить, что идентификация и измерение существенных характеристик ядра профессиональной литературы в общем объеме публикаций по какой-то научной дисциплине может свидетельствовать о существовании базового знания, что является одним из веских доводов в пользу существования профессионализма в какой-то области науки. Североамериканские библиотековеды в основном в своих исследованиях применяют общие принципы профессионализма: сильная приверженность профессии; длительный процесс обучения основам профессии, насыщенный большим количеством специальных дисциплин; дискреционные полномочия и авторитетное официальное мнение; действующая и сплоченная профессиональная организация-сообщество; признаваемая обществом ценность и вклад в работу всего общества; уникальный, присущий лишь данной профессии конгломерат знаний и профессиональных навыков [21]. Эти принципы в качестве определяющих приняты и в библиотечном сообществе США и Канады.

Гораздо более конкретно подошла к формулированию целей, задач и характерных признаков теоретического библиотековедения как профессиональной области преподаватель библиотечно-информационных дисциплин университета Висконсин-Медисон (США) Юдит Яблонски (Judith Jablonski): упрочить основные теоретические положения дисциплины; расширить границы знания; служить информационным запросам общества; обучение профессиональных работников библиотечного дела; обеспечить доступ к информации [13]. Следует отметить, что перечисленные североамериканские ученые не подвергали сомнению тезис о том, что библиотековедение представляет собой полноправную научную дисциплину. Заметим, что это важно для нашего последующего анализа.

На протяжении всего двадцатого века в своих теоретических изысканиях зарубежным специалистам в области библиотечного дела приходилось преодолевать ряд эмпирических барьеров.

Первой из числа проблем определения статуса библиотековедения является полное отсутствие надежной основы библиотековедения как научной дисциплины, что во многом обусловлено прагматическим характером зарубежного библиотековедения. На протяжении почти ста лет североамериканские исследователи говорили об этом. Директор научной библиотеки и одновременно декан библиотечного факультета Колумбийского университета (США) Чарльз Уильямсон (C.C. Williamson) в 1923 г. заявил о том, что библиотековедение

как научная дисциплина находится еще в зачаточном состоянии [25]. В 1933 г. один из видных деятелей американского и международного библиотечного движения Пирс Батлер (Pierce Butler) утверждал, что библиотековеды США и Канады удивительным образом не заинтересованы в создании и осмыслении теоретических начал своей профессии в отличие от своих коллег по другим видам научной деятельности [9]. В 1934 г. другой видный американский библиотековед Джозеф Периам Дентон (J.P. Danton) высказал мнение о том, что в североамериканском библиотековедении совершенно отсутствуют теоретические разработки [10]. В 1949 г. также американский библиотековед Франс Кларк Сейерс (F.C. Sayers) признает отсутствие четкой фундаментальной теории библиотечного дела, отсутствие четко выраженных сущностных функций этой научной дисциплины, а также попыток этого добиться [18]. В 1965 г. Джесс Хоук Шира (J.H. Shera) высказал мнение, что библиотечное дело не располагает собственной теорией [20]. Самой удивительной особенностью развития зарубежного библиотековедения является то, что многие из перечисленных выше библиотековедов после вынесения безапелляционного вердикта об отсутствии четкой теоретической базы библиотековедения как научной дисциплины и даже невозможности в принципе такую базу заложить тут же принимались такую базу демонстрировать. В 2000 г. англоамериканский библиотековед Майкл Горман (M. Gorman), бывший в то время председателем Американской Библиотечной Ассоциации (ALA), в очередной раз отметил с сожалением отсутствие релевантной теории библиотековедения на протяжении длительного периода существования библиотечного дела в Северной Америке, о том, что библиотечное дело по своей сути является такой профессией, которая эволюционировала без обращения к теоретическим выкладкам, хотя и имела очень сильную практическую, утилитарную сторону [12]. При этом он предлагает свой вариант видения теоретических основ современного библиотековедения. Анализ научных взглядов М. Гормана (M. Gorman) показывает, что его научные взгляды во многом сформировались под влиянием идей Ш.Р. Ранганатана (S.R. Ranganathan) [17], которого он считал самой яркой фигурой в международном библиотековедении двадцатого века. Более того, в своей приверженности творчеству Ранганатана (S.R. Ranganathan), он впадает в крайности, например, провозглашает спорную мысль о том, что Ранганатан (S.R. Ranganathan) является основоположником библиотековедения, с чем, конечно, согласиться трудно. Справедливости ради следует сказать, что на самом деле в настоящее время в зарубежном библиотековедении отмечается всплеск интереса к научному наследию индийского философа-библиотековеда, переосмысление идейного содержания этого наследия, попытки развития его научных взглядов применительно к современным условиям. Наиболее яркое воплощение эти попытки нашли свое место именно в творчестве Гормана (M. Gorman). Несмотря на пессимизм Гормана (M. Gorman) в отношении возможности создать монолитную теорию библиотечного дела, его основные идеи утверждают как раз четкую уверенность в завтрашнем дне библиотек. В указанной работе им сформулированы ценностные установки библиотечного дела на современном этапе. Среди этих установок - управление информацией; доведенные до совершенства библиотечно-информационные услуги; поддержка интеллектуальной свободы; конфиденциальность доступа к информации; рационализм в деятельности современной библиотеки; достижение грамотности читателя путем чтения; равенство всех читателей в доступе к информации; поддержание демократических принципов;

Базируясь на перечисленных функциях библиотеки, Горман (M. Gorman) трансформирует известные пять законов библиотечного дела, изложенные в трудах Ранганатана (Ranganathan), и предлагает свой вариант, который, как он считает, наиболее полно отвечает современным условиям:

1. Библиотека служит человечеству. Закон подразумевает, что библиотека помогает человеку и служит высоким идеалам и устремлениям всего человечества в целом. Это положение закона также выражает альтруистское начало в действиях библиотеки по оказанию качественных библиотечно-информационных услуг своим читателям.

2. Признание всех форм передачи знания. Майкл Горман (M. Gorman) защищает тезис о признании всех возможных форм и способов передачи знания и информации читателю. При этом он предлагает утилитарный подход к реализации всех способов такой передачи, который заключается в выборе наиболее эффективного или менее затратного способа.

3. Разумно использовать новые технологии для улучшения качества обслуживания читателя. Горман (M. Gorman) видит первоочередную задачу для библиотекаря в привлечении и продвижении новых технологий в библиотечном деле. При этом он считает, что приоритетную роль в сохранении информации в обозримом будущем будут по-прежнему играть бумажные носители информации. Новые технологии призваны служить решению проблем и повышению качества обслуживания читателей, обеспечивать эффективные варианты решения этих проблем и эффективную деятельность библиотеки в целом, а не быть вещью в себе.

4. Защищать свободный доступ к знанию.

5. Чти прошлое и создавай будущее.

Внимательное изучение научной позиции М. Гормана (M. Gorman) и его коллег-библиотековедов позволяет сделать вывод о том, что современное информационное общество в своем поступательном развитии создает мощнейшие факторы влияния на работу современной библиотеки, затрагивая ее сущностные характеристики и ставя библиотеки на грань выживания. Именно поэтому все усилия и теоретиков и практиков библиотечного дела за рубежом направлены на спасение библиотеки как социального института, библиотечного дела и библиотековедения как полноправного вида профессиональной деятельности в условиях информационного общества. Другими словами, все теоретические и прикладные разработки современных зарубежных библиотековедов направлены на достижение единой цели – сохранить библиотеку как социальное учреждение с ее классическими целями и задачами, закрепленными в директивных документах национальных библиотечных ассоциаций и в документах ИФЛА, обосновать положение библиотеки в современном информационном обществе как объекта, включенного в ткань экономико-хозяйственных связей и взаимодействий в обществе, занимающей полноправное место в обществе как социальный институт, создающей новую, прибавочную стоимость в процессе обработки информационных потоков и возникновения библиотечного интеллектуального продукта; как полноправного субъекта рынка труда. Можно говорить о том, что все усилия зарубежных библиотековедов по самым различным направлениям имеют одну ярко выраженную цель – доказать эффективность функционирования современной библиотеки как социального института и необходимость ее существования для информационного общества на фоне тотальной дисфункции чтения.

Как мы видим, тема констатации факта отсутствия четкой теории в библиотечном деле проходит красной нитью в работах многих зарубежных исследователей. Некоторые из них в порыве профессионального скептицизма и меланхолии дошли до отрицания необходимости существования библиотековедения как научной дисциплины. Представителем этого радикального крыла зарубежных библиотековедов выступил Джим Звадлоу (Jim Zwadlo), занимавший в 1997 г. пост директора публичной библиотеки Liberty в Нью-Йорке, то есть профессионал и далеко не новичок в библиотечном деле. Вкратце его рассуждения свелись к следующим позициям. По его словам теория библиотечного дела отсутствует,

лишь немногие библиотечные работники испытывают необходимость в такой теории. Далее Д. Звадлоу (Zwadlo) задается вопросом: а нужна ли библиотечным работникам вообще такая теория? Хотя он сам же и признает, что, если между библиотечными и информационными работниками стало так много общего, то теория, очевидно, необходима. Среди библиотечных и информационных работников Западной Европы и Америки сегодня нет единства во мнениях о том, существует ли на сегодняшний день какая-либо теория библиотековедения, которой можно как-то пользоваться на практике. В зарубежной литературе, посвященной вопросам библиотечного дела, такое состояние часто описывается как – неразбериха или путаница. Возможно, из этой мешанины мнений, определений и теорий мы и создадим единую стройную теорию библиотечного дела, объединяющие все противоречивые мнения. Термин «путаница» используется скорее для того, чтобы описать сегодняшнее состояние науки о библиотеке, нежели с каким-то пренебрежительным или уничижительным оттенком. Звадлоу (Zwadlo) высказывает предположение о том, что такое состояние приносит определенную выгоду этой профессии, поскольку ряд высказанных положений может принести реальную пользу как библиотекарям, так и контингенту пользователей [29].

Возможно, одной из причин равнодушного отношения большинства практиков библиотечного дела к отсутствию четкой теории объясняется отчасти и тем, что крупные ученые очень редко обращаются к данной теме. В 1934 г. уже упоминавшийся Джозеф Периа Дентон (J. Periam Danton) проанализировал публикации в журнальных и периодических изданиях профессиональных библиотекарей, и установил, что вопросы теории занимали в общем объеме статей лишь крайне незначительное место: от 1 до 5% [10]. Последующие (на протяжении почти полувека) обращения ряда исследователей к этой теме подтвердили удивительное постоянство этих цифр на сегодняшний день. Например, в упоминавшейся статье Д. Звадлоу (Zwadlo) этот тезис подвергается сомнению. Д. Звадлоу (Zwadlo) считает в своей статье, что состояние путаницы понятий в библиотековедении – это сущностная характеристика библиотековедения в прошлом, настоящем и, как он твердо убежден, - в обозримом будущем. Такая же путаница царит в теоретических исследованиях статуса и определения библиотечной науки. В принципе такое положение нельзя считать катастрофическим или чем-то бесполезным, досадной помехой на пути развития библиотечного дела. Из этой путаницы также можно извлечь пользу для библиотечной деятельности, можно проложить путь для поиска знаний, нахождения точек прироста знания. Состояние путаницы является стимулирующим фактором для поиска знания, но получение нового знания – это всегда зависимость данного процесса от целого набора специфических факторов, проявляющихся в установленное время в установленном месте. Поэтому поиск знания вовсе не предполагает поиск абсолютной истины. Кто-то из ученых может искать пути решения проблемы путаницы понятий в библиотековедении, кто-то может просто оказывать поддержку в этом вопросе. Решение этой проблемы имеет практический и прикладной характер. Другими словами, Д. Звадлоу (Zwadlo) утверждает, что для практической работы в библиотеках не требуется специальная теория, библиотекари уже достаточно увязли в теоретической неразберихе. Подвергая критике библиотековедов, предлагающих свои теоретические объяснения фактам библиотечных процессов, стремящихся определить статус библиотековедения и утвердить ее как профессию, Д. Звадлоу (J. Zwadlo) выдвигает парадоксальную идею о том, что подобная путаница во мнениях весьма полезна для библиотечного дела. То есть, это парафраз известного лозунга «чем хуже, тем лучше». В обоснование он пытается применить теорию современного немецкого философа Ганса Вайхингера (H. Vaihinger) «Как если бы», содержащую известный в философии тезис о создании вымыслов человеком в процессе познания природы [22]. Он читает, что в библиотечном деле уже применяются

вымыслы, в том числе классификационная система, реферативные опросы, взаимоотношения между контингентом пользователей и библиотечным персоналом. И эта система вымыслов доказывает, что состояние неразберихи идет лишь на пользу библиотечному делу, отрицая таким образом выявление такой теории и определение ее статуса.

Таким образом, Д. Звадлоу (J. Zwadlo) подвергает сомнению попытку апологетов Чикагской школы библиотековедения (это библиотековеды J.M. Budd, G.P. Radford, A.L. Dick) обосновать предложенную ими модификацию теории библиотечного дела, представляющую сплав идей социальной эпистемологии и позитивизма. Именно под таким углом следует рассматривать работу Д. Звадлоу (J. Zwadlo), он вовсе не отвергает в целом идею создания единой теории библиотечного дела, он лишь пытается привлечь внимание исследователей и более того – широкой библиотечной аудитории к настоятельной необходимости срочного решения проблемы отсутствия такой теории в североамериканском библиотековедении. Правда, по форме он делает это эпатажным путем, что в целом достигает своей цели, поскольку статья замечена в научной среде и вызвала пусть и резкие, но, безусловно, полезные отклики.

Другой североамериканский исследователь Рональд Уэйн Бивенз-Татум (R.W. Bivens-Tatum), библиотекарь Принстонского университета, также в ряде своих работ ставит вопрос о конце библиотеки, что во многом напоминает термин конца света [4]. При внимательном рассмотрении его работ на первый план выходит тезис телеологии в библиотековедении. Как собираются работать библиотеки в будущем? Ответ на этот вопрос требует особого склада мышления, особого философского подхода, который отсутствует в библиотековедении. Возможно, могут помочь ответить на данный вопрос некоторые разделы общей философии. Может быть, даже политэкономия. В классической науке анализ деятельности любого социального института начинается с целей этой деятельности. Это выглядит несколько прямолинейно, но для современной политической теории это совершенно не свойственно. Следуя классическому подходу, некоторые зарубежные библиотековеды, например, Рональд Бивенз-Татум (R.W. Bivens-Tatum), Джим Звадлоу (J. Zwadlo), задаются эпатажным на первый взгляд вопросом: а что же является конечной целью деятельности библиотеки с точки зрения конечности ее пути. Каким образом эта цель сочетается с конечной целью образовательного процесса, развития общества и его институтов, в том числе институтов власти? Классическая теория политики дает возможность библиотековедам исследовать вопрос конечной цели деятельности библиотеки как социального института. Это доказывает отчасти полезность и необходимость политэкономии для утверждения библиотековедения как научной дисциплины.

Джим Звадлоу (J. Zwadlo) утверждал также, что теория библиотечного дела не нужна в принципе [29]. По его мнению библиотечные работники стали применять такие методы работы, которые способствуют приближению конца библиотеки вместо того, чтобы удовлетворять потребность пользователя в необходимой информации. Бивенз-Татум (Bivens-Tatum) согласен со многим в рассуждениях Звадлоу (Zwadlo), но у него возникают вопросы. Например, насколько можно достигнуть такой ясной цели без определенной доли применения философии? Каким образом мы можем знать наши методы работы, если мы не знаем нашей цели? Что представляет собой конец библиотеки? Каким образом достигается этот конец? Мы не сможем создать теорию библиотечного дела, если мы не ответим на эти вопросы. На эти вопросы поможет ответить классическая философия.

Вторая половина XX века отличается особенно плодотворным развитием библиотековедения в ведущих зарубежных странах, прежде всего в США, где в начале 70-х годов прошлого столетия впервые появляются докторские диссертации (PhD), посвященные про-

блемам статуса, сущности библиотековедения, определениям предмета и объекта библиотековедения. Во многом это связано с отражением исследования философских проблем современной науки в зарубежном библиотековедении.

Одной из первых диссертационных работ западных авторов по данному направлению можно считать работу Эрнеста Рональда Брайсона (E.R. Bryson) «Теория библиотековедения» (1970 г.). Целью данной работы, как утверждает сам ее автор, было создать полноценную теорию библиотековедения. Он утверждал, что эта теория вполне отвечает нормам соответствия, обоснованности и сочетаемости с другими положениями социальных наук. Брайсон (E.R. Bryson) планировал представить желанную теорию в форме интерпретационной модели [6].

Он рассматривает теорию библиотековедения как некий инструмент, который должен дать объяснение сущности этой отрасли науки. Это характеризует в целом его подход к теории как инструменту научного исследования. При этом он не считает, что теория должна описывать феномен, или должна помочь в его описании. Теоретическое исследование Брайсона (E.R. Bryson) опирается на разработки профессора университета г.Хайфа (Израиль) Абрахама Каплана (A. Kaplan), который применял логический анализ для апробации соответствия, обоснованности и функциональности в бихейвиористике. В этом исследовании он применяет три научных принципа: потребность в коммуникации; организационные мероприятия по сохранению накопленного знания; разделение труда, выражающееся в различном уровне управления деятельностью библиотек и научными изысканиями. Другими словами, Брайсон (E.R. Bryson) в своем исследовании попытался применить три закона социологии: потребность в коммуникации; развитие организации; разделение труда, распространив их действие на область библиотековедения.

Рассматривая эти принципы, Брайсон (E.R. Bryson) выдвигает два постулата, один из которых связан с организационным развитием как проявлением социальной организации в построении функций и применении необходимых источников. Другой же связан с разделением труда и определением целой последовательности задач, требующих своего решения. В свою очередь каждый из этих постулатов может быть разбит на более мелкие задачи, например, на обучение, коммуникацию, приобретение в организации или администрирование в процессе разделения труда. Взаимосвязи между этими постулатами и их составляющими представлены Брайсоном в виде трехмерной концептуальной модели, в рамках которой сведены воедино функции библиотеки, индивидуальные функции и информационные запросы. Правильность теории проверяется в терминах соответствия (семантические нормы), обоснованности (синтаксические нормы) и прагматизма (функциональные нормы). Конечным результатом исследования, как считает Брайсон (E.R. Bryson), является создание целостной модели библиотековедения, которая представляет собой последовательный набор информационных запросов как функций библиотеки и индивидуальных потребностей пользователей.

Брайсон (E.R. Bryson) выделяет в библиотековедении два закона: теоретический и экспериментальный. Он рассматривает теорию библиотековедения с одной стороны как отражение действительности (реалистичный подход в определении принципов) и с другой стороны как некий инструмент познания окружающего мира (теория представляет собой инструмент исследования, как путь к описанию реальности).

Брайсон (E.R. Bryson) перечисляет три составные части теории библиотековедения: абстрактные рассуждения (логическая структура или основа), набор правил, которые служат связующим звеном между эмпирическим содержанием и абстрактными рассуждениями; модель, служащая для интерпретации абстрактных рассуждений. Объединенные воедино, эти элементы и образуют теорию библиотековедения. В таком толковании теория

Брайсона (E.R. Bryson), будет систематизировать все абстрактные рассуждения, давать некое толкование полученным на практике результатам, будет обеспечивать критический и аналитический подход к этим результатам, служить мостиком к новым теоретическим обобщениям. Анализируя собранную по вопросу определения сущности библиотековедения литературу (англоязычную), Брайсон (E.R. Bryson) имел твердую цель в установлении истины, создании новой теории библиотековедения. Он также выделяет следующие элементы в библиотечном деле: это сама библиотека, библиографическое поле, обслуживание и общество. Другими словами, он утверждает, что библиотека доставляет необходимую информацию через библиографическое пространство в некое локальное сообщество.

В традиционной теории библиотековедения, бытующей в североамериканской школе библиотековедения, применяется академическое толкование основных принципов библиотековедения, в то время как в информационной науке там бытует символический подход, устанавливая экспериментальные законы, бытующие на данных наблюдения.

Брайсон (E.R. Bryson) также особо подчеркивает, что библиотековедение – это глубоко социальная наука, которая обеспечивает для отдельных членов общества отдельные каналы передачи необходимой информации. Он считает, что созданная им теория библиотековедения должна именоваться конструктивной (применяя простые формальные схемы) и одновременно полевой (что подчеркивает взаимосвязь между элементами библиотековедения, а не их отдельные характеристики).

В полной мере попытка Брайсона (E.R. Bryson) собрать воедино и проанализировать все имеющиеся в научной литературе Северной Америки определения библиотековедения как отрасли науки, определения, отражающие ее сущность, не удалась. Он обозначил лишь подход к этой проблеме и частично наметил пути ее решения. Значительно дальше в намеченном в его работе направлении продвинулись другие североамериканские авторы, попутно рассматривая более широкий спектр вопросов.

К числу таких диссертационных работ можно отнести диссертацию Джеймса Мэдисона Уайтхеда «Смысл библиотековедения: восприятие накопленного опыта и комментарии к нему с точки зрения общего гуманистического подхода и с позиций общей философии» (1981 г.) [24]. Этот ученый исходит из четкого осознанного факта, о том, что по его выражению косметический ремонт библиотечной системы Америки не приводит к желанным результатам, ей необходим капитальный ремонт, т.е. необходимо пересмотреть ряд теоретических положений, казавшихся ранее незыблемыми и при необходимости отказаться от них, заменив другими, отвечающими истинному положению дел. Именно это и являлось целью работы Уайтхеда, он попытался подступить к решению основных накопившихся в библиотековедении как отрасли науки проблем.

В данной диссертации излагаются вопросы развития философии и методологии для библиотековедения и информационной науки. Уайтхед выражает сожаление по поводу отсутствия универсально признанной философии библиотековедения, отсутствие четких составляющих постулатов такой философии, и также отсутствие методологии, призванной развивать подобную философию.

Уайтхед разбивает историю развития взглядов на библиотековедение Северной Америки на три периода: период колониальный - до 1933 г.; классический период от 1933 г. до 1940 г.; и на современный период от 1940 г. до 1980 г. В начале первого периода роль библиотекаря определялась по большей мере теми студентами, кто посвятил свою жизнь интеллектуальной деятельности. Во втором периоде истории библиотечного движения США роль библиотекаря в обществе интерпретировалась как роль преподавателя, одновременно зарождалось массовое движение публичных библиотек. Как считает Уайтхед,

в классический период истории библиотечного движения США зародилась социологическая теория библиотековедения, ярким лидером которой был Батлер. В его представлении библиотекарь являл собой ученого, социолога, психолога и историка одновременно. Шира, Таубе и Дейли основывали свои взгляды на природу и сущность библиотековедения, роль библиотекаря в обществе основываясь на гуманистических принципах, которые утверждали, что мысль должна предшествовать библиотечному обслуживанию.

В современном периоде развития библиотековедения как науки Уайтхед выделяет пять отдельных фаз, к каждой из которых он относит различные типы библиотекаря в соответствии с различными типами библиотековедения. Первой из них он считает политический подход, который концентрирует свое внимание на демократических аспектах библиотековедения. Вторая – лингвистический подход и лингвистическая методология, которые были выражены в философии классификации. Третья фаза характеризуется применением прикладной математики и концепцией иррелевантности значения, которые доминировали в информационной теории. Четвертая фаза связана с распространением взглядов и идей математика-библиотекаря Ранганатана относительно пяти законов библиотечного обслуживания. Последняя, пятая фаза отмечена возникновением философских подходов к проблемам современного библиотековедения. Разрабатывая концепцию библиотековедения в пятой фазе, Уайтхед выделяет основных, наиболее крупных по его мнению библиотековедов-философов этого периода. Среди них Бродфилд (1949 г.), Макхерджи (1966 г.), Батлер (1933 г.), Ранганатан (1957, 1967 гг.) и Шира (1972, 1973, 1976 гг.). Он также считает, что на библиотечные классифицирующие системы оказали несомненное влияние философские взгляды некоторых мыслителей прошлого, например, на взгляды Мелвила Дьюи оказала влияние философия Френсиса Бэкона, а классификация Комта – на Ричардсона, Сейера и Ранганатана.

Уайтхед высказывает мысль о том, что определение философии библиотековедения невозможно сформулировать в принципе. Она может быть найдена в рамках философских исследований. Поэтому теория библиотековедения восходит к таким ранним философским обобщениям человечества, как дуализм древнегреческой философии, который выдвигал различие между идеальной субстанцией и материальной, т.е. идеализм и материализм; как диалектика Плато, вводящая методологию вопроса-ответа и теорию диалектики Гегеля (теза, антитеза и синтез). Любая идея, утверждает Уайтхед, воплощается в философское учение при помощи самых общих понятий. Например, форма и содержание взаимодействуя между собой порождают законы. Функции, как, например, каталогизация и ссылка, представляют собой формы, воздействующие на субстанцию деятельности библиотековедения и информационной науки. А в то же время некоторые составляющие этих функций обуславливают разделение библиотечного труда на функциональные направления.

В его диссертации раскрывается тема развития философского и методологического подходов к библиотековедению и информационной науке. В этих целях Уайтхед принял решение применить, правда, в весьма своеобразной форме, метод «мозгового штурма». В его работе сформулированы и рассмотрены три основных положения. Во-первых, как он считает, главной по значимости нерешенной проблемой библиотековедения является отсутствие универсальной общей принятой философии библиотековедения. Во-вторых, отсутствуют основополагающие философские предпосылки этой науки, при помощи которых ученые-библиотековеды могли бы создать искомую философию. В-третьих, отсутствует методология определения и составления этих первичных философских предпосылок. В диссертационной работе Уайтхеда создание подобной методологии осуществляется своеобразным способом с применением метода интервью, разработанного изначально для социоло-

гии. Но библиотековедение не является в полной мере социальной наукой. По мнению некоторых американских ученых, в том числе Джесса Ширы, а также его идейного предшественника Пирса Батлера, библиотековедение характеризуется помимо всего прочего и неким гуманистическим началом. В процессе создания философии библиотековедения перед учеными поэтому встает задача выстроить методологию, которая была бы такой же эффективной и точной, как научный метод со времен Френсиса Бэкона и при помощи которой можно было бы продвигаться шаг за шагом в поисках новых точек прироста библиотечного знания.

В этих целях Уайтхед разработал и применил так называемый гуманистический метод. Рассмотрев научное и литературное наследие восьми реально существующих ученых-философов и библиотековедов, он из этого материала составил мифические диалоги, которые вложил им в уста в своей работе. Он как бы свел этих восьмерых ученых за одним круглым столом и определил тематику научной дискуссии, это был безусловный артефакт, хотя и художественными методами. Среди ученых были Хосе Ортега-и Гассет, Альфонсо Трезза, Дж. С. Р. Ликлидер, Джон Лоренц, Джей Дейли, Энтони Диббонз, Аллен Кент и Джесс Ширы. Безусловно, для полноты картины, для решения поставленных в его работе целей такой метод необходимо дополнять некими вопросами в форме интервью, которые было бы желательно рассылать участникам стола, и полученными ответами дополнять сложенные диалоги.

В дихотомии между эмпиризмом и рационализмом Уайтхед выбирает относительный прагматизм, т.е. рациональный эквивалент логического позитивизма. Его методология берет свое начало в технике устной истории, весьма сходной с методом Делфи, но с дополнительной обратной связью. Эту обратную связь он называет термином «гуманистический метод». Гуманистический метод Уайтхеда имеет ряд сходных моментов с техникой применения метода Делфи, в том числе в нем также имеется обратная связь, основу которой образует обмен вопросами, касающимися основной идеи библиотековедения, после первоначальной постановки задачи. Метод Уайтхеда отличается от метода Делфи тем, что его целью является не достижение консенсуса, а скорее выявление основной позиции того или иного участника этого мифического круглого стола.

В этом подходе вместо того, чтобы сосредоточиться на достижении консенсуса, ученый делает попытку добиться результата в своем направлении развития теории библиотековедения. Рассматривая его концепцию именно в таком аспекте, можно говорить о сближении позиции Уайтхеда со знаменитыми сократовскими философскими диалогами.

Уайтхед высказывает парадоксальную и небесспорную идею о том, что любое знание в своем зародыше содержит ошибку. Он утверждает, что чем ближе в развитии и накоплении знания мы подходим к истине, то тем дольше делятся его ошибки, так как в комплексной теории любого знания значительно труднее выявлять какие-либо ошибочные суждения. Его философский подход к теории библиотековедения разрывается между двумя философскими тенденциями: от эмпирического к рациональному и наоборот – от рационального к эмпирическому.

В середине семидесятых годов прошлого века библиотековеды обратились к теме родственных черт между библиотековедением и философией [26, 27, 28]. Например, американский архивист и исследователь античных книг на металлической основе Герберт Кёртис Райт (H.C. Wright) высказал очень смелое утверждение о том, что поскольку библиотековедение и философия обладают таким большим количеством сходных характеристик, то они (библиотековедение и философия) фактически идентичны. Более того, современная наука может изучать библиотеку и библиотечное дело как экзистенциальный объект или социальный феномен, поэтому его сущностные характеристики лучше всего могут быть

изучены при изучении природы человека, и такое исследование будет лишь малой частью общего исследования человеческой природы. Другими словами, это исследование будет представлять собой изучение информационных процессов в обществе и в сознании человека, а не научное исследование каких-то статистических данных. Существо человека и информации, по мнению этого библиотековеда, представляют собой одно и то. Поэтому и философия и библиотековедение могут быть идентичны, не просто подобны или сходны, но идентичны. Он также весьма неожиданно утверждал, что 1) и философия и библиотековедение рассматривают то, каким образом функционирует мышление человека, а не какие-то чувственные восприятия статистических данные, полученные в результате эксперимента; 2) библиотековеды – это философы исследования, но не исследователи; 3) информацию можно изучать под критическим углом, но никто и никогда не сможет изучать ее научными методами. В последующие годы Райт (Wright) по сути отказался от термина «философия» применительно к библиотековедению и начал рассматривать науку в целом, но не отказался от своих взглядов. Он развивал их, рассматривая сущность и характеристики науки в целом и библиотековедения и утверждая, что библиотековедение и наука как системы знаний суть антитетические дисциплины, потому что сущность предшествующего является действительным для последнего и наоборот. Вкратце его тезисы сравнения библиотековедения и науки можно представить таким образом: объектом изучения в науке является материя, содержание, а в библиотековедении – это форма; метод изучения в науке носит эмпирический характер, в библиотековедении он рациональный; объектом влияния в науке является физика опыта; в библиотековедении это метафизика мышления; средства влияния в науке формальные; в библиотековедении они материальны.

Заметим попутно, что в отечественном библиотековедении давно решен вопрос относительно применения термина философия в библиотековедении. В частности В.В. Скворцов утверждал, что понятие «американская библиотечная философия» означает всего лишь представления о целях, задачах библиотек, их общественной роли, предназначении библиотечного дела и т.п., что ни малейшего отношения к собственно философии не имеет. Как известно, в российском библиотековедении все это уже давно отнесено в раздел общего библиотековедения, где и является предметом рассмотрения с позиции библиотековедения, но никак не философии. В библиотековедении США нет еще раздела общего библиотековедения, почему, возможно, и используется столь претенциозное название [3, с.245]. Вместе с тем следует отметить, что российскими библиотековедами доказано также, что библиотековедение не содержит в себе какого-либо знания, которое могло бы использоваться в «чистом» виде такой наукой как философия. Для библиотековедения она поставляет важнейшие философско-гносеологические основания в виде законов, принципов, категорий, теории познания, без которых оно не смогло бы развиваться. Иначе говоря, связь библиотековедения с философией носит методологический смысл, благодаря чему оно развивается на прочном философско-гносеологическом фундаменте [3, с.340]. К чести Райта (Wright) надо констатировать факт, что он изменил свою научную позицию под давлением логики неопровержимых фактов и следствий доказательств об ошибочности его научных воззрений. Правда, он не отказался полностью от своих взглядов. Он видоизменил их, перестав упоминать термин «философия», развивал их, рассматривая сущность и характеристики философии в целом и библиотековедения и утверждая, что библиотековедение и философия как системы знаний суть антитетические дисциплины, то есть они представляют по отношению друг к другу научную антитезу (как форма и содержание, единство и противоположность). Вкратце его ряд его тезисов сравнения библиотековедения и философии достаточно невелик, например, объектом изучения в философии является материя, содержание, а в библиотековедении – это форма; метод изучения в философии носит эмпирический

характер, а в библиотековедении он рациональный; объектом влияния в философии является физика опыта; в библиотековедении это метафизика мышления; средства влияния в философии формальные; в библиотековедении они материальны.

В зарубежном библиотековедении такого понимания нет. Дискуссия о том, является ли библиотековед философией или учением, принадлежащим к единой научной дисциплине, продолжается до последнего времени, например, в библиотековедении США и Канады. В первую очередь, здесь задают тон представители чикагской школы североамериканского библиотековедения, объединенные вокруг журнала *Library Quarterly* Джон Бадд (J.M. Budd), Арчи Дик (Archie L. Dick), Гэри Рэдфорд (Gary P. Radford) [7,8,11,15,16]. Эти ученые считали, что библиотековедение существует и представляет собой отдельную научную дисциплину, занимающую определенный статус в числе прочих научных дисциплин. При этом философской основой библиотековедения долгое время являлся позитивизм, т.е. доктрина, согласно которой только истинное знание является научным, способным описывать и объяснять сосуществование, а также последовательность наблюдаемых явлений: и физических и социальных. Порой под позитивизмом понимают социологический подход, оперирующий общим предположением о возможности привести методы технических наук (например, измерение выявление общих законов) в социальные, то есть стремление подражать методологии технических наук [14]. Как посчитали эти ученые, позитивизм в библиотековедении изжил себя и требует замены другой научной парадигмой, причем каждый из них предложил свой вариант замены. Интересно, что такое заимствование идей из смежной научной дисциплины они отождествляли с процессом получения читателем книги в библиотеке. Но подобно книгам из библиотеки заимствованные теории не принадлежат нам, то есть полю библиотековедения, их постоянно следует видоизменять и дополнять, в результате отказываться от них и затем привлекать новые заимствованные теории, реализуя этот проект до бесконечности.

Следовательно, под сомнение попадает правомерность утверждения о том, что позитивизм был основой библиотековедения.

Попытки развивать теорию философских течений применительно к библиотековедению продолжались в зарубежной науке достаточно долго, и поныне эта тема весьма злободневна для библиотечного дела Запада. В частности достаточно интенсивно разрабатывалась тема позитивизма. Ряд статей ведущих библиотековедов США и Канады, опубликованные в конце 20 века, отмечали настоятельную необходимость сменить теоретические установки библиотековедения. При этом а-приори подразумевалось, что библиотековедение существует, и должно существовать, и будет существовать, пока существует наша цивилизация. Они также соглашались с тем, что позитивизм был или остается основой теории библиотеки в настоящее время. Эти авторы рассматривали позитивизм как монолитную, упрощенную, непоколебимую теорию. Их критический анализ позитивизма с точки зрения библиотековедения не носил характер отрицания, они хотели представить позитивизм для библиотечного сообщества как неприметную, латентную, подразумеваемую теорию, которую следует принимать как само собой разумеющееся. Кроме того, целью их анализа было установление альтернативных позитивизму теорий философской науки, которые можно было бы применить для библиотековедения. Поставленная ими цель была достигнута. Вместе с тем, замена одной теории другой не представляется продуктивной стратегией в отношении библиотековедения, главным образом, по той причине, что наличие выбора среди таких теорий крайне проблематично. При более подробном анализе можно предположить, что такой подходящей для библиотечного дела теории не существует вовсе. Следуя фор-

мальной логике, поскольку нулевое множество также является равноправным членом логической системы, то перечень теорий, подходящих для библиотечного дела, должен содержать и нулевой вариант.

Современная политическая философия отвергает многие положения классической философии большей частью по той причине, что классическая теория утверждает: мы начинаем политические и моральные философствования с концом жизни или достижением цели жизни (по гречески «telos», поэтому данная точка зрения называется телеологической теорией). В физике Аристотель объяснял жизненную суть четырьмя основными причинами или фактами бытия. Формальная причина - это объяснение сущности и элементов сущности, в то время как финальная причина является концом всего сущного, поскольку все уже было сделано и выполнено для достижения конечной цели, поставленной при рождении или появлении сущного. Телеологическое мышление объединяет формальную и финальную причины. В политической философии мы можем объяснить, что мы делаем относительно поставленных конечных целей. Как утверждает английский философ Дж. Аккрилл (J.L. Ackrill), вещь – это то, ради чего она существует. Аристотель пишет в своем труде «Nicomachean Ethics», что любое искусство, любой вопрос, любое действие и любой выбор задуманы и осуществляются ради некоего блага. По этой причине данное благо провозглашается тем, к чему стремятся в своем развитии все вещи [4]. Как утверждает Аристотель в своих трудах, каждое общество живет для достижения некоего блага. Если применить теорию Аристотеля к эволюции библиотеки, то хотя какая-то малая толика теоретических построений в библиотечном деле должна включать в себя постулат о конечном пределе библиотечной деятельности, о конце библиотеки. В таком случае мы должны задаться вопросом: а что же представляет собой telos или конец библиотеки?

Темы телеологии достаточно непопулярны в современных философских течениях. В то время как Аристотель утверждает в своих трудах, что человек – это политическое животное, поскольку человек не может существовать без себе подобных, люди не могут существовать порознь, друг без друга и что государство возникает по одной единственной причине - желанию человека выжить – и продолжает свое существование для достижения некоего блага. Философ семнадцатого века Томас Гоббс, автор теории общественного договора, выстраивает свою теорию в целях самосохранения человеческого общества, причем индивидуума он ставит выше общества, поскольку в отличие от Аристотеля считает, что человек способен прожить и без общества, вне его. Современный английский философ Эйлесдер Чалмерс Макинтайр (Alasdair Chalmers MacIntyre), к трудам которого довольно часто обращаются зарубежные библиотековеды, добавляет к трудам своих великих предшественников на философском поприще так называемый парадигмальный сдвиг. Это ученый является представителем школы аналитической философии и томизма. Макинтайр (MacIntyre) утверждает, что классическая теория морали Аристотеля имеет смысл, поскольку имеет трехэлементную форму: концепцию человеческой природы как таковой, концепцию человеческой природы в случае реализации ее telos, набор добродетелей, которые учат человека, каким образом ему достичь своего telos. Мыслители эпохи Просвещения не приняли теорию естественной науки Аристотеля с ее телеологическими объяснениями природы человека, с теорией языка морали, возникающей каждый раз в новом контексте, которую трудно объяснить рациональным языком. По мнению Макинтайра (MacIntyre) деятели эпохи Просвещения как раз и пытались избежать этой трудности, сделать язык морали простым и доступным, но потерпели неудачу. Критика современных философских концепций весьма плодотворна в том аспекте, что она выдвигает убедительные аргументы в пользу телеологического подхода как способа избежать многих теоретических неувязок и затруднений в процессе анализа теории библиотечного дела. Упомянутый ранее Бивенз-Татум

(Bivens-Tatum) использует такой подход для обоснования своей точки зрения на перспективы развития библиотечного дела и библиотековедения, заключающейся в том, что тезис о конечном рубеже библиотечной деятельности неизбежен в современных условиях [4].

Телеологический подход к анализу теории библиотечного дела дает определенные положительные результаты в ряде случаев. В некоторых случаях напротив - отсутствие телеологического подхода порождает проблемы в теории библиотечного дела. Если не использовать телеологический подход, то возникнет ситуация, когда цели и методы их достижения становятся трудноразличимыми. Например, рассмотрение технологических вопросов развития библиотеки может легко превратиться в самоцель, и мы упустим главное в наших рассуждениях – для чего же нужны все эти технологические новации, к какой конечной цели должны они привести библиотеку.

В современных условиях развития инноваций в библиотечном деле эта проблема может приобрести очень тревожные симптомы. Например, при внедрении системы «Library 2.0» или некоторых других, более ранних технологических новинок. Некоторые из зарубежных исследователей считают, что библиотека, особенно университетская библиотека, должна пройти через определенную последовательность организационных и технологических трансформаций, содержащих в своей основе определенный риск. Уровень внедрения инноваций в библиотечное дело должен неуклонно повышаться, в библиотеках должны состояться поистине революционные преобразования в организационной и управленческой структуре.

Многие современные зарубежные библиотековеды считают, что изменения должны коснуться библиотеки, поскольку внешняя динамично меняющаяся среда оказывает воздействие на библиотеки и на запросы потребителя информации, изменяя их в свою очередь. Поэтому если согласиться с предположениями о том, что конец библиотеки предопределен запросами потребителей, то это должно стать предметом рассмотрения в библиотечных исследованиях. При этом в большей степени исследователей должно интересовать, насколько эти требования действительно удовлетворяют их информационные потребности. Проблема заключается в том, что рентабельность инвестиций в обучение и государственные проекты явно недостаточна, поскольку у работодателей имеются постоянные претензии к уровню образованности выпускников колледжей и университетов. В то же время, критикуя качество обучения, многие критики не выдвигают никаких кардинальных предложений относительно путей улучшения этого качества. Их предложения в основном сводятся к рассуждениям о том, что следует повышать результативность образования и снижать уровень расходов на него. Образование считается частью профессиональной подготовки будущих специалистов, но на самом деле эта категория глубже такого подхода. Те, у кого нет концепции конечной цели образования, не могут сформулировать конечную цель или рубеж деятельности университетской библиотеки, которая, несомненно, представляет собой составную часть такого рубежа или конца. Если признать факт радикального изменения деятельности университетских библиотек и если одновременно с этим претерпевает фундаментальное изменение сама система образования, то возникает вопрос – к какой конечной степени изменений придут эти институты, насколько полезной и приемлемой для общества будут сложившиеся системы работы этих институтов. Любые изменения не являются априори эффективными и результативными для общества в целом и для библиотеки, в такие технологические изменения следует закладывать их конечную цель [4].

Литература

1. Романов П.С. Библиотековедение зарубежных стран во второй половине XX - начале XXI века / П.С. Романов. – М.: Россельхозакадемия, 2012. – 122 с.

2. Романов П.С. Эффективность управления библиотекой: методология оценки в зарубежном библиотековедении: дис. ... доктора пед наук / П.С. Романов // Моск. гос. ун-т культуры и искусств. – М., 2013. – 368 с.
3. Скворцов В.В. Библиотековедение: сущность, методология, статус: дис. д-ра пед. наук / В.В. Скворцов; Моск. гос. ун-т культуры. – М., 1997. – 340 с.
4. Bivens-Tatum R.W. Technological Change, Universal Access, and the End of the Library /Ronalde Wayne Bivens-Tatum // Library Philosophy and Practice. – 2006. – Vol.9,№1,(Fall 2006). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.webpages.uidaho.edu/~mbolin/bivens-tatum.htm>
5. Bliss N.J. International librarianship: a bibliometric analysis of the field //PhD dissertation, Texas Woman's Univ. – 1991. – 156 p.
6. Bryson E.R. A theory of librarianship: PhD dissertation/Ronald Bryson, Lexington: University of Kentucky, 1970. – 99 p.
7. Budd J.M. An epistemological foundation for library and information science // Library Quarterly. – 1995. - 65(July). - P. 296-318.
8. Budd J.M. Knowledge and knowing in library and information science: a philosophical framework / John M. Budd. Lanham MD: London Scarecrow Press. – 2001. – 361 p.
9. Butler P. An introduction to library science / Pierce Butler. In Richardson J.V. Jr.'s The gospel of scholarship: Pierce Butler and a critique of American librarianship. Metuchen, NY, Scarecrow Press. – 1933. – 350 p.
10. Danton J.P. Plea for a philosophy of librarianship: Philosophia vero omnium mater atrium / Joseph Periam Danton // Library Quarterly. – 1934. – Vol.4 (October). – P.527-551.
11. Dick A.L. Library and information science as a social science: neutral and normative conceptions / Archie L.Dick // Library Quarterly. – 1995. – 65(April). – P. 216-235.
12. Gorman M. Our enduring values: librarianship in the 21st century / Michael Gorman. Chicago, IL: American Library Association. – 2000. - 200 p.
13. Jablonski J.A. Conceptualizing the field of library and information science: the perspective of LIS faculty and LIS practitioners in the United States / Judith Ann Jablonski. PhD, the University of Wisconsin-Madison. – 2006. – 397 p.
14. Jary D. Collins Dictionary of Sociology / David Jary, Julia Jary. Glasgow Harper Collins Publishers. 1991. – 774 p.
15. Radford G.P. Positivism, Foucault and the fantasia of the library: conceptions of knowledge and the modern library experience // Library Quarterly. – 1992. – 62(October). –P.408-424.
16. Radford G.P. We do not need a philosophy of library and information science: we are not confused enough: a response to Zwadlo /G.P. Radford, J.M. Budd // Library Quarterly. - 67(3). – P. 315-321.
17. Ranganathan S.R. The five laws of library science. Bombay: Asia Publishing House. – 1963. – 482 p.
18. Sayers F.C. The belligerent profession / France Clarke Sayers. In McCrimmon (Ed.) American Library philosophy: an anthology. Hamden, CT: Shoe String press. – 1949. – P.132-140.
19. Shera J. H. Sociological foundations of librarianship /Jess Hawk Shera. London. Asia. – 1970. – 195 p.
20. Shera J.H. What is a librarianship? // Louisiana Library association Bulletin. -1961. – 24, Fall. – P. 95-97.
21. Smith S.S. A bibliometric analysis of the journal literature of an academic librarianship as an indicator of a professionalism / D.E., The University of Rochester, Rochester, New York. – 1998. – 165 p.
22. Vaihinger H. The philosophy of «As If». New York: Barnes and Noble. – 1966. – 370 p.

23. Vanderwerff, D.I. An examination of the communication structure of library science: PhD / Dennis Irwin Vanderwerff; Univ. of Southern California. – 1984. – 200 p.
24. Whitehead J.M. Logos of library and information science: apperception on the institutes of biblematics with commentaries on the general humanistic method and the common philosophy: PhD / James Madison Whitehead; Univ. of Pittsburgh. – 1981. – 208 p.
25. Williamson C.C. The place of research in Library service. In Landmarks of library literature 1876-1976 by Dianne J. Ellsworth and Norman D. Stevens, Metuchen, N.J.: Scarecrow Press. – 1976. – P. 137.
26. Wright H.C. Inquiry in science and librarianship // Journal of Library History, philosophy and comparative librarianship. – 1978. – 13 (Summer). – P.250-264.
27. Wright H.C. The immateriality of information // Journal of library history. – 1976. – 11 (October). – P.527-551.
28. Wright H.C. The wrong way to go // The Journal of the American Society for information science. – 1979. – 30 (March). – P.67-76.,
29. Zwadlo J. We don't need a philosophy of library and information science – we're confused enough already // Library Quarterly. – 1997. – 67(2). – P.103-121.

УДК 37.012.85

**РОЛЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
ОПРЕДЕЛЕНИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ****Т.С. Вотинцева**, специалист по УМР Кафедры прикладной психологии,**Н.И. Басманова**, к.псих.н.доцент, зав. кафедрой прикладной психологии,

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

Статья посвящена исследованиям оснований для дифференциации подходов в профориентации и возможностей формированию индивидуального пути развития старшеклассников.

Толерантность к неопределённости рассматриваемая в работе как способность человека принимать конфликт и дискомфорт, возникающие в ситуации недостаточности, бессвязности или многозначности информации. Показана важная роль «сформированной идентичности» в развитии и становлении профессионального самоопределения старшеклассников.

Толерантность к неопределенности, профессиональное самоопределение, старшеклассники, статус профессиональной идентичности.

**ROLE OF TOLERANCE TO UNCERTAINTY IN PROFESSIONAL DETERMINATION FOR
HIGH SCHOOL STUDENTS****T.S.Votintseva**, education and methodology specialist of Department of application-oriented psychology,**N.I. Basmanova**, associate professor of application-oriented psychology,

State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

The article investigates the reasons for the differentiation of approaches to career guidance and opportunities shaping individual development path of high school students.

Tolerance to uncertainty considered in a person's ability to take the conflict and discomfort, resulting in failure situations, incoherence or ambiguity information. The important role of «formed identity» in the development and formation of professional self-determination of senior pupils.

Tolerance for ambiguity, professional self-determination, high school students, the status of professional identity.

На сегодняшний день современное российское общество находится на этапе формирования и развития антропогенной цивилизации, основой которого является информационный прогресс. Информационная насыщенность технологических процессов требует постоянного повышения уровня культуры и образования, квалификации и способностей каждой личности и всего общества. Происходят глобальные изменения в социальной сфере, что определяет новые угрозы и вызовы современной цивилизации. Меняются правила и принципы, по которым развивается общество, выявить социальные закономерности развития общества в будущем всё сложнее, а подчас и невозможно. Главной задачей современного человека становится распознать суть вызова, выявить закономерности развития общества, разработать путь своего развития в бесконечном потоке новой информации.

Во многом это может зависеть от того, как мы относимся к неопределённости перспектив развития, множественности стимулов, различности вариантов прогнозируемого результата. На дан-

ном этапе толерантность к неопределённости, рассматриваемая многими исследователями как способность человека принимать конфликт и дискомфорт, возникающие в ситуации недостаточности, бессвязности или многозначности информации, обретает важную роль в развитии и становлении профессионала [2].

Итак, какую роль имеет толерантность к неопределенности на этапе выбора перспективы своего развития, в частности профессиональной идентичности? Согласно многим исследованиям и концепциям, становление идентичности происходит в подростковом – юношеском возрасте, который характеризуется открытием своего внутреннего мира, эмансипацией от взрослых, ориентированностью на будущее. Молодые люди на этом этапе жизни примеряют на себя разные роли, формируют концепты своего будущего, осмысливают построение жизненной перспективы, также актуальной проблемой является выбор будущей профессии [1]. Довольно часто, выбор происходит под воздействием родителей, жизненного примера референтных групп, своих друзей или распространенных шаблонов для подражания. Согласно теории статусной модели Дж. Марсиа, на данном этапе молодые люди, оценив свои уже принятые роли и обязательства, и не удовлетворившись ими, вступают в кризис выбора альтернатив, то есть в активный поиск иных вариантов развития. Толерантность к неопределенности становится важным фактором развития идентичности личности, позволяющим ей выдерживать возникающие в процессе перехода к новой идентичности кризисные проявления, обусловленные неопределенностью смысловых оснований собственного существования, в информационном обществе, в котором состояние неопределенности становится ведущим [7].

Исходя из этого, было решено провести исследование, целью которого стало определение роли толерантности к неопределенности в формировании статуса профессиональной идентичности у выпускников старших классов.

Исследование проводилось среди учащихся 11 классов школ г. Королева, в марте-апреле 2015 г. Общая численность респондентов составила 101 человек, в возрасте 16-18 лет, из них 43 юноши и 58 девушек.

Диагностика исследуемых показателей была проведена при помощи следующих методик: Методика изучения статусов профессиональной идентичности, разработанная А.А. Азбель, под руководством А.Г. Грецова [3]; «Новый опросник толерантности к неопределенности», разработанный Т.В. Корниловой [5].

Были получены следующие результаты: из 101 участника исследования - **40%** испытуемых обладают статусом «Сформированной идентичности». Данный статус видится более предпочтительным, так как свидетельствует о том, что одиннадцатиклассники, обладающие данным статусом, готовы совершить осознанный выбор дальнейшего профессионального развития или уже его совершили. Они обладают уверенностью в правильности принятого решения относительно своего профессионального будущего. Этим статусом обладают юноши и девушки, которые прошли через «кризис выбора» и самостоятельно сформировали систему знаний о себе и о своих профессиональных ценностях, целях и жизненных убеждениях. Они могут осознанно выстраивать свою жизнь, потому что определились, чего хотят достигнуть.

Статусом «Мракторий» обладают **53%** респондентов. Наличие данного статуса свидетельствует о том, что выпускник пока не сделал конкретный выбор, в виду того, что находится в активном поиске альтернативных вариантов профессионального развития, размышляет о возможных вариантах, примеряет на себя различные профессиональные роли, стремится как можно больше узнать о разных специальностях и путях их получения. Естественно он стремится выйти из этого состояния и принять осмысленное решение в отношении своего будущего. На этой стадии нередко могут складываться неустойчивые отношения с родителями и друзьями, наблюдаться нестабильность в эмоциональной сфере, связанная с важностью перспектив выбора.

По результатам тестирования по методике «Новый опросник толерантности к неопределенности» было выявлено наличие высоких показателей по критерию «Толерантность к неопределенности» у **38%** учащихся; и «Интолерантность к неопределенности» показали **62%** испытуемых. Это

свидетельствует о том, что более половины респондентов испытывает стремление к ясности, упорядоченности во всем; неприятие неопределенности, неизвестности; желание придерживаться определенных правил и принципов, мнений и ценностей. Это может быть связано с общей тенденцией в российском обществе. В свете кросс-культурного исследования (сравнение 40 стран) Г. Хофстеде характеризует Россию как страну с довольно высоким уровнем избегания неопределенности, то есть в своей массе население России ориентируется на четкие правила или инструкции, отличается потребностью к формализованным указаниям и нормам поведения, отличается высоким уровнем тревожности, лихорадочностью в работе или «авральностью», склонностью к внутригрупповому согласию, а также низкой толерантностью к людям или группам с отличающимися идеями или поведением [4].

Сопоставив полученные данные при помощи сравнительного анализа можно проследить следующую тенденцию, представленную на рисунке 1.

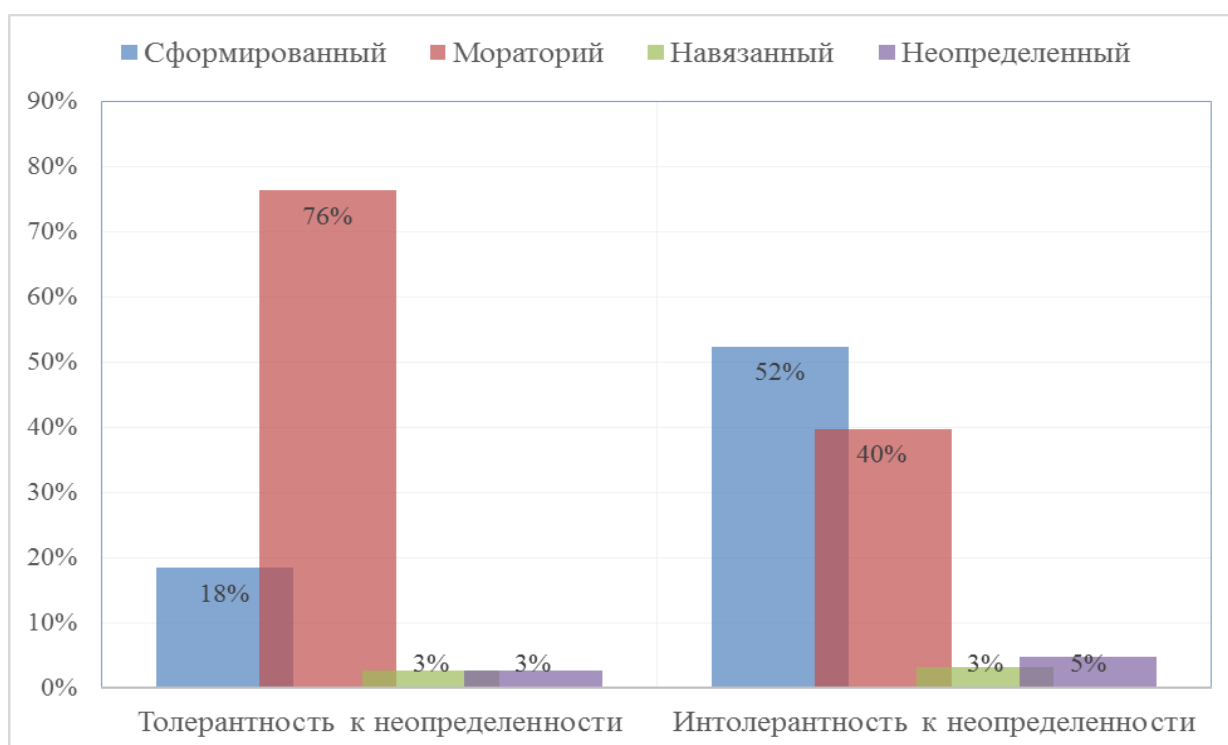

Рисунок 1. Результаты тестирования по методике «Новый опросник толерантности к неопределенности» с точки зрения сформированности уровня профессиональной идентичности

Очевидно, что среди испытуемых, обладающих толерантностью к неопределенности, преобладает наличие статуса профессиональной идентичности «Мораторий». Взаимосвязь именно со статусом «Мораторий» видится логичной потому, что старшеклассник, находясь в состоянии кризиса перебора альтернатив своего профессионального будущего, не испытывает дискомфорта от неопределенности своего выбора, многозначности перспектив и стимулов, что свойственно толерантной личности.

В отличие от статуса «Сформированной идентичности», будучи в состоянии которого выпускник уже готов сделать выбор, определил направление своего профессионального развития, реализуя свое стремление к точности и ясности перспектив, что в большей степени свойственно интолерантной личности, так 52% испытуемых, интолерантных к неопределенности, обладают данным статусом.

При обработке данных путем корреляционного анализа с вычислением коэффициента корреляции Пирсона при помощи статистического пакета SPSS for Windows, так же были подтверждены наши предположения о взаимосвязи статуса «Мораторий» и толерантности к неопределенности в данной выборке. Полученные корреляции, представленные в Таблице 1.

Таблица 1

Матрица интеркорреляций для показателей методики изучения статусов профессиональной идентичности с другими методиками

Статус профессиональной идентичности	ТН	ИТН	МИТН
Сформированный	-0,036	0,173	-0,144
Мораторий	,221*	-0,134	-0,007
Навязанный	-0,162	0,006	0,088
Неопределенный	-0,154	-0,078	,259**

Примечание: Звездочками отмечены значимые * $p < .05$; ** $p < .01$ коэффициенты

Результаты, полученные методом сравнительного анализа, во многом совпадают с результатами корреляционного анализа. Была установлена взаимосвязь (* $p < .05$) между наличием у старшеклассников статуса «Мораторий» и уровнем их толерантности к неопределенности, это может свидетельствовать о том, что толерантность к неопределенности имеет прямую зависимость с формированием статуса профессиональной идентичности, то есть на этапе прохождения кризиса, во время поиска альтернатив.

Корреляционной связи статуса «Сформированная идентичность» с интолерантностью к неопределенности установлено не было. Взаимосвязь данных конструктов была установлена только путем сравнительного анализа. Сама суть данного статуса предполагает, что его обладатели характеризуются тем, что они готовы совершить осознанный выбор дальнейшего профессионального развития или уже его совершили. У них присутствует уверенность в правильности принятого решения. Этим статусом обладают юноши и девушки, которые прошли через «кризис выбора» и самостоятельно сформировали систему знаний о себе и о своих профессиональных ценностях, целях и жизненных убеждениях. Исходя из этого, можно сделать предположение, что все полученные характеристики обладателя сформированного статуса могут свидетельствовать о его склонности к интолерантности к неопределенности. То есть стремлении к четкости перспектив, ясности и упорядоченности.

Интолерантность к неопределенности показали 62% испытуемых всей выборки. Это может быть связано как с общей тенденцией в российском обществе, то есть ориентированность на четкость и определенность задач, преимущество правил и норм, так и с социальным положением выпускников, поставленных перед необходимостью выбора конкретной перспективы. Готовность выпускника совершить свой выбор способствует формированию более продуманной стратегии развития. Но в дальнейшем, обладатель единственного пути развития, столкнувшись с профессиональным кризисом, не имея альтернативных вариантов развития, может оказаться в тупике. Тогда как обладатель нескольких «запасных» вариантов развития может воспользоваться альтернативным вариантом профессионального развития и сохранить интерес к профессиональной деятельности. Также высокий уровень интолерантности к неопределенности среди старшеклассников может затруднять их комфортное и продуктивное существование в динамичном и стремительно развивающемся обществе.

Во время исследования выявлено преобладание статуса «Мораторий» в данной выборке, начиная от количественного преимущества, - 53% испытуемых выборки; до качественных взаимо-

связей - 76% испытуемых, обладающих толерантностью к неопределенности, имеют статус «Мораторий». Это может свидетельствовать о том, что многие ребята находятся в состоянии активного поиска наилучшего варианта своего профессионального развития, открыты новым перспективам, готовы к творческому подходу в решении задач. Так же многие исследования подтверждают, что обладатели высокого уровня толерантности к неопределенности обладают большей гибкостью в формировании пути развития, в отличие от четкого и определенного способа выбора цели интолерантной личностью.

С практической точки зрения полученные результаты можно применять при проведении профориентационных мероприятий среди старшеклассников. В целом проводимая профориентация в школах ориентирована на ребят, не учитывая уровня сформированности статуса профессиональной идентичности. И чаще всего направлена на школьников, обладающих статусом Неопределенной идентичности, когда цели не сформированы, кризис выбора не пройден. Наше исследование выявило, что таких ребят в выпускных классах были единицы, что может свидетельствовать о высокой сознательности современных старшеклассников в подходе выбора профессионального будущего. Большинство ребят обладало статусами, имеющими более высокую степень развития («Сформированной идентичности» и «Мораторий»). Можно предположить, что отчасти статус Сформированной идентичности мог сформироваться без прохождения собственного кризиса, под воздействием значимых, имеющих влияние на выбор, людей, и таким образом иметь предрешенный характер. Но эти два статуса можно объединить по принципу устойчивости идентичности, конкретики выбора и принятии обязательств.

Дифференциация в профориентации учащихся старших классов может заключаться в разности подходов для ребят, обладающих различными статусами профессиональной идентичности. Для старшеклассников, обладающих слаборазвитыми статусами профессиональной идентичности, подойдут все формы профориентации для определения склонностей и способностей к той или иной профессиональной области. Также возможно психологическое консультирование, с целью выявления причины невозможности формирования профессиональных целей. Обладатели «Сформированного статуса» могут нуждаться в проработке структуры будущего развития, а также в расширении палитры возможных перспектив развития. Ребята, обладающие статусом «Мораторий» могут нуждаться в помощи выбора из множества альтернатив приоритетной области развития. Еще одно интересное направление работы со старшеклассниками может быть связано с проработкой толерантности к неопределенности, раскрытием преимуществ множества альтернативных путей развития, в помощь к основной цели; развитием гибкости мышления во множественности стимулов и смыслов, принятии неизвестности, как новой (не такой как была) возможности развития в многоинформационном, стремительно развивающемся современном обществе.

Литература

1. Божович, Л. И. Проблемы формирования личности / Л. И. Божович. - М.: Просвещение, 2010.
2. Гусев А.И. Проблематика научной классификации толерантности к неопределенности / А. И. Гусев // Наука и образование.- 2009. № 5-6.
3. Грецов А.Г., Азбель А.А. Узнай себя. Психологические тесты для подростков. – СПб., Питер, 2009
4. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону, 2011
5. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности – интолерантности к неопределенности // Психол. журн. 2010. Т. 31. № 1.
6. Пряжников Н.С. Методы активизации профессионального и личностного самоопределения. - М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2012.
7. Татарко С.А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж.Марсии. / Психологическая диагностика, 2009, № 1

УДК 159.923.2

ПСИХОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В РАЗРАБОТКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

С.С. Костыря, кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

В статье представлен антропологический подход к разработке образовательных технологий, анализируется опыт исследований по проблеме формирования личности будущего специалиста, дается оценка потенциала различных методов обучения и воспитания.

Антропологический подход, потенциал личности, личностные качества.

PSYCHOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL ASPECTS IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL TECHNOLOGIES AND TEACHING METHODS IN VOCATIONAL EDUCATION

S.S. Kostyrya, PhD, Associate Professor of Department of Applied Psychology, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

Anthropological approach to development of educational technologies is presented in article, experience of researches on a problem of formation of the identity of future expert is analyzed, the assessment of potential of various methods of training and education is given.

Anthropological approach, potential of the personality, personal qualities.

Повышение эффективности процесса образования в современных условиях является одной из основных задач педагогики и психологии высшей школы. Формирование и развитие профессиональных компетенций будущего специалиста должно быть включено в систему профессиональной подготовки. Мы полагаем, что существенную роль в повышении качества образования сыграет разработка и внедрение новых перспективных технологий и методов обучения, обеспечивающих образовательные потребности с ориентацией на саморазвитие, успешность социализации будущего специалиста в соответствии с его индивидуальными особенностями и способностями.

Ф.И. Минюшев высказал общую мысль о том, что в XXI веке мы постепенно вступаем на особый путь развития, девиз которой «от социоцентризма к человекоцентризму» [5, с.29].

Мы наблюдаем, как активно разрабатываются и внедряются новые образовательные программы, в основе которых лежит антропология (педагогическая антропология, юридическая антропология, психологическая антропология). Этот подход позволяет решать задачи воспитания и образования молодого поколения в информационно перенасыщенной среде, где необходимо уметь отсеивать лишнее, выбирать необходимое, уметь это использовать для решения личных и профессиональных задач.

Важным направлением в таких условиях в образовательной среде является ориентация будущих специалистов на программирующую изменчивость и адаптацию к ней. При этом предполагается отказ от ряда привычных, ранее порожденных социальных конструктов и стереотипов, которые сковывают поисковую деятельность людей в профессиональной и общественной сферах. Это касается в большей степени операциональной стороны деятельности.

В связи с этим, актуальным является определение тех факторов, которые мобилизуют ресурсы каждого человека. Например, в лаборатории психологической антропологии (Российский институт культурологии 2001-2010 гг.) Филонов Л.Б. определил три сферы, которые резко выделяют человека из всего окружающего мира, позволяющие, на наш взгляд, актуализировать уникальные потенциалы каждой индивидуальности. К ним относятся:

1. «Информационное поле». Преимуществом здесь, по мнению автора, пользуется тот, кто владеет большим набором операциональных единиц и большим диапазоном их использования. В то же время он должен обладать способами их упорядочения и быстрого востребования в значимых ситуациях. Большим преимуществом перед другими в этой сфере обладает также тот, кто может легко оперировать «разделенной информацией» (она специально разделяется для того, чтобы иметь возможность создавать варианты произвольных комбинаций). Это достаточно мощный ресурс, который может обладать как созидательной так и разрушающей силой. Это можно наблюдать на примере использования различных полит-технологий, психо-технологий, педагогических технологий – для манипуляций, с целью изменения состояния, мнения, поведения человека. С другой стороны, существуют технологии обратные, так называемые технологии противостояния воздействиям, которые защищают от неприемлемых воздействий. Как можно работать с информацией в соответствии с разными целями, какие механизмы и закономерности в этом «поле» действуют – это должен понимать будущий специалист, особенно группы профессий «человек-человек». Помочь работать в «информационном поле» – одна из задач современной педагогики и психологии высшей школы.

2. «Вероятностное прогнозирование». Здесь, по мнению Л.Б. Филонова, имеет преимущества тот, кто более точно может предсказывать события и, в связи с этим, строить опережающую стратегию. Одна из линий овладения этими явлениями – поиск и нахождение объективной реальности, стоящей за демонстрируемыми признаками. Другая линия – ретроспективный анализ, дающий сведения о причинах, вызвавших изменения в процессе. На основе этого возможно проводить достаточно точную экстраполяцию событий. В педагогике, особенно в советской, этот ресурс использовался многими известными педагогами: Макаренко А.С., Сухомлинским В.А., Амонашвили Ш.А. и др. Когда прогнозируется будущий человек и будущее человечества. На наш взгляд, большим воспитательным и развивающим ресурсом обладает прогноз на изменчивость самого человека, в позитивном смысле. То есть, человек может меняться к лучшему: от невежества к знанию, от безнравственности к нравственности, ... - если следовать традициям гуманистической психологии. Успешность в педагогической деятельности будет определяться, в том числе, тем, на какие позитивные изменения ориентируется педагог. И тогда ориентация на предоставление образовательных услуг является неэффективной, так как здесь педагог уподобляется продавцу книг: книги покупают, но можно ли быть уверенным, что все, кто покупает эти книги, прочитывают их?

Можно этот ресурс рассматривать и в узком смысле: в ситуациях взаимодействия педагога и ученика, педагога и группы учащихся. В таких ситуациях необходимым для педагога является «вероятностное прогнозирование» возможных последствий педагогического общения и взаимодействия. К каким последствиям может привести сказанное слово, продемонстрированная эмоция, действие и воздействие – не навредит ли это знание, не имеющим профессиональный и личный опыт учащимся. Таким образом, необходимо развивать профессиональную рефлексию будущих специалистов, особенно будущих педагогов.

3. «Коммуникативное поле». Здесь реализуются стратегии и тактики достижения оптимальных позиций в системе отношений. Успешность работы в этой сфере связана с возможностями изменений в системе коммуникации и способностью адаптироваться к этим изменениям, принимать их. Поэтому основными вопросами являются: способы, средства и приемы эффективных воздействий, а также сопротивления воздействиям; разработка последовательности синхронных воздействий с ожидаемыми изменениями; готовность к переменам, адаптация в изменившейся коммуникативной ситуации, принятие ее, рефлексия. «Выигрыш» в коммуникативных состязаниях зависит также от обращенности к общим конвенциям и постоянное

соотношение с ними. Это обеспечивает прослеживание начала возможных отклонений. Для реализации наиболее эффективного процесса управления ходом взаимодействия целесообразно периодически обращаться к механизмам эмпатии и рефлексии [6, с.16].

Результаты исследований, научный и практический опыт ученых и практиков о закономерностях коммуникации открывает возможность построения программ управления коммуникативными процессами, способствующих повышению эффективности взаимодействия, что определяет усиление внимания ко всей совокупности проблем, нацеливаемых на глубокое и широкое изучение общения.

В педагогическом общении как особом процессе, обеспечивающем сближение индивидуумов, для познания и обучения – особенно важно уметь программировать контакты для получения оптимальных результатов профессиональной деятельности.

В связи с этим в различных отраслях психологии усиливается внимание к различным личностным качествам, обеспечивающим эффективность в педагогическом общении и взаимодействии (педагогическая психология, психология труда и др.), создаются программы по формированию необходимых личностных качеств у той или иной профессиональной группы, в которых изменение индивидуальных представлений об этих качествах рассматривается как средство для формирования личностных качеств.

Под руководством д.пс.н., проф. Филонова Л. Б., было проведено комплексное исследование взаимосвязей между «информационным полем» и «коммуникативным полем» (Знаменская Н.В., Хромова И.В., Ларин А.А., Костыря С.С.). В исследовании выделены факторы, с которыми связывается формирование социальных представлений и регуляция поведения. К наиболее значимым относятся структурные компоненты «образа-Я», социальная желательность личностных качеств, тактика самоподачи, установки личности, целевые намерения личности, культурные и языковые особенности социальной среды.

В исследованиях было выявлено, что значимыми являются представления о полюсах континуума (личностных качеств), которые выполняют регулируемую функцию в межличностном общении. То есть, любое личностное качество представлено в виде континуума, на крайних полюсах которого находится либо недостаточная степень, либо чрезмерная степень этого качества: замкнутый-общительный-болтливый, зажатый (скованный)-раскованный-развязный, скупой-жадный-бережливый-щедрый и др.

Анализ связей между особенностями представлений о коммуникативных качествах и индивидуальными особенностями поведения людей позволил выделить функции представлений о коммуникативных качествах в межличностном общении: функция презентации качеств, как сведения о величинах – личностные качества представлены в сознании человека как некие меры, с помощью которых оценивается поведение человека; прогноз поведения, соотношенный с конкретной ситуацией общения – зная, какими качествами наделен человек, мы способны понимать и предвидеть его возможное поведение в той или иной ситуации, функция принятия решения – касается решений о воздействии на другого, либо об ответном действии; функция ориентиров выбора последовательности поведения в общении (регуляции) – предполагая те или иные качества собеседника, мы можем менять стратегию и тактику в общении, ориентируясь на разные цели; рационализация – как защитный механизм, то есть, я так делаю, потому что такой у меня характер; поддержание сформированной самооценки – то есть, некоторые достижения личности фиксируются в личностных качествах, таким образом, приписывая себе эти качества, человек поддерживает высокую самооценку; компенсаторная – отсутствие одних качеств, человек старается компенсировать наличием других (например, я необщительный, но умный, эрудированный). Интегрированная функция представлений о коммуникативных качествах – регуляция поведения, направленного на установление контактов.

Предполагается, что наличие проблем в общении и построении отношений с окружающими мобилизует компенсаторные и защитные механизмы, в которые включаются представления о

качествах. Эти представления выполняют специфическую роль в адаптации к окружающей социальной среде, обеспечивая сохранение сформировавшихся представлений о себе (поддержание самооценки).

Как показывают исследования, представления о проявлениях и функциях качеств, затрудняющих коммуникацию, является показателем проблемы в сфере коммуникации и построения отношений с окружающими, компенсацией является предъявление в социальном окружении качеств, обеспечивающих подчинение среде (уступчивость, послушность и др.), и качеств, обеспечивающих эффективность в делах (организованность, сознательность).

Исследования показали, что осознание качеств личности не всегда является эффективным в реализации этих качеств в социальном поведении. Самый показательный пример тому: человек очень хорошо знает о таком качестве как «честность», но далеко не каждый ведет себя как честный человек. Следовательно, можно утверждать, что формирование представлений о личностных качествах в целях коррекции поведения или развития каких-либо личностных качеств в образовательном процессе не может быть использовано как средство для изменения поведения личности.

Полученные данные позволяют иначе подходить к вопросам социального познания субъектов общения и разработке технологий регуляции межличностного общения. Эти знания могут быть использованы как педагогами, так и психологами-консультантами.

Возможно, есть и другие факторы, влияющие на человека и позволяющие развить у него широкий диапазон возможностей. Но для их исследования потребуются новые принципы диагностики индивида, в основном по признакам и показателям последовательности его поведения до начала каких-либо внешних воздействий и стимуляций. Особенно это касается исследования мотивации личности, ее направленности, убеждений и установок.

Повышению эффективности профессиональной подготовки специалистов, по нашему мнению, будет служить разработка и внедрение специальных методов и методик, направленных на выявление и актуализацию потенциалов будущих специалистов [8]. Это необходимо, чтобы с самого начала применять оптимальные воздействия, актуализирующие потенциалы, до того, как их энергия уйдет на адаптацию к социальной среде.

Огромные возможности в решении указанных вопросов заложены в использовании интерактивных игр. Так как здесь можно объединить три вышеописанных сферы, в которых наиболее ярко раскрываются все три вышеперечисленных потенциала индивидуальности.

Сценарии игры, основанные на многовариантности развития сюжетной линии, позволят решать не только диагностические и прогнозирующие задачи, но и формирующие, развивающие (актуализация тех или иных необходимых профессиональных качеств будущих специалистов).

Еще одна группа методов, с помощью которых раскрывается потенциал личности – практическая деятельность (организация этой практической деятельности), которая дает новый опыт будущим специалистам, помогает понять себя, испытать себя в новой профессиональной роли. Этому способствует правильная организация производственной практики, организация мастер-классов ведущих специалистов, стажировки в организациях и на предприятиях, «профессиональные пробы», практикумы.

Литература

1. Басманова, Н. И., Раструев, В.Г. Исследование особенностей «Я»-концепции и их взаимосвязь с механизмами психологической защиты у студентов среднего профессионального образования // РЕСУРСАМ ОБЛАСТИ - ЭФФЕКТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ XV Ежегодная научная конференция студентов Финансово-технологической академии : Сборник материалов. - Королёв, 2015. С. 360-366.

2. Власова, О.Г. Психический ресурс человека как субъекта труда: системный подход / О.Г. Власова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. - 2005. - №1. С. 106-108.
3. Ларин, А. А. Факторы, определяющие коммуникативные тенденции личности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук – М., 1999 г.
4. Тимохин, В. В. Этнофункциональный подход к образованию в России [Текст] / В. В. Тимохин // Инновационные технологии в современном образовании: сборник трудов по материалам II Международной научно-практической интернет-конференции / Финансово-технологическая академия. - Королёв, 2015. С. 394-399.
5. Филонов, Л.Б. Проблемы психологической антропологии / Актуальные психологические проблемы становления личности в современном мире. – Магниторск, 2001.
6. Филонов, Л.Б., Быстрова, И.В. Факторы, влияющие на контактное взаимодействие при первичном восприятии//Ученые записки Российского государственного социального университета – Москва, 2012. № 1 (101). С. 93-95.
7. Филонов, Л.Б., Хромова, И.В. Социальное партнёрство: педагогическая поддержка субъектов образования/ Материалы III Международной научно-практической конференции Благотворительный фонд «Большая перемена»; Благотворительный фонд «Дети наши»; ФГНБУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания» - Новосибирск, 2015 г.
8. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. – М., 2001.

УДК 159.938

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПОРТРЕТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЛОЯЛЬНОСТИ

Ю.В. Морозюк, доктор психологических и экономических наук, профессор кафедры прикладной психологии,

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия,

С. Н. Морозюк, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии, ГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва

В статье авторы представили результаты исследования особенностей рефлексии сотрудников в зависимости от степени их лояльности. Эмпирическим путем доказано существование статистически значимой обратной связи между показателями защитной рефлексии и уровнем лояльности. Обнаружено, что высокому уровню лояльности персонала соответствует низкий уровень психологических защит от переживаний негативных эмоций обиды, вины, стыда, зависти и страха неудачи. Исключение составляет показатель саногенное мышление. Высокому уровню лояльности персонала соответствует высокий уровень саногенного мышления.

Рефлексия, лояльность, психологическая защита, негативные эмоции, саногенное мышление.

REFLECTIVE PORTRAITS OF EMPLOYEES OF THE ORGANIZATION WITH DIFFERENT LEVEL OF LOYALTY

Y.V. Morozyuk, doctor of psychological Sciences, Professor,
Department of applied psychology,

State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region,

S.N. Morozyuk, doctor of psychological Sciences, head of the Department of psychology of GBOU Moscow pedagogical state University, Moscow

In the article the authors presented the results of research of features of reflection of employees depending on their degree of loyalty. Empirically proved the existence of statistically significant inverse Association between indicators of reflection protective and loyal. Discovered that the high level of staff loyalty corresponds to a low level of psychological protection from the experience of negative emotions of resentment, guilt, shame, envy, and fear of failure. The exception is the indicator of sanogenic thinking. The high level of staff loyalty corresponds to a high level of sanogenic thinking.

Reflection, loyalty, psychological defense, negative emotions, sanogenic thinking.

«Текучка» персонала, снижение уровня его ресурсности очень тесно связаны с лояльностью персонала. (Лояльность от англ. слова «loyal» означает: верность действующим законам, постановлениям органов власти, корректное, благожелательное отношение к кому-либо, чему либо) [1].

Лояльный сотрудник – успех любой компании, равно как нелояльный – источник опасности. В настоящее время сотрудники проявляют лояльность не столько к компании, сколько к своей карьере, своему материальному благосостоянию. Проблема заключается в том, что лояльность как обязательное условие успешности и безопасности компании не может быть правилом, навязанным

сотруднику сверху, поскольку это субъективное качество личности, выражающееся не только в преданном поведении и профессиональной деятельности, но и в переживаниях сотрудника. Наивно полагать, что взамен на возможность профессионального и карьерного роста, достойной заработной платы сотрудник обязательно будет верным компании. Невозможно быть лояльным обидчивому, завистливому, с комплексом вины и стыда сотруднику [2].

С целью определения степени и характера лояльности персонала был применен опросник «Измерение лояльности персонала».

Характеристика выборки.

Выборка из 56 респондентов представлена 52 женщинами и 4 мужчинами, что исключает возможность анализа данных в гендерном аспекте. Все сотрудники с высшим образованием: техническим, экономическим, гуманитарным.

Анализ данных опроса позволил нам определить три группы сотрудников с разной степенью выраженности лояльности.

Из 56 респондентов группа нелояльных сотрудников представлена 7 работниками, средний уровень лояльности продемонстрировали 39 человек, высокий – 10 [4].

Нас главным образом интересовало, как взаимосвязаны особенности рефлексии персонала организации с уровнем их лояльности.

С помощью когнитивно-эмотивного теста мы замерили особенности рефлексии и степень выраженности защитных механизмов от переживаний негативных эмоций обиды, стыда, вины и страха неудачи.

Статистическую обработку данных мы осуществляли с помощью критерия t-Стьюдента.

Данные после математической обработки представлены нами в таблице 1.

Они свидетельствуют о существовании статистически значимой обратной связи между показателями защитной рефлексии и уровнем лояльности. Мы обнаружили, что высокому уровню лояльности персонала соответствует низкий уровень психологических защит от переживаний негативных эмоций обиды, вины, стыда, зависти и страха неудачи [5].

Эти данные свидетельствуют об отрицательном влиянии патогенной рефлексии по поводу негативных переживаний страха неудачи, обиды, вины и др. на лояльность сотрудников организации. Действительно было опрометчиво ожидать от обидчивого, завистливого, с комплексом вины сотрудника доброжелательного отношения к коллегам и преданности ценностям организации в целом. Такой сотрудник во всем ищет подвох, гипертрофированное чувство справедливости, как правило, по отношению к себе, активизирует зависть и обиду. Эти переживания как дрожжи, на которых созревает опара агрессии, обмана, преступления и предательства.

Исключение составляет показатель саногенное мышление. Высокому уровню лояльности персонала соответствует высокий балл саногенного мышления. Разница статистически достоверна ($t\text{-}St = 7,62$). Это свидетельствует о том, что людям, обладающим саногенным мышлением, не свойственно хроническое переживание негативных эмоций. Их переживания обиды, стыда, страха неудачи не продолжительны и не переходят в стадию аффекта.

Таблица 1. Средние показатели защитной рефлексии сотрудников организации с высоким и низким уровнем лояльности

Р/ №	Показатели КЭТ	Уровни лояльности сотрудников			
		Высокий	Низкий	Разн.	t – Стьюд.
1	<i>Объем защитной рефлексии от страха неудачи</i>	8,50	13,36	4,86	4,77*
2	<i>Объем защитной рефлексии от чувства вины</i>	7,10	11,65	4,45	6,69*
3	<i>Объем защитной рефлексии от чувства стыда</i>	6,00	13,73	7,73	12,98*
4	<i>Объем защитной рефлексии от чувства обиды</i>	6,60	14,36	7,76	7,16*
5	<i>Агрессия против других</i>	1,80	4,64	2,84	9,62*
6	<i>Агрессия против себя</i>	1,80	4,73	2,93	8,81*
7	<i>Рационализация обесценивания объекта</i>	1,30	0,52	4,68	4,68*
8	<i>Рационализация обстоятельствами</i>	0,80	3,45	2,65	9,60*
9	<i>Проекция на других</i>	0,40	2,91	2,51	9,53*
10	<i>Защита от чувства вины</i>	3,00	4,82	1,82	3,22*
11	<i>Защита от чувства стыда</i>	1,60	5,45	3,85	4,10*
12	<i>Защита от страха неудачи</i>	2,40	5,18	2,78	9,32*
13	<i>Защита от зависти</i>	0,90	1,55	0,65	3,17*
14	<i>Защита от обиды</i>	3,70	6,64	2,94	4,73*
15	<i>Уход от ситуации</i>	4,70	9,36	4,66	3,55*
16	<i>Самоуничижение Я</i>	2,70	4,91	2,21	2,56*
17	<i>Возбуждение вины в других</i>	0,10	1,91	1,81	3,20*
18	<i>Саногенное мышление</i>	14,73	8,20	6,53	7,62*
19	<i>Несоответствие поведения др. моим ожиданиям</i>	2,60	3,82	1,22	4,12*
20	<i>Апеллирующее мышление</i>	1,20	3,55	2,35	2,60*

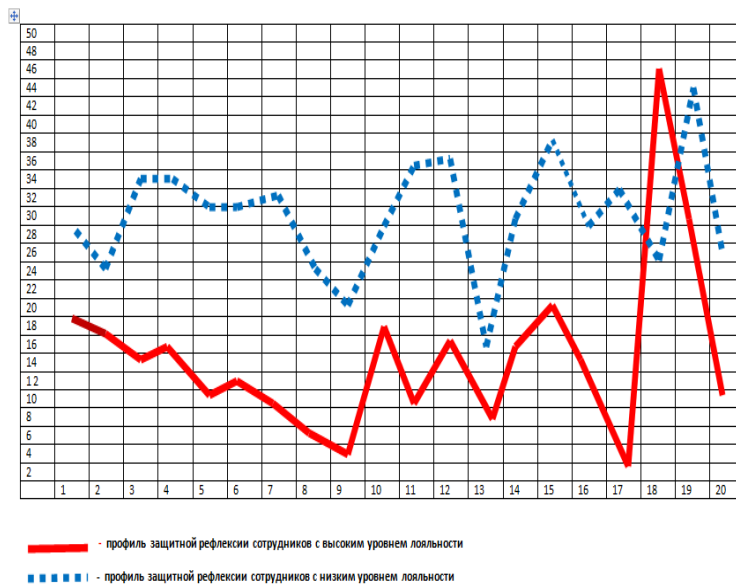

Рисунок 2. Особенности выраженности показателей защитной рефлексии у сотрудников с низким и высоким уровнем лояльности

Данные, представленные на рисунке 2, позволяют увидеть профили защитной рефлексии у сотрудников с высоким и низким уровнем лояльности.

Рефлексивный профиль лояльного сотрудника организации

Из графика следует, что лояльный сотрудник рефлексивирует, но характер этой рефлексии позитивен. Показатели 1, 2, 3 и 4 граф говорят о том, что он не страдает от страха неудачи, чувства вины, стыда и обиды. Защитная рефлексия по поводу переживания этих чувств выражена оптимально для выживания в социуме и конкретно в организационной среде. Лояльный сотрудник не является носителем ментальной агрессии против себя и других (графы 5, 6) а это значит, что ему не нужно испытывать психофизиологическое напряжение, вызываемое сдерживанием неодобряемых в обществе форм поведения. При встрече с трудностями, производственными и личными проблемами, лояльный сотрудник рационализирует, как правило, конструктивно (не защищает себя обесцениванием вожеленного объекта. Не пеняет на обстоятельства (графы 7, 8). Он не уходит из ситуации, даже если обстоятельства угрожают его «Я», а пытается конструктивно разрешить конфликт (графа 15). У лояльного сотрудника нет склонности к самоуничтожению, он не страдает от комплекса неполноценности (графа 16) и зависти (графа 13). У него нет необходимости и желания управлять другими, вызывая у них чувство вины (графа 17). Так как лояльный сотрудник не склонен к проекциям (графа 9), он не страдает от того, что другие в своем поведении не соответствуют его ожиданиям (графа 19). Однако, что особенно примечательно в рефлексивном профиле лояльного сотрудника, так это значительно выраженный показатель саногенного мышления. А это характеризует его как здравомыслящего человека, умеющего прощать и преодолевать трудности, толерантно воспринимающего личностные особенности своих близких и коллег [3].

Рефлексивный профиль нелояльного сотрудника организации

Из графика следует, что нелояльный сотрудник болезненно рефлексировать, однако характер его рефлексии носит патогенный характер. Показатели 1, 2, 3 и 4 граф говорят о том, что он страдает от страха неудачи, чувства вины, стыда и обиды. Защитная рефлексия по поводу переживания этих чувств выражена значительно, не оптимально для выживания в социуме и конкретно в организационной среде. Нелояльный сотрудник является носителем ментальной агрессии против себя и других (графы 5, 6) а это значит, что он постоянно испытывает психофизиологическое напряжение, вызываемое сдерживанием неодобряемых в обществе форм поведения. При встрече с трудностями, производственными и личными проблемами нелояльный сотрудник рационализирует, как правило, неконструктивно (защищает себя обесцениванием вожаемого объекта, пеняет на обстоятельства (графы 7, 8). Он уходит из ситуации по принципу детского инфантилизма: «Забирай свои куклы, отдавай мои тряпочки, я с тобой не играю», ему проще уйти, порвать отношения, чем конструктивно разрешить конфликт (графа 15). Вот почему такие сотрудники не могут долго работать на одном месте и быть приверженными, преданными компании. Нелояльный сотрудник склонен к самоуничтожению по принципу: «Где уж нам уж выйти замуж», он страдает от комплекса неполноценности (графа 16) и зависти (графа 13). Пытается управлять другими, вызывая у них чувство вины (графа 17). Нелояльный сотрудник склонен к проекциям (графа 9), а поэтому страдает от того, что другие в своем поведении не соответствуют его ожиданиям: «Начальник плохой», «коллеги подсиживают» (графа 19). Показатель «Несоответствие поведения других моим ожиданиям» наиболее выражен в рефлексивном профиле нелояльного сотрудника. Отсюда гипертрофированное чувство справедливости, правдоискательство и высокий уровень конфликтности. Если в рефлексивном профиле лояльного сотрудника показатель саногенного мышления выражен значительно выше всех показателей защитной рефлексии, то у нелояльного он выражен незначительно, хотя и выше некоторых показателей. Это характеризует его как здравомыслящего человека, хотя и почти не умеющего прощать и быть терпимым к индивидуальности своих близких и коллег.

Литература

1. Морозюк, Ю.В. 10 шагов исцеления от обиды / С.Н. Морозюк, Ю.В. Морозюк // Практикум по развитию саногенного мышления.- М.: Прометей, 2013.- 134 с.
2. Морозюк, Ю.В. Механизм оптимизации функционирования менеджмента организации / Ю.В. Морозюк, С.Н. Морозюк // современные корпоративные стратегии и управленческие технологии в россии Сборник научных статей. Вып.8, в 3-х частях.- М.: 2013. С. 128-132.
3. Морозюк, Ю.В. Саногенная рефлексия как фактор стрессоустойчивости персонала / Ю.В. Морозюк, С.Н. Морозюк // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 34 частях. - 2013. - С. 64-67.
4. Морозюк, Ю.В. Особенности формирования модели социального управления промышленным предприятием / К.Г. Царитова, Ю.В. Морозюк // Транспортное дело России. 2012. № 1. С. 86-87.
5. Морозюк, Ю.В. Саногенная рефлексия как фактор стрессоустойчивости персонала организации / Ю.В. Морозюк, С.Н. Морозюк // Вестник Финансового университета. - 2012. - № 4 (70). - С. 99-101.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА РАБОТЫ С ПЕРСОНАЛОМ

Ю.В. Морозюк, доктор психологических и экономических наук, профессор кафедры прикладной психологии,

В.А. Попова, студентка 4-го курса,

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» («МГОТУ»), г. Королёв, Россия

В статье обосновывается, что успех деятельности организации зависит не только от квалификации специалистов работающих в нем, но и от умения использовать кадры, эффективности управления ими. Управление персоналом не новая наука, но РФ ей продолжительное время не уделяли должного внимания из-за того, что бизнес изначально ставил перед собой цель получить краткосрочную прибыль, затрачивая при этом минимум средств и усилий. Из-за такой ориентации бизнеса, какие-либо значимые, долгосрочные вложения в человеческий капитал расценивались как нечто сверхъестественное. Безграничность российского рынка труда так же способствовала развитию этого мнения. Однако последние изменения в стране, а именно реформы последнего десятилетия, показали, что это мнение является ошибкой.

Персонал, управление, психология, отдел кадров.

PSYCHOLOGICAL SYSTEM OF WORK WITH PERSONNEL

Y.V. Morozyuk, doctor of psychological Sciences, Professor, Department of applied psychology,

V.A. Popova, student of the 4th course,

State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of Technology» («UNITECH»), Korolev, Moscow Region

The article explains that the success of the enterprise depends not only on the qualifications of professionals working in it, but also on the ability to use personnel and management efficiency. Personnel management is not new science, but in the Soviet Union and the Russian Federation for a long time she had not paid proper attention to due to the fact that the business initially, the aim was to obtain short-term profits, while expending the funds. Because of this attitude about business, any significant, long-term investments in human capital were seen as something extraordinary. The immensity of the Russian labor market also contributed to the development of this opinion. However, recent changes in the country, namely the reforms of the last decades has shown that this opinion is a mistake.

The staff, management, psychology, human resources.

Репутацию организации, в основном, составляет профессионализм персонала и грамотность руководящего состава. Если управление коллективом происходит само по себе, без учета всех аспектов социальных и психологических закономерностей развития, а подбор подходящих кадров происходит случайно, то в коллективе возникает фундамент для конфликтов, снижения показателей труда, увольнений и недовольств. Со временем складываются проблемы, которых при должном внимании к управлению персоналом, можно было бы избежать. Результаты многочисленных исследований, существующей в наше время научной практики, указывают на то, что подавляющее большинство отечественных организаций, обычно обращают внимание лишь на совершенствование управления финансами (финансового менеджмента). При этом, сам персонал, как объект управле-

ния отодвигается на второй план. Именно поэтому российские предприятия и их службы по управлению персоналом имеют столь низкий организационный уровень, и недостаточно подготовлены. По сути, их обязанности ограничиваются лишь учетными функциями.

В поисках возможностей и в процессе принятия мер по улучшению производства и повышению прибыли предприятия, нельзя обделить вниманием персонал, не занимаясь вопросами повышения его потенциала, вклада в производство. Показатель качества товара – это, прежде всего показатель качества работы людей его выпускавших, успех предприятия – это и успех труда его работников.

Основной ценностью предприятия всегда оставалось качество персонала. Даже при условии автоматизации производства, будет иметь значение квалификация и сплоченность тех, кто следит за бесперебойной работой основных узлов техники, исправляет возникшие неисправности, и устраняет сбои. Управление персоналом является одним из главных направлений в современном менеджменте [4].

С того момента, как зародилась теория и практика научного управления, особо важным направлением признавалась работа с людьми, которая требовала внимания и компетентности из-за своей важности в процессе производства. Важно заметить, что сначала внимание уделялось психологическим аспектам. Но осознание сути работы, из чего она состоит, в чем вообще заключаются психологические аспекты, не было маловажным и однозначным. Все со временем изменялось, в том числе и взгляды. В общем, в этих изменениях просматривалось как более четкое понимание связи между успехом предприятия и качеством способностей работников, так и более углубленное понимание их психологии. Это так же отразилось на ряде управленческих терминов – «рабочая сила», «трудовые ресурсы», «человеческий фактор». За каждым из этих терминов стояли свои понятия и отношения к работникам занятым на предприятии [2].

К примеру, понятие «человеческий фактор» с недавних пор считается некорректным, так как, понятие фактор (от латинского factor) означает «задающий, производящий, движущая сила». В смыслах некоторых рассуждений человек как фактор ставится в ряд с ресурсами (машины, финансы, сырье, энергетика и пр.). Хотя человек на самом деле это самая главная производящая и движущая сила на предприятии, и он является живым существом, а не материальным объектом. Человек – личность, обладатель духовности и сознания, у него есть свои потребности, интересы, заботы, семья. Жизнь не должна становиться работой [3].

Человек работает, чтобы жить, и значимая часть жизни человека находится вне работы, но для многих работа так же становится важной и очень интересной частью жизни, призванием. Работа сама играет в жизни человека роль средства, фактора для получения финансов для жизнедеятельности. Понятию «персонал», которому начали отдавать предпочтение примерно с 1980-х годов, происходит от латинского слова persona – «личность», что более емко показывает суть того, кто работает на предприятии и задачи налаживания контакта с ним.

Дело состоит не только лишь в одних гуманитарных и демократических идеалах, а еще в том, что психология человека, в наши дни, претерпела значимые изменения:

- Персонал владеет большим количеством информации, его кругозор стал значительно шире, он также шире оценивает обстановку, свободы и права иначе, чем 30-40 лет назад.
- Персонал способен раскрывать свой потенциал и повышать его на рабочем месте, если к нему относятся как к личности, а не средству для заработка и хотят сотрудничать, не считая его при этом «винтиком в большем механизме» «простаком» и т.д.

Многие новые методы получения информации открыли нынешним работникам новые методы обучения, что способствовало повышению их работоспособности [3].

На изменение подходов к работе с персоналом значительно повлиял переход России к рыночному типу экономики. Изменились подходы, задачи, проблемы работы с персоналом. Этот важ-

ный переход в корне изменил рынок труда и систему перераспределения занятости населения, улучшив условия труда, изменил их отношение к труду в целом, так же повлиял на подготовку профессионалов разных квалификаций. Но вместе с этим, он потребовал стремительного улучшения системы работы с персоналом, наполнения его новыми подходами и направлениями, среди которых значимое место занимают психологические подходы.

Работа с персоналом — это сложная система связанных между собой направлений, каждое из которых занято решением своей задачи. Существенная их часть в разных степенях связана с психологией работы с персоналом и психологическими трудностями. Успешность выполнения работы по этим направлениям связана с умением специалистов по работе с персоналом понимать, учитывать и преодолевать их [3].

Разработка стратегии по работе с персоналом является главным направлением деятельности руководства организации. Политика работы с персоналом осуществляется в комплексе разнообразных мер по повышению потенциала организации. Разумеется, что правильность и успех стратегии связан, прежде всего, с умениями разбираться в людях, их способностях и поведении определяющих их отношение к труду, лояльность фирме и др., что является невозможным без применения психологических знаний [4].

Аттестация штата решает многие задачи, основной из которых является определение трудовых требований к профессиональным работникам, которые имеют способность успешно выполнять свою работу на своих рабочих местах, закрепленных штатным расписанием. Предусматривается анализ должностных требований и обязанностей к профессионалам, возможных трудностей, а также подробное описание профессиональных качеств работника, способного успешно решать их. Аттестация предусматривает отбор людей, которые соответствуют требованиям фирмы на основе сопоставления их способностей и качеств с требуемыми условиями. В психологии уже долгое время существуют две технологии, которые обеспечивают действенное и качественное решение задач аттестации:

- Профессиография – технология психологического изучения, выявления особых требований каждой профессии к человеку, а также подробное описание последней [2].
- Психография - составление конкретного перечня (психограммы) требований, профессионально важных качеств, способных быть оцененными современными научными психодиагностическими методами. Часто в мире психологии, последнее обозначается как, психологическая модель специалиста [2].

На рисунке 1 представлен процесс аттестации персонала.

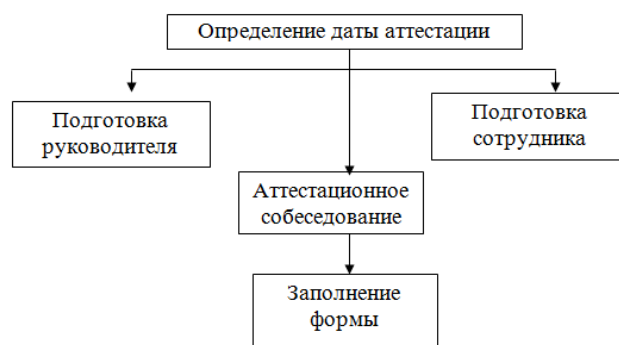

Рисунок 1. Процесс аттестации персонала

В последнее время психологи добавляют к традиционным направлениям работы с персоналом еще и повседневное руководство трудом работников, обращая внимание на его важность. Если работа с людьми ограничивается одним лишь проведением официальных мероприятий, то она не

может быть действенной. Психология человека изменяется, складывается в разном состоянии главным образом под воздействием реальных обстоятельств жизнедеятельности человека. Работа с персоналом эффективна, когда она системна, охватывает все способы влияния на персонал, в том числе и неформальные, психологические, обыденные и, с первого взгляда малозначимые, но на деле определяющие отношение к труду.

Психологический менеджмент – это работа всех менеджеров по повседневному руководству трудом и поведением всех работников, включая менеджеров кадровой службы [1].

Организационная роль в работе с персоналом лежит на особом подразделении – службе работы с персоналом. В настоящее время, главным подразделением по работе с персоналом считается отдел кадров организации, функции которого весьма ограничены и состоят лишь из приема и увольнения работников, организации обучения, повышения квалификации и переподготовки кадров. Но они далеки от основных направлений в работе с персоналом упомянутых выше. Этот недостаток восполняется рядом других важных структурных подразделений фирмы – организации труда и зарплаты, организация управления, охраны труда и соблюдения техники безопасности и др. Они имеют влияние на производительность труда и настроение работников, но в большинстве случаев представляют собой лишь аппараты административных работников, у которых нет соответствующей подготовки и у которых нет мотивов решения психологических задач в интересах организации.

На отдел кадров не возлагаются задачи координирования деятельности этих предприятий по вопросам психологической и социальной работы с персоналом. В довольно крупных компаниях данную проблему решают подчинением их одному руководителю – директору (либо его заместителю) по персоналу, но бывают случаи хуже – одних подчиняют заместителю директора по социальным вопросам, других – заместителю директора по кадрам. Это с тем, что они обычно ограничены в правах по решению возникших проблем и имеют низкий организационный статус. Опыт показывает, что работа с персоналом отодвигается на второй план в интересах предпринимателя и менеджера в сравнении с важностью выгоды. Это почти всегда приносит урон в отношении персонала к труду и производительности.

Проведенный анализ методов системы работы с персоналом позволяет сделать ряд выводов:

1. Управление персоналом – многофункциональная сфера деятельности, у которой главная задача – это предоставление предприятию в нужное время кадров в необходимом ему количестве и нужного ему качества, их правильное стимулирование к труду и расстановка по рабочим местам. Главной целью же, является формирование трудоспособных коллективов, в которых работники работают, учитывая собственные интересы и во благо предприятия [2].

2. При подборе персонала следует обращать внимание на личностные и психологические качества претендентов с целью увеличения эффективности работы фирмы благодаря укреплению ее сплоченности, образованию коллектива. Многие компании уже нанимают для этого профессиональных психологов, перед которыми ставится задача тестирования работников.

3. В системе управления персоналом организации необходимо учитывать психологические качества и особенности работников для улучшения психологического взаимодействия персонала в экономической деятельности, что является неременным условием для эффективной деятельности всей системы управления персоналом и производством.

4. На сегодняшний день нет ни одного идеального способа подбора персонала, поэтому руководство организации должно владеть всеми приемами и методами для привлечения кадров и уметь их использовать в зависимости от поставленной задачи и сложившейся ситуации.

5. Современным способом подбора персонала является метод открытого рекрутинга, который позволяет качественно и в короткие сроки осуществить отбор именно тех кандидатов, которые реально достойны работы в фирме по своим личным качествам и профессиональной подготовке.

Литература

1. Кишиков Р. В. Психология работы с персоналом. Словарь-справочник. - М.: РУИ, 2007.

2. Морозюк Ю.В., Морозюк С.Н. Человеческий фактор в управлении социально-экономическими системами: Монография. М.: Финакадемия, 2009. 132 с.
3. Морозюк Ю.В., Морозюк С.Н. Человеческий фактор. Психологические аспекты управления персоналом (в контексте обеспечения экономической безопасности организации): монография / Ю. В. Морозюк, С. Н. Морозюк. - М.: Финансовый ун-т, 2011. - 131 с.
4. Управление персоналом организации /Под. ред. А. Я.Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2003

УДК 88.4

СТАТУС РЕФЛЕКСИИ В СИТУАЦИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т.О. Смолева, кандидат педагогических наук, доцент, ГБОУ ВО Иркутский государственный университет, г. Иркутск .

С. Н. Морозюк, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии, ГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва

Статья посвящена одному из важных аспектов подготовки специалистов к межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется психолого-педагогическим исследованиям рефлексии как средства совершенствования коммуникативной компетенции. В содержании статьи раскрываются подходы к изучению феномена неопределенности (неуверенности) в процессе межкультурной коммуникации, привлекающих особое внимание стратегией редукции неуверенности; факторами снижения когнитивной неуверенности и тревожного поведения; динамикой стрессово-адаптационного роста личности к иной культуре через призму рефлексивных умений участников межкультурного общения. Актуальность представленного в статье содержания исследования определяется значимостью изучения данного аспекта в связи с необходимостью определения статуса рефлексии в ситуации преодоления неопределенности межкультурной коммуникации

Компетенция, межкультурная коммуникация, межкультурное общение, ситуация неопределенности, рефлексия.

THE STATUS OF REFLECTION IN A SITUATION OF COPING WITH UNCERTAINTY INTERCULTURAL COMMUNICATION

T.O. Smoleva, candidate of pedagogical Sciences, associate Professor, Irkutsk state University, Irkutsk, **S.N. Morozjuk**, doctor of psychological Sciences, head of the department of psychology of GOU Moscow pedagogical state University, Moscow

The article deals with one of the most important aspects of training for intercultural communication. Special attention is paid to psychological and pedagogical researches reflection as a means of improving communicative competence. In the article disclosed approaches to the study of the phenomenon of uncertainty (uncertainty) in the process of intercultural communication, which attracts particular attention is the strategy of reduction of uncertainty; factors reducing cognitive uncertainty and anxiety behavior; the dynamics of stress-adaptation growth of the individual to a different culture through the prism of the reflective skills of participants in intercultural communication. Relevance the article presents the contents of the study is determined by the importance of studying this aspect in connection with the necessity of determining the status of reflection in a situation of coping with uncertainty intercultural communication.

Competence, intercultural communication, intercultural communication, situation of uncertainty, reflection.

Сформированность компетенции позволяет личности, сохраняя собственную культурную идентичность, выйти в межкультурное сообщество (Б. В. Агеев, Д. Г. Арсеньев, Ю. В. Бромлей, Ю. В. Крысько, А. И. Мусукаев и др.). В данном контексте определяется статус рефлексии в ситуации преодоления неопределенности межкультурной коммуникации как главного механизма успешно-

сти взаимодействия представителей разных культур. Формирование рефлексии в ситуации преодоления неопределенности межкультурной коммуникации межкультурной коммуникативной компетенции происходит в процессе развития не только в интеллектуально-когнитивной области личности, но и эмоциональной сфере [1].

В этом ряду особое значение имеет рефлексия, изучение ее статуса в ситуации преодоления неопределенности межкультурной коммуникации. В научных исследованиях рефлексия достаточно интенсивно изучается как механизм саморазвития и самовыражения личности (А. В. Карпов, С.Н. Морозюк и др.). Установлено: рефлексия как способность личности осознавать себя, собственную профессиональную деятельность, переживания, факторы взаимодействия с окружающими позитивно изменяет картину эффективности личности в социуме. В исследовании И. Н. Семенова и С.Ю. Степанова показана значимость рефлексии в актуализации стремления к личностному и профессиональному росту. В практике образовательного процесса рефлексия изучается как фактор повышения эмоциональной компетентности личности (Н.В. Павлюченкова, Ю.Н. Крайнова). Л.А. Кананчук рассматривают рефлексия как механизм межличностного взаимодействия в полиэтнической среде вуза [2]. Особый интерес вызывает в межкультурной коммуникации феномен неопределенности. В области разработки теоретических подходов к изучению феномена неопределенности (неуверенности) в процессе межкультурной коммуникации привлекают особое внимание:

- стратегии редукации неуверенности (пассивная, активная, интерактивная);
- факторы снижения когнитивной неуверенности и тревожного поведения;
- динамика стрессово-адаптационного роста личности к иной культуре через призму рефлексивных умений участников межкультурного общения и др. Интерес к рефлексии в настоящее время вызван осознанием в обществе проблемы снижения коммуникативной культуры современного человека, неспособностью преодолеть эгоцентризм (этноцентризм) в ситуациях межкультурного общения, преодолеть возникающие трудности, ситуации коммуникативной неопределенности. Об этом свидетельствуют работы И.А. Зимней, Н.М. Лебедева и др. Роль рефлексии в подготовке выпускников столь значительна, что имеются точки зрения, согласно которым среди ключевых компетенций выпускников языковых и неязыковых вузов выделяется рефлексивная компетенция. В этом случае рефлексивная компетенция служит для преодоления негативных проявлений этнических стереотипов в ходе межкультурной коммуникации, трудностей, возникающих при взаимодействии представителей различных лингвосоциумов [4]. В ракурсе преодоления ситуаций коммуникативной и культурной неопределенности вопрос не исследовался. Между тем, данный аспект изучения явления, безусловно, актуален в связи с необходимостью снижения напряженности межкультурного взаимодействия, снятия психологических барьеров, обнаружения и преодоления ситуаций неопределенности межкультурного взаимодействия посредством рефлексии [3]. Практика, к сожалению, показывает затруднения выпускников вузов полноценного участия в осуществлении межкультурной коммуникации в связи с их недостаточной готовностью к осознанию степени неопределенности, непредвиденности ситуаций, возникающих в ходе межкультурного общения [5]. Все это обуславливает противоречия, возникающие между: - потребностью подготовки специалистов как полноценных участников межкультурной коммуникации и недостаточной их готовностью к неопределенным, непредвиденным ситуациям коммуникативного и культурологического свойства;
- наличием подходов к изучению разных видов неопределенности в контексте исследований в области философии, социологии, психологии и недостаточной изученностью данного феномена относительно межкультурной коммуникации;
- существующими исследованиями рефлексии как явления, и недостаточной изученностью ее статуса в ситуации преодоления неопределенности межкультурной коммуникации.

Необходимость разрешения данных противоречий обуславливает цель исследования: определение

статуса рефлексии в ситуации преодоления неопределенности межкультурной коммуникации.

Можно предположить, что определение статуса рефлексии в ситуации преодоления неопределенности межкультурной коммуникации, выявление типов неопределенности межкультурной коммуникации, на основе которых уточняется специфика рефлексивной компетенции как компонента межкультурной коммуникативной компетенции обеспечивает успешность общения. В соответствии с целью и гипотетическими положениями исследования сформулированы следующие задачи:

- 1) выявить виды неопределенности межкультурной коммуникации и осуществить их разноаспектную типологию;
- 2) на основе выявления видов неопределенности раскрыть сущность рефлексивной компетенции как компонента межкультурной коммуникативной компетенции;
- 3) разработать, научно обосновать статус рефлексии в ситуации преодоления неопределенности межкультурной коммуникации.

Для решения поставленных задач и проверки гипотезы определен комплекс взаимодополняющих научно-исследовательских методов:

- теоретические: анализ психолого-педагогических исследований по проблеме исследования;
- эмпирические методы: наблюдение, тестирование, анкетирование, опросы, изучение и обобщение опытно-экспериментальной деятельности;
- количественно-качественные методы: обобщающие, интерпретационные сбор, накопление и обработка данных.

Методологической базой исследования являются: компетентностный подход к целеполаганию межкультурной коммуникации (И.А. Зимняя); личностно-деятельностный подход в обучении (А.А. Леонтьев); положения о рефлексии как механизме самосознания и саморегуляции в контексте эффективности взаимоотношений (А.В. Карпов, Ю.М. Орлов, С.Н. Морозук).

Новизна работы заключается в выявлении типов неопределенности межкультурной коммуникации, ее критериально-уровневых замеров, определении статуса рефлексии.

В условиях современной образовательной среды вуза студенты как субъекты образования также познают традиции, новую культуру, своеобразие характера представителей иных культур. В межкультурном взаимодействии реализуются разные нравственные установки, программы поведения, одобряемые в определенной культуре, в связи, с чем в общении и возникают разные ситуации неопределенности, значительно снижающие эффективность межкультурной коммуникации. Рефлексия как базовая способность к самонаблюдению, анализу, саморегуляции и самосовершенствованию личности способствует снижению напряженности в силу преодоления возникающей неопределенности (С.Л. Рубинштейн и др.).

Влияние рефлексии А.В. Карпов рассматривает как средство в контексте реализации высшего - метасистемного уровня организации психики как компонент системы деятельности. Рефлексия, по мнению исследователя, способствуя совершенствованию анализа профессиональной деятельности, повышает индивидуально-психологический уровень личности [5].

В настоящем исследовании данные уровни учитываются в контексте определения статуса рефлексии в ситуации преодоления неопределенности межкультурной коммуникации.

Литература

1. Зарубина, Л. А., Смолева, Т. О. Влияние рефлексии на эффективность межкультурной коммуникации / Материалы У11 международной научно-практической конференции «Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований» 19-20 октября 2015 г. - North Charleston, USA. - Т.3.- С. 73-80.
2. Кананчук Л. А., Смолева Т. О. Педагогические условия развития саногенной рефлексии специалистов дошкольного образования: учебное пособие. - Иркутск: ФГБОУ ВПО «ВСГАО», 2014. 128 с.

3. Морозюк, С. Н. Саногенный стиль мышления. Управление эмоциями: модульно-кодированное учебное пособие к циклу курсов по бесконфликтной адаптации и саморазвитию / С. Н. Морозюк. - М.: Сайдинг, 2005. 90 с.
4. Морозюк С.Н., Морозюк, Ю.В. 10 шагов исцеления от обиды / С.Н. Морозюк, Ю.В. Морозюк // Практикум по развитию саногенного мышления. М.: Прометей, 2013. 134 с.
5. Морозюк, Ю.В. Саногенная рефлексия как фактор стрессоустойчивости персонала / Ю.В. Морозюк, С.Н. Морозюк // Наука и образование в XXI веке: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 34 частях. 2013. С. 64-67.